116 2/26

116 2/26

ПРАЗДНОВАНІЕ

тысячелѣтней памяти
Первосвятителя Славянъ

Св. КИРИЛЛА,

14-го февраля 1869 г., въ С. Петербургѣ и Москвѣ.

Oslavení

tisícileté památky
prvosvětitele Slovanů

SV. CYRILLA,

14./26. února 1869 r. v Petrohradě a v Moskvě.

V PRAZE.
Tiskem dra. Edv. Grégra. — Nákladem vlástním.
1869.

305

116 2
26

ПРАЗДНОВАНІЕ

тысячелѣтней памяти
Первосвятителя Славянъ
Св. КИРИЛЛА,

14-го Февраля 1869 г., въ С. Петербургѣ и Москвѣ.

Oslavení

tisícileté památky
prvosvětitele Slovanů
SV. CYRILLA,

$\frac{14.}{26.}$ února 1869 r. v Petrohradě a v Moskvě

V PRAZE.
Tiskem dra. Edv. Grégra. — Nákladem vlastním.
1869.

Описа́ніе торжества́ и рѣчи заи́мствованы изъ »Правосла́внаго Обозрѣнія« и газе́ты »Го́лосъ.«

Popis slavnosti a řeči jsou otištěny z »Правосла́внаго Обозрѣнія« (Pravoslavný Obzor) a novin »Го́лосъ.«

417555

Печа́тая кра́ткія свѣ́дѣнія о томъ, какъ была́ отпра́зднована тысячелѣ́тняя па́мять Св. Кири́лла, предлага́емъ внима́нію чита́телей четы́ре С л о́ в а, произнесённыя по э́тому по́воду. Смѣ́ло мо́жемъ сказа́ть, что дѣ́ло просвѣти́телей и первонаста́вниковъ славя́нства въ э́тихъ Слова́хъ со́знано глубо́ко и твёрдо; и, въ си́лу э́того живо́го созна́нія, уста́ми проповѣ́дниковъ Правосла́вія вы́сказаны такія тёплыя благожела́нія, къ кото́рымъ едва́-ли мо́жно оста́ться равноду́шнымъ.

Otiskujíce krátké zprávy o tom, jak byla oslavena tisíciletá památka sv. Cyrilla, předkládáme pozornosti čtenářů čtyři ř e č i, proslovené za touto příčinou. Směle můžeme říci, že dílo prvosvětitelů a prvoučitelů Slovanstva v těchto řečech oceněno hluboko a určitě, a za příčinou tohoto živého seznání ústy kazatelů pravoslaví vyslovena taká vřelá a důkladná přání, ke kterým sotva možno zůstati lhostejným.

Пра́зднованіе 14-го февраля́ соверши́лось въ Петербу́ргѣ съ необыкнове́нною торже́ственностію. День э́тотъ былъ пра́здничнымъ днёмъ почти́ для всѣхъ столи́чныхъ уче́бныхъ заведе́ній, воспи́танники кото́рыхъ бы́ли уво́лены отъ заня́тій. Торже́ственное богослуже́ніе въ Иса́кіевскомъ собо́рѣ начало́сь въ 10 часо́въ. Грома́дный храмъ былъ по́лонъ наро́да. За рѣшёткой, отдѣля́вшей пере́днюю часть хра́ма по амво́нъ, помѣсти́лись то́лько получи́вшіе осо́быя приглаше́нія отъ славя́нскаго благотвори́тельнаго комите́та: — всё э́то простра́нство бы́ло соверше́нно напо́лнено представи́телями вы́сшей администра́ціи, въ пара́дныхъ мунди́рахъ, да́мами, представи́телями литерату́ры, нау́ки, иску́сства и т. д.; на мно́гихъ прису́тствующихъ ви́дны бы́ли се́рбскіе и вновь пожа́лованные черного́рскіе ордена́; мно́гіе изъ чле́новъ славя́нскаго коми́те́та имѣли кока́рды изъ лентъ, въ кото́рыхъ соединены́ бы́ли славя́нскіе цвѣта́ — кра́сный, си́ній и бѣ́лый. Внѣ рѣшётки стоя́ли ма́ссы богомо́льцевъ, яви́вшихся въ храмъ по со́бственному побужде́нію. Хору́гвь св. Кири́лла и Меѳо́дія вы́силась напра́во отъ амво́на, и при ней стоя́лъ ея́ сооруди́тель, неутоми́мый побо́рникъ славя́нской иде́и, слѣпе́цъ Ширя́евъ. Литу́ргію соверша́лъ преосвящённый Палла́дій, вика́рій с.-петербу́ргской епа́рхіи. Про́повѣдь говори́лъ ре́кторъ петербу́ргской духо́вной акаде́міи, о. Я́нышевъ.*) По оконча́ніи обѣ́дни, начало́сь моле́бствіе св. Кири́ллу. Оно́ соверши́лось съ небыва́лымъ, со вре́мени освяще́нія Иса́кіевскаго собо́ра, торжество́мъ. Три митрополи́та (с.-петербу́ргскій, моско́вскій и кі́евскій), три архіепи́скопа, въ томъ числѣ́ преосвящённый лито́вскій Мака́рій, и до тридцати́ архимандри́товъ, протоіере́евъ и свяще́нниковъ, въ пра́здничномъ золото́мъ облаче́ніи, служи́ли собо́рнѣ

---

*) См. Приложе́ніе.

Slavnost 14/26. února odbyla se v Petrohradě s neobyčejnou okázalostí. Den ten byl svátečním dnem skoro pro všechny učebné ústavy v hlavním městě, jichž chovanci byli uvolněni od prací. Slavné služby boží v hlavním chrámu sv. Isáka počaly v 10 hodin. Ohromný chrám byl naplněn lidem. Za mříží, oddělující přední část chrámu až k ambonu*), umístili se toliko ti, kteří dostali zvláštní pozvání od slovanského dobročinného výboru: — celé toto prostranství bylo docela naplněno zástupci vyšší správy v slavnostních uniformách, dámami, zástupci literatury, nauky, umění atd.; na mnohých přítomných viděny byly srbské a nově udělené černohorské řády; mnozí z členů slovanského výboru měli kokardy z pentlí, v kterých spojeny byly slovanské barvy — červená, modrá a bílá. Před mříží stály zástupy modlících se, kteří přišli do chrámu z vlastního popudu. Korouhev svatých Cyrilla a Methoděje vznášela se v pravo od ambonu a při ní stál její původce, neunavný bojovník slovanské idey, slepec Širjajev. Bohoslužbu vykonával veledůstojný Palladij, vikář petrohradské eparchie. Kázaní měl rektor petrohradské duchovní akademie, otec Janyšev. **) Po ukončení mše počalo modlení k sv. Cyrillu. Ono vykonalo se se slávou, jaké nebylo z těch dob, co hlavní chrám sv. Isáka byl zasvěcen. Tři metropolité (petrohradský, moskevský a kyjevský), tři arcibiskupové, mezi nimi veledůstojný litevský Makarij, a do třiceti archimandritů, protojerejů a kněží v svátečním zlatém obleku

*) *ambon*, pult před oltářem ke čtení evangelia atd.

**) Viz přílohu.

э́то моле́бствіе, представля́вшее, по своей обстано́вкѣ, вели́чественное зрѣ́лище, досто́йное па́мяти вели́каго просвѣти́теля Славя́нъ. Грома́дныя толпы́ наро́да, не попа́вшія въ собо́ръ, толпи́лись на Иса́кіевской пло́щади.

Изъ собо́ра ли́ца, получи́вшія биле́ты на духо́вное пѣ́ніе въ придво́рной пѣ́вческой капе́ллѣ, отпра́вились въ зда́ніе капе́ллы. Здѣ́сь собрала́сь блестя́щая и многочи́сленная пу́блика на устро́енное дире́кторомъ капе́ллы, г. Бахме́тевымъ, „торжество́ въ па́мять тысячелѣ́тія по конч́инѣ святи́теля Кири́лла, просвѣти́теля Славя́нъ“ (какъ бы́ло ска́зано на изя́щно отпеча́танной славя́нскими бу́квами програ́ммѣ, служи́вшей въ то вре́мя вхо́днымъ биле́томъ). Торжество́ э́то состоя́ло изъ церко́вныхъ пѣ́сней и ги́мновъ. Церко́вныя пѣ́сни бы́ли исполня́емы по дре́внимъ „роспѣ́вамъ“ — гре́ческому, се́рбскому, болга́рскому, кіевскому, столпово́му и такъ-называ́емому просто́му. Когда́ слова́ духо́вной пѣ́сни каса́лись св. Кири́лла, всё о́бщество встава́ло и выслу́шивало пѣ́ніе сто́я.

Ве́черомъ въ 9 часо́въ, въ кварти́рѣ Н. А. Кирѣ́ева, происходи́ло засѣда́ніе славя́нскаго комите́та. Засѣда́ніе э́то бы́ло откры́то слѣ́дующею, вступи́тельною рѣ́чью предсѣда́теля, г. Ги́льфердинга:

„Открыва́я сего́дняшнее собра́ніе чле́новъ и госте́й славя́нскаго благотвори́тельнаго комите́та, я чу́вствую себя́ не въ си́лахъ приня́ть на себя́ зада́чу изложи́ть предъ ва́ми, мм. гг., вели́кія заслу́ги человѣ́ка, отъ кото́раго ведётъ нача́ло своё на́ше просвѣще́ніе и кото́раго ны́нѣ отдѣля́етъ отъ насъ испо́лнившееся тысячелѣ́тіе. Я та́кже не бу́ду исчисля́ть предъ ва́ми неизмѣри́мыхъ благодѣ́тельныхъ послѣ́дствій совершённаго имъ дѣ́ла для всѣ́хъ славя́нскихъ наро́довъ, кото́рые имѣ́ли сча́стіе воспо́льзоваться э́тимъ дѣ́ломъ, — мнѣ пришло́сь бы повторя́ть предъ ва́ми то, что́ вамъ всѣ́мъ хорошо́ извѣ́стно и всѣ́ми ва́ми прочу́вствовано.

„Мы сего́дня возда́ли первоучи́телю на́шему св. Кири́ллу вы́сшую дань призна́тельности, каку́ю человѣ́къ мо́жетъ получи́ть отъ потомства. Мы призыва́ли его́ свято́е и́мя въ бо́жьемъ хра́мѣ; мы проси́ли его́ благослови́ть настоя́щія и гряду́щія судьбы́ славя́нскаго пле́мени, призва́ннаго имъ къ про-

sloužili společně toto modlení, ježto poskytovalo ve svém seřadění velkolepý pohled, důstojný památky velkého osvětitele Slovanů. Ohromné zástupy lidu, které nedostaly se do hlavního chrámu, hemžily se na Isakovském náměstí.

Osoby, které dostaly vstupenky na duchovní zpěv dvorního zpěváckého sboru, odebraly se z hlavního chrámu do budovy sboru. Zde shromáždilo se vybrané a četné obecenstvo na „slavnost tisícileté památky smrti svatého Cyrilla, osvětitele Slovanů,“ kterou byl uspořádal ředitel sboru pan Bachmetěv (jak bylo řečeno na programu skvostně vytištěném slovanskými písmeny, jenž sloužil tenkrát za vstupní lístek). Slavnost tato sestávala z církevních písní a hymnů. Církevní písně byly zpívány podlé starobylých nápěvů — řeckého, srbského, bulharského, kyjevského, sloupcového a tak nazvaného prostého. Když slova duchovní písně týkala se sv. Cyrilla, všecko obecenstvo vstávalo a vyslechlo zpěv stojíc.

Večer v 9 hodin v bytu N. A. Kirějeva odbývalo se zasedání slovanského výboru. Zasedání toto bylo zahájeno následující úvodní řečí předsedy p. Gilferdinga:

Zahajuje dnešní schůzi členů a hostí slovanského dobročinného výboru, necítím v sobě dosti sil, bych vzal na sebe úlohu, vyložiti před vámi, pánové, veliké zásluhy muže, od kterého počíná naše osvěta a kterého nyní odděluje od nás uplynuvší tisíciletí. Taktéž nebudu vypočítávati před vámi nesmírných blahodějných následků vykonaného jím díla pro všechny slovanské národy, kterým dostalo se štěstí, že mohli užíti toho díla — byl bych nucen opakovati před vámi to, co vám všem dobře známo a všemi vámi cítěno.

My dnes vzdali prvoučiteli našemu sv. Cyrillu vyšší daň uznalosti, jaké člověku může dostati se od potomstva. My vzývali jeho svaté jmeno v božím chrámě; my prosili ho, aby požehnal nynější a budoucí osudy slovanského plemene, povolaného

свѣще́нію . . . Ита́къ, счита́ю до́лгомъ пря́мо обрати́ться къ тѣмъ дѣла́мъ, кото́рыя стоя́тъ на о́череди сего́дняшняго на́шего собра́нія.

„Славя́нскій благотвори́тельный комите́тъ рѣши́лъ, въ па́мять сего́дняшняго дня, учреди́ть пре́мію — пре́мію и́менно то́лько для уча́щейся молодёжи, да́бы поощри́ть молоды́хъ людé́й къ заня́тію славя́нствомъ — заня́тію, кото́рое къ несча́стію, въ на́шемъ обществѣ́, ещё сли́шкомъ ма́ло распространено́. Я позво́лю себѣ́ прочита́ть уста́въ э́той пре́міи, такъ какъ славя́нскій благотвори́тельный комите́тъ постанови́лъ, чтобъ объ э́той пре́міи бы́ло объя́влено сего́дня, въ день 14-го Февраля 1869 го́да.“

Уста́въ кири́лловской пре́міи:

1. Для поощре́нія молоды́хъ людé́й къ изуче́нію славя́нства, петербу́ргскими чле́нами славя́нскаго благотвори́тельнаго комите́та учрежда́ется ежего́дная пре́мія.

2. Пре́мія сія́, въ па́мять первоучи́теля славя́нъ, св. Кири́лла, имену́ется кири́лловскою.

3. Пре́мія состои́тъ изъ 500 руб. сер. и опредѣля́ется на награ́ды за лу́чшія сочине́нія по предме́ту, до славя́нства относя́щемуся.

4. Со́бранные 500 руб. раздѣля́ются на двѣ пре́міи: одну́ въ 300 и другу́ю въ 200 руб.

5. Къ соиска́нію э́тихъ пре́мій приглаша́ются всѣ уча́щіеся въ россі́йскихъ университе́тахъ и други́хъ вы́сшихъ учё́бныхъ заведе́ніяхъ россі́йскихъ.

6. Сочине́ніяприсыла́ ются на и́мя петербу́ргскаго казначе́я славя́нскаго комите́та.

7. Для присужде́нія пре́мій и для назначе́нія темъ на ка́ждый срокъ избира́ется чле́нами славя́нскаго комите́та осо́бая коми́сія.

8. На пе́рвый разъ, для доставле́нія уча́щимся возмо́жности воспо́льзоваться двумя́ канику́лярными періо́дами, сро́комъ представле́нія сочине́ній къ соиска́нію назнача́ется 1-е октября́ 1870 го́да. Сро́комъ вы́дачи награ́дъ назнача́ется 15-е ноя́бря 1870 го́да.

jím k osvětě ...... A takž pokládám za svou povinnost, přímo obrátiti se k těm věcem, které jsou na řadě v dnešní naší schůzi.

Slovanský dobročinný výbor ustanovil se na tom, aby na památku dnešního dne byla založena cena — cena zejmena toliko pro studující mládež, aby povzbudila mladé lidi k tomu, by obírali se Slovanstvem — studium, které na neštěstí v našem obecenstvu ještě tuze málo jest rozšířeno. Dovoluji si přečísti rozvrh této ceny, poněvadž slovanský dobročinný výbor ustanovil, aby tato cena byla ohlášena dnes, dne 14/26. února roku 1869.

Rozvrh cyrillské ceny:

1. Pro povzbuzení mladých lidí, by obírali se Slovanstvem, vypisuje se petrohradskými členy slovanského dobročinného výboru každoroční cena.

2. Cena ta na památku prvoučitele Slovanů, sv. Cyrilla, jmenuje se cyrillskou.

3. Cena sestává z 500 rublů stříbra a určuje se na náhrady za nejlepší práce o předmětech Slovanstva se týkajících.

4. Určených 500 rublů rozdělují se na dvě ceny: jedna 300 a druhá 200 rublů.

5. K ucházení se o tyto ceny zvou se všichni studující v ruských universitách a druhých vyšších učebných ústavech ruských.

6. Práce posílají se na jméno petrohradského pokladníka slovanského výboru.

7. K přisouzení ceny a k ustanovení látek na každou lhůtu volí se od členů slovanského výboru zvláštní komise.

8. Pro prvníkrát, aby se dala studujícím možnost ku použití dvojích prázdnin, ustanovuje se lhůta zadání prací na den 1. října roku 1870. Lhůta k vyplacení náhrad ustanovuje se na den 15. listopadu roku 1870.

9. Отчётъ комисіи, разбиравшей сочиненія, печатается въ одной изъ газетъ.

Тéма на 1869—1870 гóды. Историческій разсказъ о трёхъ первыхъ попыткахъ государственнаго объединенія западныхъ Славянъ (850—1025 годъ: Великая Моравія при Ростиславѣ и Святополкѣ; Чехія при Болеславахъ I и II; Польша при Болеславѣ Храбромъ). При этомъ, должно быть обращено вниманіе на проповѣдь вселенскаго христіанства въ означенныхъ земляхъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ и переворотъ въ пользу латинства, произведённый проповѣдническою дѣятельностью Войтѣха. Такъ какъ главные матеріалы для исторіи этой эпохи заключаются въ общедоступныхъ изданіяхъ (Monumenta Germaniae Пертца, Лѣтопись Нестора, Житія Кирилла и Меѳодія, Monumenta Poloniae Бѣловскаго и Regesta Bohemiae Эрбена и т. д.), то предлагаемая тéма должна быть разработана на основаніи непосредственнаго знакомства съ источниками.

Затѣмъ г. Ширяевъ заявилъ, что онъ жертвуетъ на усиленіе фондовъ комитета 1 билетъ внутренняго займа въ 100 р. с.

За симъ А. Д. Башмаковъ заявилъ, что глубоко сочувствуя цѣли и дѣятельности славянскаго благотворительнаго комитета, онъ проситъ комитетъ принять отъ него въ этотъ знаменательный день посильную лепту, — 1000 р.; при этомъ, не желая давать этому приношенію какого-либо спеціальнаго назначенія, г. Башмаковъ проситъ распорядиться этой суммой по усмотрѣнію комитета.

Заявленія этѣ вызвали громкія рукоплесканія, вслѣдъ за которыми предсѣдатель сказалъ, что хотя въ комитетѣ нѣтъ до сихъ поръ званія почётнаго члена и члена-благотворителя, однако онъ, въ виду сдѣланнаго г. Башмаковымъ приношенія, предлагаетъ гг. членамъ комитета тотчасъ же признать г. Башмакова почётнымъ членомъ комитета. Предложеніе это встрѣчено громкимъ одобреніемъ.

Г. Краевскій предложилъ также г. Ширяева въ почётные члены. Это предложеніе принято было единогласно. Засимъ, г. Гильфердингъ заявилъ, что, кромѣ этихъ пожертвованій, ещё поступили въ комитетъ пожертвованія, черезъ члена ко-

9. Zpráva komise, posuzující práce, vytiskne se v některých novinách.

Látka na 1869—1870 leta. Dějepisná rozprava o třech prvních pokusech státního sjednocení západních Slovanů (850—1025 r.: Velká Morava za Rostislava a Svatopluka; Čechy za Boleslava I. a II.; Polska za Boleslava Chrabrého). Při tom má býti obrácena pozornost na hlásání povšechného křesťanství v naznačených zemích sv. Cyrillem a Methodějem a převrat ku prospěchu katolictví spůsobený kazatelskou činností Vojtěcha. Ježto hlavní materialy pro dějiny této doby nalezají se ve vydáních každému dostupných (Monumenta Germaniae Pertze, Letopis Nestora, Životy Cyrilla a Methoděje, Monumenta Poloniae Bělovského a Regesta Bohemiae Erbena atd.), tož navržená látka má býti vypracována na základě bezpostředního seznámení se s prameny.

Na to oznámil p. Širjajev, že daruje na rozmnožení základního jmění výboru jednu poukázku domácí půjčky (ruské) na 100 r. stř.

Pak oznámil A. D. Bašmakov, že cit jeho hluboce dojat jest záměrem a činností slovanského dobročinného výboru a protož prosí, by výbor přijal od něho v tento významný den co jeho poměrům přiměřený příspěvek 1000 rublů; nechtěje při tom dáti tomuto daru nějakého zvláštního naznačení, prosí p. Bašmakov, by s tou částkou výbor naložil dle svého uznání.

Oznámení tato vzbudila hlučný potlesk, načež předseda promluvil, že ačkoliv ve výboru není dosud názvu čestného člena a člena dobrodince, však on, z ohledu učiněného p. Bašmakovým daru, navrhuje pp. členům výboru, aby hned p. Bašmakova přijali za čestného člena výboru. Návrh tento byl hlučně schválen.

P. Krajevský navrhl taktéž p. Širjajeva za čestného člena. Tento návrh byl přijat jednohlasně. Na to p. Gilferding oznámil, že kromě těchto darů ještě došly k výboru dary prostřednictvím člena výboru p. Posochova, který vzal na sebe úlohu, že uvědomí

митета, г. Посохова, который принялъ на себя трудъ увѣдомить городского голову города Поти и нѣсколькихъ другихъ городскихъ головъ телеграмой слѣдующаго содержанія: „Славянскій благотворительный комитетъ поручилъ мнѣ извѣстить, что въ пятницу, 14-го Февраля 1869 года, празднуется въ Петербургѣ торжественнымъ богослуженіемъ тысячелѣтіе памяти первоучителя славянскаго св. Кирилла“. На это г. Посоховымъ былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ изъ Ростова-на-Дону: „Горячо сочувствуя братьямъ Славянамъ, спѣшимъ и у себя почтить память первоучителя славянскаго, св. Кирилла. Просимъ васъ привѣтствовать комитетъ. Собранные 300 руб. вамъ высылаемъ“. При этомъ, г. Посоховъ заявилъ, что онъ имѣетъ въ виду, что и въ другихъ городахъ также будутъ сдѣланы сборы. Комитетъ выразилъ благодарность за такое участіе и за пожертвованіе.

Заявивъ затѣмъ, что нѣкоторые изъ членовъ предлагаютъ отвѣчать благодарственной телеграмой въ городъ Ростовъ за пожертвованіе, предсѣдатель находитъ, что противъ этого никакого возраженія не будетъ. (Предложеніе принято). Затѣмъ г. Гильфердингъ заявилъ, что, по сообщенію И. П. Корнилова, въ Варшавѣ и въ нѣсколькихъ другихъ городахъ Привислянскаго края былъ сдѣланъ сборъ въ пользу комитета. Деньги, полученныя по этому сбору, уже доставлены. Предложено просить г. Корнилова передать благодарность комитета жертвователямъ.

Г. Аристовъ пожертвовалъ въ комитетъ 50 экземпляровъ изданной имъ азбуки, для разсылки въ славянскія земли. Опредѣлено благодарить г. Аристова.

Изъ Кронштадта получена телеграма, подписанная г. городскимъ головою Степановымъ и контр-адмираломъ Истоминымъ, слѣдующаго содержанія: „Празднуя тысячелѣтіе кончины славянскаго первоучителя, кронштадтцы искренно желаютъ петербургскому отдѣлу славянскаго комитета успѣха въ народномъ славянскомъ дѣлѣ. (Собраніе положило выразить благодарность).

Н. А. Кирѣевъ заявилъ, что одинъ изъ членовъ комитета, г. Милютинъ, проситъ передать въ комитетъ, въ видѣ едино-

starostu města Poti a některé jiné starosty telegramem následujícího obsahu: „Slovanský dobročinný výbor poručil mně, bych oznámil, že v pátek, 14/26. února roku 1869, zasvětí se v Petrohradě slavnou službou boží tisíciletá památka prvoučitele slovanského sv. Cyrilla.“ Na to p. Posochov obdržel následující odpověď z Rostova na Donu: „Sdílejíce vřelé city své s bratřími Slovany, spěcháme, bychom i my oslavili památku prvoučitele slovanského sv. Cyrilla. Prosíme vás, pozdravte výbor. Sebraných 300 rublů vám posíláme.“ Při tom p. Posochov oznámil, že má naději, že i v druhých městech takže zařídějí se sbírky. Výbor vyslovil své díky za také účastenství a za dar.

Oznámiv pak, že někteří z členů navrhují, by se odpovědělo poděkovacím telegramem do města Rostova za dar, předseda myslí, že proti tomu nijaké námitky nebude. (Návrh byl přijat). Pak oznámil p. Gilferding, že dle sdělení J. P. Kornilova ve Varšavě a v některých druhých městech Vislanského kraje učinily se sbírky ve prospěch výboru. Peníze sebrané touto sbírkou jsou již odevzdány. Navrženo poprositi p. Kornilova, by vyřídil dárcům poděkování výboru.

P. Aristov daroval výboru 50 výtiskův vydané jím abecedy k rozeslání do slovanských zemí. Ustanoveno, by se poděkovalo p. Aristovu.

Z Kronštadtu zaslán telegram, podepsaný p. starostou Stěpanovým a kontr-admirálem Istominým, následujícího obsahu: „Oslavujíce tisíciletí úmrtí slovanského prvoučitele, přejí Kronštadští upřímně Petrohradskému odboru slovanského výboru úspěchu v národním slovanském díle.“ (Shromáždění ustanovilo, by se vyslovilo poděkování).

N. A. Kirějev oznámil, že jeden z členů výboru, p. Miljutin prosí odevzdati výboru co dar jednou pro vždy poukázku do-

временнаго пожертвованія билетъ внутренняго займа, а отъ себя г. Киреевъ предложилъ для раздачи въ славянскихъ земляхъ 50 экземпляровъ „Пчелы“, изданной г. Щербиною.

Затѣмъ, г. Гильфердингъ сказалъ: „Св. Кириллъ и его неразлучный спутникъ, исповѣдникъ Меѳодій, сдѣлались символомъ просвѣщенія у славянскихъ народовъ. Въ день, ознаменованный годовщиною тысячелѣтія кончины св. Кирилла, мы должны вспомнить и всѣхъ продолжателей и послѣдователей ихъ труда. Всѣ люди, подвизавшіеся на поприщѣ славянскаго просвѣщенія, суть прямые продолжатели труда Кирилла и Меѳодія, всѣ, начиная отъ ихъ первыхъ учениковъ: Климента, Горазда, и кончая людьми, недавно выбывшими изъ среды живыхъ, кончая Венелинымъ, Колларомъ, Шафарикомъ, Хомяковымъ, Константиномъ Аксаковымъ и другими дѣятелями славянскаго самобытнаго просвѣщенія. Я не беру на себя исчислить имена всѣхъ этихъ дѣятелей за тысячелѣтнюю эпоху, потому что это потребовало бы отъ меня цѣлой лекціи исторіи. Тѣмъ не менѣе, я долженъ сказать, что въ числѣ этихъ имёнъ есть одно имя, которое блеститъ свѣтлѣе всѣхъ на страницахъ славянской исторіи, и это имя, я полагаю, мы, мм. гг., должны помянуть въ сегодняшній день. Человѣкъ, о которомъ я говорю, рождённый въ средѣ славянскаго народа, погружённаго въ самый глубокій мракъ средневѣковаго латинскаго фанатизма, вырвался силою собственнаго своего геніальнаго ума, силою истинной христіанской любви, изъ мрака латинства и создалъ ученіе, которое нынѣшними русскими православными изслѣдователями признаётся тожественнымъ съ основаніями православной церкви, и которое уже вскорѣ послѣ его смерти было признано согласнымъ съ православіемъ въ торжественномъ актѣ константинопольскаго патріархата. Стряхнувъ съ себя оковы латинской церкви, этотъ человѣкъ открылъ мысли свободный просторъ развитія, и первый вывелъ народы западной Европы на блистательный путь просвѣщенія, которымъ ознаменовались послѣднія четыре столѣтія. По отношенію къ своему народу, этотъ человѣкъ оказалъ услугу, которую будутъ вѣчно помнить его сограждане, услугу, которая не забудется, покуда существуетъ чешскій народъ. Онъ

mácí půjčky, a od sebe p. Kiréjev předložil na rozdávku v slovanských zemích 50 výtisků „Пчелы", vydávané p. Ščerbinou.

Na to promluvil p. Gilferding: „Sv. Cyrill a jeho nerozlučný společník, vyznavač Methoděj, stali se symbolem osvěty u slovanských národů. V den, oslavený výroční tisíciletou památkou úmrtí sv. Cyrilla, máme si vzpomenouti i na všechny pokračovatele a následníky jich díla. Všickni lidé, kteří pracovali na poli slovanské osvěty, jsou přímí pokračovatelé díla Cyrilla a Methoděje, všichni počínaje od jich prvních učeníků: Klimenta, Gorazda a konče muži, kteří nedávno vystoupili ze středu živých, konče Veneliným, Kollárem, Šafaříkem, Chomjakovým, Konstantinem Aksakovým a druhými pracovníky slovanské samobytné osvěty. Nemám v úmyslu vypočítávati jmena všech těchto pracovníků za tisíciletou dobu, poněvadž by to vyžadovalo ode mne celé čtení dějepisné. Nicméně povinen jsem říci, že v počtu těch jmen jest jedno jmeno, které třpytí se nejskvěleji v listech slovanských dějin a to jmeno, mám za to, pánové, povinni jsme připomenouti dnešního dne. Muž, o kterém mluvím, narozen u prostřed slovanského národa, pohrouženého v nejhlubší mrak středověkého katolického fanatismu, vyrval se silou vlastního svého genialního rozumu, silou pravé křesťanské lásky, z mraku katolictví a založil učení, které nynějšími ruskými pravoslavnými badateli uznáno jest za totožné se zásadami pravoslavné církve, a které již brzy po jeho smrti bylo uznáno za souhlasící s pravoslavím v slavném aktu cařihradského patriarchy. Svrhnuv se sebe okovy katolické církve, muž tento otevřel mysli svobodný prostor vývinu a první vyvedl národy západní Evropy na skvělou dráhu osvěty, kterou vyznamenaly se poslední čtyři století. V ohledu k svému národu tento muž prokázal službu, kterou budou věčně vzpomínati jeho rodáci, službu, která nezapomene se, pokud potrvá český národ. On ho spasil od

его спасъ отъ участи, постигшей славянскія племена въ Силезіи, въ Помераніи, въ Каринтіи, когда эти племена, войдя въ составъ Германской Имперіи, подчинились господству нѣмецкой интелигенціи и, мало по малу, незамѣтно для себя, промѣняли славянскую народность на нѣмецкую. Если существуетъ чешскій народъ, если онъ будетъ существовать и будетъ приносить услуги славянскому міру, то онъ обязанъ этимъ великому своему Іоанну Гусу. Во всей исторіи славянскаго просвѣщенія, послѣ именъ Кирилла и Меѳодія, нѣтъ имени, которое всякій славянинъ произнесётъ съ большимъ благоговѣніемъ, какъ имя блаженнаго мученика Іоанна Гуса. Поэтому, я осмѣлюсь предложить, чтобъ въ протоколъ нынѣшняго собранія было внесено, что славянскій благотворительный комитетъ, въ день тысячелѣтія памяти св. Кирилла, помянулъ и великія, незабвенныя заслуги Іоанна Гуса. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я долженъ напомнить вамъ, мм. гг., что въ нынѣшнемъ году, вмѣстѣ съ тысячелѣтіемъ кончины святого Кирилла, празднуется и пятисотлѣтіе рожденія Іоанна Гуса. Нѣтъ сомнѣнія, что Чехи примутъ мѣры для того, чтобъ достойнымъ образомъ ознаменовать этотъ день, а потому надлежало бы и комитету нашему присоединиться къ тому юбилею, который будетъ праздноваться или въ Чехіи или, можетъ быть, на томъ мѣстѣ, гдѣ мученически окончилъ свою жизнь Іоаннъ Гусъ. Поэтому, мм. гг., не находите ли вы возможнымъ рѣшить, чтобъ въ будущее очередное засѣданіе славянскаго благотворительнаго комитета избрана была комисія для обсужденія мѣръ, которыя бы нашъ комитетъ могъ принять для участія въ празднованіи юбилея Іоанна Гуса?“ (Предложеніе это собраніемъ принято).

Графъ П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, въ пространной рѣчи, обративъ сначала вниманіе на замѣчательное воодушевленіе общества и сочувствіе, всюду встрѣчаемое комитетомъ въ его дѣятельности — доказательствами чего явились въ день 14-го февраля многія пожертвованія и поздравленія — обратилъ вниманіе на недостатокъ, часто встрѣчаемый въ истинныхъ познаніяхъ и свѣдѣніяхъ объ исторіи, жизни и наукѣ славянскихъ земель и народовъ, на непрочность, слѣдовательно и

osudu, který zastihl slovanská plemena v Slezsku, v Pomoří, v Korutansku, když tato plemena, vešedše v soustavu germanské říše, podrobila se nadvládě německé inteligence a znenáhla, nepozorujíce toho na sobě, proměňovala slovanskou národnost na německou. Jest-li že trvá národ český, jest-li bude trvati a bude přinášeti službu slovanskému světu, to on povinován tím velkému svému Janu Husovi. V celé historii slovanské osvěty po jmenech Cyrilla a Methoděje není jmena, které by každý Slovan vyslovil s větší úctou, jako jmeno blahoslaveného mučeníka Jana Husi. Proto osměluji se navrhnouti, aby do protokolu dnešní schůze bylo vnešeno, že slovanský dobročinný výbor v den tisícileté památky sv. Cyrilla vzpomínal i na veliké, nezapomenutelné zásluhy Jana Husi. Zároveň s tím povinen jsem připomenouti vám, pánové, že s tisíciletím úmrtí svatého Cyrilla slaví se i pětistoletí narození Jana Husi. Není pochyby, že Čechové postarají se o to, aby důstojným způsobem vyznamenali tento den, a proto náleželo by i na výbor náš, aby se připojil k tomuto jubileu, které bude slaviti se buďto v Čechách, aneb možná na tom místě, kde Jan Hus mučenicky svůj život dokonal. Proto, pánové, nemyslíte-li, že bychom mohli se ustanoviti na tom, aby v budoucím řádném sezení slovanského dobročinného výboru vyvolena byla komise ku poradě o přípravách, jaké by náš výbor mohl učiniti k účastenství v oslavení jubilea Jana Husi? (Návrh tento shromážděním přijat.)

Hrabě P. A. Goleniščev-Kutuzov obrátiv pozornost v delší řeči zprvu na pozoruhodné nadšení obecenstva a soucit, s kterým se všude potkává výbor ve své činnosti — důkazy čehož objevily se na den 14/26. února mnohé dary a pozdravy — připomenul nedůstatek, který často nacházíme v pravých známostech a vědomostech o dějinách, životu a nauce slovanských zemí a národů, ne-

ча́сто неплодотво́рность дѣ́ятельности побо́рниковъ славя́нства, то́лько пове́рхностно знако́мыхъ съ предме́томъ, на служе́ніе кото́рому они себя́ посвяща́ютъ, и вы́сказалъ по э́тому по́воду мысль о необходи́мости учреди́ть въ Петербу́ргѣ осо́бую библіоте́ку съ чита́льней, въ па́мять первоучи́теля Славя́нъ, св. Кири́лла, кото́рая, заключа́я въ себѣ́ спеціа́льное собра́ніе сочине́ній то́лько до Росси́и и славя́нскаго мі́ра относя́щихся, на всѣ́хъ славя́нскихъ языка́хъ и нарѣ́чіяхъ, со всѣ́ми ру́сскими и славя́нскими журна́лами и газе́тами, яви́лась бы средото́чіемъ свѣ́дѣній, до славя́нства относя́щихся, и служи́ла бы, съ одно́й стороны́, для сами́хъ Ру́сскихъ, съ друго́й — для Славя́нъ, пріѣзжа́ющихъ въ Россі́ю, всегда́ досту́пнымъ исто́чникомъ пріобрѣте́нія нау́чныхъ совреме́нныхъ свѣ́дѣній и позна́ній. Подро́бное опредѣле́ніе спо́соба осуществле́нія своей мы́сли, графъ П. А. Голени́щевъ-Куту́зовъ предложи́лъ переда́ть на обсужде́ніе осо́бой коми́сіи, что́ собра́ніемъ и было единогла́сно при́нято и занесено́ въ протоко́лъ.

Предсѣда́тель заяви́лъ, что Г. И. Ширя́евъ, изда́въ карти́ну въ па́мять св. Кири́лла, жела́етъ её розда́ть на па́мять всѣ́мъ прису́тствующимъ въ засѣда́ніи. Г. Ги́льфердингъ предложи́лъ занести́ въ протоко́лъ засѣда́нія благода́рность комите́та Г. И. Ширя́еву.

Г. Ми́ллеръ, вы́разивъ жела́ніе предложи́ть нѣ́которыя мы́сли, навѣ́янныя на него́ днёмъ 14-го Февраля́, сказа́лъ, что ему́ пришло́ на умъ тако́е сопоставле́ніе: „Мы пра́зднуемъ сего́дня тысячелѣ́тнюю годовщи́ну со дня сме́рти св. Кири́лла, родонача́льника славя́нской образо́ванности. Неда́вно, въ послѣ́дніе го́ды мы пра́здновали нѣ́сколько годовщи́нъ: то бы́ли годовщи́ны столѣ́тнія и пяти́десятилѣ́тнія — стра́нная ра́зница въ сро́кѣ! Каза́лось бы дѣ́ло, кото́рому нача́ло положи́лъ св. Кири́ллъ, дава́ло намъ зада́тки бы́страго ро́ста, широ́каго разви́тія; каза́лось, послѣ́ того́, что́ онъ сдѣ́лалъ, намъ бы приходи́лось пра́здновать нѣ́сколько годовщи́нъ вѣковы́хъ! Дѣ́ло, соверше́нное св. Кири́ллом, состоя́ло въ томъ, гла́внымъ о́бразомъ, что онъ далъ слове́сности возмо́жность быть досту́пною всему́ наро́ду; язы́къ, да́нный имъ для славя́нской слове́сности, въ томъ числѣ́ и для ру́сской, былъ язы́къ, до-

vytrvalost, následovně i často neplodnost činnosti obránců Slovanstva, toliko povrchně obeznámených s předmětem, jehož službě se zasvětili, a projevil za touto příčinou myšlenku o nutnosti, by se zařídila v Petrohradě zvláštní knihovna s čitárnou, na památku prvoučitele Slovanů sv. Cyrilla, která obsahujíc v sobě speciální sbírku děl, toliko Rusi a slovanského světa se týkajících, na všech slovanských jazycích a nářečích se všemi ruskými a slovanskými časopisy a novinami, stala by se středištěm vědomostí Slovanstva se týkajících, a sloužila by s jedné strany pro samé Rusy, s druhé — pro Slovany, přijíždějící na Rus, vždy za přístupný pramen k nabytí vědeckých současných vědomostí a poznání. Ku podrobnému určení, jakým spůsobem by jeho náhled uskutečněn býti mohl, navrhl hrabě P. A. Goleniščev-Kutuzov, by odevzdán byl k posouzení zvláštní komisí, což shromážděním i bylo jednohlasně přijato a zaneseno do protokolu.

Předseda oznámil, že G. J. Širjajev vydav obraz na památku sv. Cyrilla, přeje si jej rozdati na památku všem přítomným v sezení. P. Gilferding navrhl, by zapsáno bylo do zasedacího protokolu poděkování výboru G. J. Širjajevu.

P. Miller vysloviv, že si přeje projeviti některé myšlénky, které se mu namanuly v den 14/26. února, pravil, že mu přišlo na mysl takovéto přirovnání: „My slavíme dnes tisíciletou výroční památku ode dne smrti sv. Cyrilla, praotce slovanské vzdělanosti. Nedávno, poslední leta my slavili už několik výročních památek, byly to výroční památky stoleté a padesátileté — divný rozdíl v době! Zdálo by se, jakoby dílo, jehož základ položil sv. Cyrill, dávalo nám záruky bystrého růstu, širokého vývinu; zdálo by se, že po tom, co on vykonal, nám by přislušelo slaviti několik výročních stoletých památek! Dílo, vykonané sv. Cyrillem, záleželo hlavně v tom, že on to spůsobil, aby slovesnost mohla býti přístupnou celému národu; jazyk, který on dal slovanské slovesnosti, počítaje v to i ruskou, byl jazyk dostupný všem. On

ступный всѣмъ. Онъ далъ намъ, такимъ образомъ, великія преимущества предъ Западомъ: вмѣсто латыни, которая сдѣлалась языкомъ литературнымъ, и вслѣдствіе которой литература сдѣлалась достояніемъ немногихъ, мы получили литературный языкъ, который могъ сдѣлаться достояніемъ массы народной; это давало намъ, казалось бы, задатки широкіе, богатые для умственной литературной дѣятельности; вышло наоборотъ: произошёлъ продолжительный застой. Западные народы не имѣли того преимущества, какое мы имѣли, благодаря подвигу св. Кирилла, а между тѣмъ, они въ образованности опередили насъ".

„Дѣло св. Кирилла, продолжалъ г. Миллеръ, было важно, главное, въ томъ отношеніи, что образованность могла проникать въ огромныя народныя массы, могла сдѣлаться достояніемъ всѣхъ и каждаго, могла всѣхъ уровнять этого рода неотъемлемымъ, священнымъ равенствомъ; между тѣмъ, со скорбію, съ грустью мы должны сознаться, что массы нашего народа остались непросвѣщёнными". Сказавъ, что, съ устраненіемъ крѣпостного права, ещё не всё сдѣлано для народа, что при бѣдности его средствъ, непозволяющей, въ большей части, крестьянамъ заводить самимъ сельскія школы, мракъ невѣжества ещё долго будетъ царить въ нашихъ деревняхъ и сёлахъ, г. Миллеръ продолжалъ:

„Если мы не чувствуемъ этого; если мы утѣшаемъ себя мыслью, что дѣло совершено, и совершено какъ бы вполнѣ, и затѣмъ мало остаётся дѣлать; если мы тѣшимъ себя мыслью о нашихъ преимуществахъ, въ этомъ отношеніи, передъ другими, то, во многихъ отношеніяхъ, мы себѣ льстимъ, думая такъ, говоря такъ. Ещё болѣе льстимъ мы себѣ, когда думаемъ, что нашъ образованный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользующійся преимуществами классъ сдѣлалъ уже своё дѣло, что онъ принёсъ уже жертву, жертву неслыханную, невиданную, жертву безпримѣрную въ исторіи. Намъ часто говорили это, и продолжаютъ говорить; если послушать кое-какихъ, стоящихъ на почвѣ чистаго права, строгаго права, преимущественно людей нѣмецкаго закала, то они тоже скажутъ, что принесена такая жертва, которая заставила забыть права собственности, и наговорятъ много подобныхъ вещей; но

podal nám takto veliké přednosti před západem; místo latiny, která se stala jazykem literárním, následkem čehož i literatura ta stala se majetkem nemnohých, my dostali literární jazyk, který mohl se státi majetkem massy národní; to poskytovalo nám, zdálo by se, zárodky široké, bohaté pro duševní literární činnost; stalo se však naopak: stala se dlouhotrvalá přestávka. Západní národové neměli této přednosti, jakou my měli, děkujíce za to činu sv. Cyrilla, a zatím oni ve vzdělanosti nás předstihli."

„Dílo sv. Cyrilla," pokračoval p. Miller, „bylo důležité hlavně v tom ohledu, že vzdělanost mohla pronikati v ohromné národní massy, mohla státi se majetkem všech a každého, mohla všechny srovnati v tom spůsobu neodcizitelnou posvátnou rovností; mezi tím s žalem a zármutkem musíme se přiznati, že massy našeho národu zůstaly neosvícenými." Vysloviv pak, že s zrušením nevolnického práva ještě není všecko vykonáno pro národ, že při chudobě jeho prostředků, ježto větším dílem nedovolují sedlákům samým zakládati selské školy, mrak nevzdělanosti ještě dlouho bude panovati v našich všech a obcích, pokračoval p. Miller:

„Jest-li necítíme toho, jest-li se těšíme myšlénkou, že dílo jest vykonáno a vykonáno jak by zcela a že jenom málo ještě zůstává k vykonání, jestli-že se těšíme myšlénkou o našich přednostech v tom ohledu před jinými, to ve mnohých ohledech sebe klameme myslíce a mluvíce tak. Ještě více pochlebujeme sobě, když myslíme, že naše vzdělaná a zároveň i jistých předností užívající střída vykonala již své dílo, že přinesla již oběť, oběť neslýchanou, nevídanou, oběť bezpříkladnou v dějinách. Nám často mluvili to a pokračují v těchto řečech. Kdybychom poslouchali některých, kteří stojí na stanovisku čistého práva, přísného práva, hlavně lidí německého zákalu, to oni též řeknou, že jest přinešena taká oběť, která přiměla zapomenouti na práva osobitosti a mnoho podobných věcí namluví;

я ду́маю, что мы въ э́тотъ день, день па́мяти св. Кири́лла, пропове́дника христіа́нскаго уче́нія, пра́вды и любви́, мо́жемъ созна́ть за собо́ю то́лько долги́ относи́тельно наро́да. Мы остаёмся въ долгу́ у наро́да ру́сскаго; мы, по́льзовавшіеся впродолже́ніи трёхъ вѣко́въ его́ крова́вымъ трудо́мъ, мы не жёртву принесли́, а то́лько на́чали загла́живать свои́ ста́рые грѣхи́".

„Нѣ́сколько годовщи́нъ отпра́здновали мы въ послѣ́днее вре́мя. Мо́жно бы́ло боя́ться, какъ бы э́ти пра́зднованія годовщи́нъ не обрати́лись у насъ въ пра́здную привы́чку, какъ бы э́то не вы́шло дѣ́ломъ мо́ды, дѣ́ломъ подража́нія; но то, что́ мы ви́дѣли впослѣ́дствіи, то, что́ мы ви́димъ сегодня, даётъ наде́жду, что дѣ́ло пойдётъ ина́че. Мы хоти́мъ дѣ́йствовать, мы хоти́мъ приноси́ть, по мѣ́рѣ́ средствъ, по́мощь тому́ дѣ́лу, во и́мя кото́раго мы собира́емся. Поду́маемъ сего́дня, въ день па́мяти на́шего первоучи́теля и первосвяти́теля, о томъ, чтобъ часть на́шихъ сбо́ровъ употреби́ть на наро́дное просвѣще́ніе въ Росс́іи. Я предлага́ю сего́дня, въ па́мять св. Кири́лла, осо́бый сборъ на наро́дную учи́тельскую семина́рію св. Кири́лла въ одно́й изъ тѣхъ мѣ́стностей, кото́рая осо́бенно въ ней нужда́ется. Я предлага́ю, чтобъ ка́ждый годъ э́тотъ день ознамено́вывался чѣ́мъ-нибу́дь на по́льзу наро́днаго просвѣще́нія въ Росс́іи, чтобъ ка́ждое на́ше пра́зднованіе па́мяти св. Кири́лла бы́ло содѣ́йствіемъ образова́нію ру́сскаго наро́да."

Г. Гео́ргіевскій, вы́разивъ по́лное сочу́вствіе мы́сли О. Ѳ. Ми́ллера, замѣ́тилъ, что, при э́томъ, необходи́мо поду́мать о практи́ческой сторонѣ́ дѣ́ла. Предло́женное предпрія́тіе потре́буетъ весьма́ значи́тельныхъ суммъ. Извѣ́стно, что содержа́ніе учреждённой въ Сѣвероза́падномъ кра́ѣ на 60 учени́ко́въ молоде́чненской учи́тельской семина́ріи обхо́дится сли́шкомъ въ 11,000 руб. Э́ти 11,000 руб. ока́зываются, въ настоя́щее вре́мя, недоста́точными; по но́вому прое́кту уста́ва, семина́рія бу́детъ обходи́ться въ 14,000 руб. Сверхъ того́, необходи́мо приня́ть во внима́ніе расхо́ды на первонача́льное обзаведе́ніе: помѣще́ніе, постро́йку до́ма и т. д., такъ что тру́дно сказа́ть, на ско́лько э́та мысль ока́зывается осуществи́мою. Комите́тъ самъ по себѣ́, разумѣ́ется, мо́жетъ внести́ то́лько ску́дную ле́пту на устро́йство семина́ріи. Е́слибъ и дозво́лено бы́ло распространи́ть подпи́ску по всей Росс́іи, то

ale já myslím, že my v tento den, den památky sv. Cyrilla, zvěstovatele křesťanského učení, pravdy a lásky, můžeme si vědomi býti jen povinností ohledně národa. My zůstáváme dlužníky národa ruského; my, kteří jsme používali v běhu tří věků jeho krvavých prací, nepřinesli jsme oběti, ale toliko počali napravovati své staré hříchy."

„Několik výročních památek my slavili v poslední době. Možná bylo obávati se, aby toto slavení výročních památek neobrátilo se u nás v holý návyk, aby se to nestalo dílem mody, dílem nápodobení; ale to, co my viděli pak, to co vidíme dnes, vzbuzuje naději, že dílo jinače půjde. My chceme jednati, my chceme pomáhati dle svých prostředků tomu dílu, v jmenu kterého my se scházíme. Pomysleme dnes, na den památky našeho prvoučitele a prvosvětitele o tom, jakby část našich sbírek se upotřebila na národní vzdělání na Rusi. Navrhuju dnes na památku sv. Cyrilla zvláštní sbírku na národní učitelské semeniště sv. Cyrilla v některém z těch míst, které toho obzvláště potřebuje. Navrhuju, aby každý rok tento den vyznamenal se něčím k užitku národního vzdělání v Rusku, aby každá naše slavnost památky sv. Cyrilla byla spolu působením k vzdělání ruského národa.

P. Georgijevskij vysloviv úplný souhlas s myšlénkou O. F. Millera připomenul, že při tom nevyhnutelno jest pomysliti na praktickou stránku té věci. Navrhnutý podnik vyžaduje velmi značných sum. Známo, že vydržování zařízeného Moloděčněnského učitelského semeniště v severozápadním kraji na 60 žáků stojí skoro 11.000 rublů. Těchto 11.000 r. ukazují se v nynější době nedostatečnými; dle nového návrhu stanov semeniště bude státi 14.000 rublů. Mimo to nevyhnutelně třeba uvážiti vydání na prvopočátečné zařízení, t. na místnost, stavbu domu atd., tak že těžko říci, jak daleko by se tato myšlénka dala provesti. Výbor sám o sobě, rozumí se, může přinesti toliko skromný příspěvek na zařízení semeniště. Kdyby i dovoleno bylo rozšířiti podpisku po celé Rusi, přece velmi těžko očekávati valného

и тогда весьма трудно ожидать серьёзнаго успѣха, особенно безъ указанія мѣстности, которая непремѣнно должна быть опредѣлена. Нужно бы озаботиться о здѣшней мѣстности, именно о Петербургской губерніи, такъ какъ она не имѣетъ никакой учительской семинаріи. Въ Новгородской губерніи учреждается учительская семинарія посредствомъ пожертвованія земства, слѣдовательно это дѣло обезпеченное. Между тѣмъ, можемъ ли мы надѣяться собрать сумму, достаточную на учрежденіе семинаріи? При этомъ, осуществленіе этой мысли не придётся ли въ ущербъ первоначальной идеи образованія комитета? Для устройства семинаріи было бы весьма желательно образовать особое общество.

Г. Иваницкій предполагалъ, что было бы необходимо безусловно принять предложеніе О. Ѳ. Миллера, открыть подписку и предоставить распоряженію комитета употребленіе собранной суммы.

Г. Гильфердингъ замѣтилъ, что мысль г. Иваницкаго не будетъ противорѣчить соображеніямъ высказаннымъ г. Миллеромъ съ одной стороны, и г. Георгіевскимъ — съ другой, если комитетъ постановитъ за правило, чтобъ каждый разъ, когда будетъ праздноваться память первоучителей славянскихъ, т. е. 11-го мая и 14-го февраля, славянскій комитетъ, независимо отъ своихъ средствъ, назначенныхъ для прямой специальной цѣли, открывалъ сборъ на народное образованіе въ Россіи, на образованіе собственно сельскаго народа, на учрежденіе какой-нибудь школы, на какую-нибудь стипендію или на что-нибудь подобное. Поэтому онъ предложилъ: — приступить къ первому сбору немедленно, а затѣмъ въ слѣдующее очередное собраніе членовъ славянскаго благотворительнаго комитета избрать особую комисію, вопервыхъ, для того, чтобъ обсудить, какъ употребить часть сбора, который будетъ нынѣ сдѣланъ для пользы народнаго образованія въ русскихъ сёлахъ; вовторыхъ, чтобъ положительно формулировать высказанное предположеніе насчётъ этого сбора, въ будущихъ торжественныхъ засѣданіяхъ комитета, въ день праздника св. Кирилла и Меѳодія. Предложеніе это принято.

úspěchu, zvláště bez vykázání místnosti, která nevyhnutelně musí býti určena. Nutno by bylo postarati se o zdejší místo, zejména o Petrohradskou gubernii, poněvadž ona nemá nijakého učitelského semeniště. V Novgorodské gubernii zařizuje se učitelské semeniště pomocí příspěvku zemského zastupitelstva, následovně toto dílo jest zabezpečeno. Mezi tím můžeme-li se naditi, že sebereme sumu dostatečnou na zařízení semeniště? Při tom, nebude-li uskutečnění této myšlénky na újmu prvopočátečné idey založení výboru? K zařízení semeniště bylo by velmi žádoucno, kdyby založil se zvláštní spolek.

P. Ivanickij myslil, že by bylo nevyhnutelno, aby návrh O. F. Millera bez výminky byl přijat, a že tedy měla by započíti podpiska a zůstaviti rozhodnutí výboru, jak sebrané sumy použiti.

P. Gilferding připomenul, že mysl p. Ivanického nebude odporovati náhledům vysloveným p. Millerem s jedné strany a p. Georgievským s druhé, jestli výbor postaví za pravidlo, aby pokaždé, když se bude oslavovati památka prvoučitelů slovanských, t. j. 11/23. května a 14/26. února, slovanský výbor nezávisle od svých prostředků naznačených k přímému, speciálnímu účelu, zařizoval sbírku na národní vzdělání v Rusku, na vzdělání lidu zejména selského, na zařízení nějaké školy, na nějakou nadaci aneb něco podobného. Proto navrhl, by se přikročilo k první sbírce bez prodlení a pak v následující řádné schůzi členů slovanského dobročinného výboru by vyvolila se zvláštní komise, nejprvé pro to, aby posoudila, jak upotřebiti část sbírky, která se stane nyní ve prospěch národního vzdělání v ruských vesnicích; za druhé aby určitě formulovala vyslovený návrh, co se týče té sbírky v budoucích slavných sezeních výboru na den svátku sv. Cyrilla a Methoděje. Návrh tento přijat.

Въ прошлое засѣданіе, члены славянскаго благотворительнаго комитета единогласно рѣшили, чтобъ въ каждое очередное собраніе комитета, одинъ изъ сочленовъ, по окончаніи текущихъ дѣлъ, велъ бесѣду о какомъ-либо предметѣ, до Славянъ относящемся. При этомъ, составленъ проектъ програмы бесѣдъ на нынѣшнее полугодіе. Имѣются въ виду слѣдующія бесѣды: Бестужева-Рюмина — о Галицкой Руси; графа Голенищева-Кутузова — разсказъ о путешествіи по Австрійской Сербіи; Градовскаго — о графѣ де-Метрѣ и его вліяніи на направленіе русскаго просвѣщенія; Майкова — объ отношеніяхъ Новгорода къ балтійскимъ Славянамъ; Миллера — о паденіи Сербскаго царства по народному эпосу; Нарановича — о чешскихъ сочиненіяхъ Гуса; Срезневскаго — объ ученыхъ обществахъ у Славянъ. Сверхъ того, г. Гильфердингъ предложилъ, съ своей стороны, избрать темою для бесѣды краткую оцѣнку силъ каждаго изъ южныхъ и западныхъ славянскихъ народовъ, и заявилъ, что въ настоящее засѣданіе онъ будетъ имѣть честь сообщить нѣсколько подробностей о путешествіи своемъ въ Македонію и Албанію.

Путешествіе, предпринятое г. Гильфердингомъ осенью прошлаго года вмѣстѣ съ г-жою Карловой, первой русской путешественницей, рѣшившейся отправиться верхомъ по горамъ и дебрямъ Македоніи и Албаніи, имѣло преимущественно цѣлью осмотрѣть берега Брѣгальницы и мѣстности около Охридскаго озера, такъ какъ эти мѣстности имѣютъ историческое значеніе въ просвѣщеніи Славянъ. Есть свидѣтельство, что св. Кириллъ на Брѣгальницѣ началъ первую свою проповѣдь между Славянами и тутъ окрестилъ первыхъ Славянъ, 4,050 человѣкъ: такъ говорится въ одномъ житіи св. Кирилла. Рѣка эта была доселѣ не обслѣдована, такъ что даже на самой подробной картѣ Турціи теченіе ея обозначено точками.

Путешествіе своё г. Гильфердингъ началъ съ Солоникъ, или Солуня. Городъ Солунь, какъ его называютъ Славяне, былъ, какъ извѣстно родиной Кирилла и Меѳодія; но въ нёмъ ничто не напоминаетъ о великихъ просвѣтителяхъ славянства, родившихся въ этомъ городѣ. Солунь производитъ пе-

V předešlé schůzi členové slovanského dobročinného výboru jednohlasně se ustanovili na tom, aby v každé řádné schůzi výboru jeden z členů po ukončení prací na denním pořádku se nalézajících, měl rozpravu o jakémkoli předmětu, týkajícím se Slovanstva. Při tom sestaven návrh programu k rozpravám na nynější půlletí. Mají býti následující rozpravy: Bestuževa-Rjumina — o halické Rusi; hraběte Goleniščeva-Kutuzova — vypravování o cestě jeho po rakouském Srbsku; Gradovského — o hraběti de-Metrě a jeho vlivu na směr ruské osvěty; Majkova — o poměrech Novgoroda k baltickým Slovanům; Millera — o pádu srbského carství dle národního eposu; Naranoviče — o českých spisech Husových; Srezněvského — o učených společnostech u Slovanů. Mimo to p. Gilferding navrhl se své strany, aby vybralo se za úlohu jedné rozpravy krátké ocenění sil každého z jižních a západních slovanských národů, a oznámil, že v nynějším sezení bude míti čest sděliti několik podrobností o cestě své v Makedonii a Albanii.

Cesta vykonaná p. Gilferdingem v jeseni minulého roku zároveň s paní Karlovou, první ruskou cestovatelkou, která se rozhodla odebrati se koňmo po horách a lesích Makedonie a Albanie, měla hlavně za cíl ohledati břehy Brěgalnice a místnosti okolo Ochridského jezera, poněvadž tyto místnosti mají historickou důležitost v osvětě Slovanů. Jest svědectví, že sv. Cyrill na Brěgalnici počal první své kázaní mezi Slovany a tu pokřtil první Slovany, 4.050 osob, jak se povídá v jednom životopise sv. Cyrilla. Řeka tato nebyla dosud proskoumána, tak že i na nejpodrobnější mapě Turecka tok její označen tečkami.

Cestu svou p. Gilferding započal ze Salonika, aneb Soluně. Město Soluň, jak je nazývají Slované, bylo jak známo rodištěm Cyrilla a Methoděje, ale v něm nic neupomíná na veliké prosvětitele Slovanstva, narozené v tomto městě. Soluň činí smutný

чальное впечатлѣніе въ отношеніи славянской народности. Въ житіи св. Кирилла и Меѳодія говорится, что жители Солуня „всѣ чисто словенски беседуютъ“; а въ настоящее время въ Солунѣ почти нѣтъ людей, говорящихъ пославянски: тамъ господствуетъ языкъ греческій и испанскій, испанскій потому, что Солунь есть центръ еврейскаго населенія Турціи, которое, переселившись изъ Испаніи, сохранило испанскій жаргонъ. Пославянски говорятъ въ Солунѣ только на рынкѣ Болгары, пріѣзжающіе изъ окрестныхъ деревень; говорятъ также пославянски нѣкоторыя лица, имѣющія непосредственныя сношенія съ этими Славянами. Такимъ образомъ уже первый городъ, главный приморскій городъ Македоніи показываетъ, что собственно на родинѣ св. Кирилла и Меѳодія дѣло, ими начатое, не имѣло тѣхъ успѣховъ, которыхъ они, можетъ быть, ожидали.

Славянскія деревни, славянское населеніе начинается за ручьёмъ Галико, который протекаетъ въ двухъ часахъ ѣзды отъ приморскаго города Солуня. Городъ остался или, лучше сказать, сдѣлался чуждъ славянскому населенію; между тѣмъ, въ двухъ часахъ ѣзды, начинаются сплошныя славянскія деревни, изрѣдка перерѣзываемыя оазисами турецкихъ переселенцовъ и колоніями Влаховъ, потомковъ древнихъ римскихъ поселенцовъ въ этой странѣ. Но греческая народность, вновь завоевавшая себѣ Солунь, рѣшительно нигдѣ не имѣетъ поселеній въ Македоніи на сѣверозападъ отъ этого города. Такимъ образомъ, отъ ручья Галико до самыхъ Балканъ и далѣе до Дуная идётъ сплошная масса славянскаго населенія; но чрезвычайно важно то, что единственный портъ, который служитъ ему мѣстомъ сообщенія съ Европою, совершенно чуждъ славянской національности. За ручьёмъ Галико начинаются славянскія поселенія и идутъ къ западу до Охридскаго озера; далѣе начинается національность албанская. На югъ славянская національность простирается до города Нѣгуша, который находится южнѣе Водена. Около города Нѣгуша находится нѣсколько монастырей. Богослуженіе въ монастыряхъ славянскихъ производится на греческомъ языкѣ; монастыри недавно возобновлены изъ развалинъ; нѣтъ въ нихъ

dojem v ohledu slovanské národnosti. V životě sv. Cyrilla a Methoděje povídá se, že obyvatelé Soluně „všickni čistě slovansky mluví“; ale v nynější době v Soluni skoro není lidí, kteří by mluvili slovansky: tam panuje jazyk řecký a španělský; španělský proto, že Soluň jest střed židovského obyvatelstva Turecka, které přesídlivše se ze Španěl zachovalo žargon španělský. Slovansky mluví v Soluni toliko na trhu Bulhaři přijíždějící z okolních vesnic; mluví taktéž slovansky některé osoby, ježto mají bezprostřední styky s těmito Slovany. Tedy už první město, hlavní přímořské město Makedonie ukazuje, že vlastně v rodišti sv. Cyrilla a Methoděje dílo jimi započaté nemělo těch úspěchů, které oni snad očekávali.

Slovanské vesnice, slovanské obyvatelstvo počíná za potokem Galikem, který teče dvě hodiny jízdy od přímořského města Soluně. Město zůstalo aneb lépe řečeno stalo se cizím slovanskému živlu, kdežto dvě hodiny jízdy počínají celistvé slovanské vesnice zřídka přerušované ostrovy tureckých přistěhovalců a osadami Vlachů, potomků starých římských osadníků v této krajině. Ale řecká národnost, která znova vybojovala si Soluň, docela nikde nemá osad v Makedonii na severozápad od tohoto města. Tedy od potoka Galika do samého Balkanu a dále k Dunaji prostírá se hustá massa slovanského obyvatelstva; ačkoli velmi vážné je to, že jediný přístav, který slouží jemu za místo stýkání se s Evropou, docela jest odcizen slovanské národnosti. Za potokem Galikem počínají slovanské osady a prostírají se k západu až k Ochridskému jezeru; dále počíná národnost albanská. Na jih prostírá se slovanská národnost až do města Něguše, které nalézá se jižněji Vodena. Okolo města Něguše nalézá se několik klášterů. Bohoslužba v klášteřích slovanských odbývá se v řeckém jazyku; kláštery jsou nedávno nově vystaveny z rozvalin; není v nich ani jedné slovanské

ни одной славянской книги, хотя они и окружены славянскими деревнями. Г. Гильфердингъ спрашивалъ монаховъ, отчего они служатъ на греческомъ языкѣ, котораго не понимаютъ; ему отвѣчали весьма простодушно, что это происходитъ отъ того, что нѣтъ даскаловъ (учителей) болгарскихъ, а есть греческіе даскалы, такъ что они не имѣютъ возможности даже выучиться читать пославянски. Въ Македоніи и Албаніи, гдѣ славянская народность находилась долгое время подъ греческимъ вліяніемъ, почти всѣ школы чисто греческія; въ нихъ ребёнокъ поступаетъ прямо на греческую азбуку; ему вовсе ничего не толкуютъ пославянски: пріѣзжаетъ греческій учитель и заставляетъ дитя твердить вокабулы греческія; затѣмъ, онъ выучиваетъ молитвы погречески, погречески читаетъ книги и. т. д. Явленіе это, по мнѣнію г. Гильфердинга, объясняется отчасти примѣромъ преобладающаго, въ политическомъ отношеніи, турецкаго элемента. Турки, какъ извѣстно, имѣютъ много школъ, но въ нихъ нигдѣ потурецки не учатъ, а учатъ поарабски. Такимъ образомъ, тамошнее населеніе уже привыкло смотрѣть на школу, какъ на такое учрежденіе, которое заставляетъ дѣтей учить наизусть нѣчто совершенно имъ непонятное.

На сѣверъ отъ этихъ мѣстъ, находится обширная равнина, лежащая между крутыми, весьма мало доступными горами, называемыми Мегленъ или Могленъ. Мѣстность эта, прославленная св. Иларіономъ, болгарскимъ проповѣдникомъ XI вѣка, замѣчательна во многихъ отношеніяхъ: она представляетъ обширную котловину, находящуюся въ сторонѣ отъ всѣхъ путей сообщенія. Здѣсь турецкіе беги, начальники, оставались до послѣдняго времени чѣмъ-то въ родѣ олигарховъ, непризнававшихъ вовсе ни нашей турецкихъ, ни другихъ административныхъ властей. Благодаря отдаленности отъ всѣхъ путей сообщенія, славянскій элементъ сохранился довольно чисто; всѣ мусульмане, составляющіе преобладающую долю населенія этой равнины, говорятъ поболгарски: — ни турецкаго, ни греческаго языка туда ещё никто не заносилъ. Тутъ г. Гильфердингъ встрѣтилъ первую церковь, въ которой богослуженіе происходитъ пославянски. За Могленомъ находится,

knihy, ačkoli jsou obklíčeny slovanskými vesnicemi. P. Gilferding vyptával se mnichů, proč oni slouží v řeckém jazyku, kterému nerozumějí; a oni odpověděli mu velmi prostodušně, že to pochází od toho, že není daskalů (učitelů) bulharských, ale jsou řečtí daskalové, tak že jim není možno, aby se naučili ano i čísti slovansky. V Makedonii a Albanii, kde slovanská národnost se nalézala dlouhý čas pod řeckým vlivem, skoro všecky školy jsou zcela řecké; v nich dítě přistupuje přímo k řecké abecedě (azbuce); jemu neobjasňují docela nic slovansky: přijede řecký učitel a nutí dítě nazpaměť učiti se písmenům řeckým; pak vyučuje modlitbám řecky, čte řecké knihy atd. Zjev tento, dle náhledu p. Gilferdinga, objasňuje se částečně příkladem převládajícího v politickém ohledu tureckého živlu. Turci, jak známo, mají mnoho škol, ale v nich nikde turecky neučí, ale učí arabsky. Tedy tamější obyvatelstvo už přivyklo hleděti na školu, jako na taký ústav, který nutí děti učiti se nazpaměť něčemu, čemu docela nerozumějí.

Na sever od těchto míst naleží se rozsáhlá rovina, ležící mezi příkrými, velmi málo dostupnými horami, nazvanými Meglen aneb Moglen. Místnost tato, proslavená sv. Hilarionem, bulharským kazatelem XI. věku, jest zajímavá v mnohých ohledech: ona tvoří rozlehlou kotlinu, nalézající se stranou ode všech spojovacích silnic. Zde turečtí begové, náčelníci, zůstávali do poslední doby jakýmisi oligarchy, kteří neuznávali docela ni pašů tureckých ni druhých administrativních úřadů. Díky této odlehlosti ode všech spojovacích silnic slovanský živel uchránil se dosti čistě, všickni muselmané tvořící převládající část obyvatelstva této roviny, mluví bulharsky — ani tureckého, ani řeckého jazyka tam ještě nikdo nezanesl; tu p. Gilferding našel první kostel, v kterém bohoslužba odbývá se slovansky.

около города Нотіе, оазисъ, совершенно незамѣченный до сихъ поръ этнографами и путешественниками — оазисъ влашскій. Мы знаемъ, что влашскія поселенія находятся въ Өессаліи, Албаніи, около Битоля и т. д.; но г. Гильфердингъ не имѣлъ никакого свѣдѣнія о томъ, чтобъ влашскія или романскія колоніи могли находиться въ самомъ центрѣ Македоніи, среди болгарскаго населенія. Городъ Нотіе извѣстенъ въ исторіи Славянъ, какъ одно изъ мѣстопребываній знаменитаго болгарскаго царя-завоевателя, Самуила. Около этого города группируется нѣсколько другихъ влашскихъ колоній.

Сообщивъ ещё нѣсколько свѣдѣній о влашскихъ колоніяхъ, г. Гилфердингъ перешёлъ къ описанію цѣли своего путешествія, т. е. рѣкѣ Брѣгальницѣ. Брѣгальницею называется главный притокъ Вардара. Вардаръ — рѣка, протекающая чрезъ Македонію съ сѣвера на югъ; Брѣгальница течётъ прямо съ востока на западъ. Въ одномъ изъ житій св. Кирилла говорится, что онъ, послѣ того, какъ кончилъ своё образованіе въ Константинополѣ и прославился, какъ учёный богословъ, въ спорахъ съ патріархомъ Анніемъ, „шедъ въ Брѣгальницу и обрѣтъ отъ словенскаго языка нѣколико крещенихъ. Крестивъ ихъ (т. е. прочихъ жителей Брѣгальницы) приведе на православную вѣру и написа имъ книги словѣнскимъ языкомъ. И сихъ ихъ же обрати на вѣру христіанску четыре тысящи и 50“. Поэтому, рѣка Брѣгальница имѣетъ важное значеніе въ исторіи нашихъ первоучителей.

Какъ видно изъ приведённаго свидѣтельства, Брѣгальницею назывался какой-нибудь край (шедъ въ Брѣгальницу); въ настоящее время это названіе носитъ исключительно рѣка. Рѣка Брѣгальница довольно широкая, съ Москву-рѣку, отличается своею мутною и желтоватою водою, и тамъ, гдѣ она впадаетъ въ Вардаръ, длинная полоса мутной воды отличаетъ ея воды отъ водъ Вардара; рѣка эта вытекаетъ изъ подножія горы Трѣбоміръ, которая не обозначена ни на какой картѣ и течётъ, какъ сказано выше, съ востока на западъ; верховье ея въ горахъ называется Малешъ; имя Малешъ означаетъ цѣлый край; среднее теченіе называется Піянецъ; наконецъ, низовье, гдѣ она течётъ въ богатой равнинѣ, хорошо обра-

Za Moglenem nalezá se okolo města Notije ostrov docela nespozorovaný dosud od národopisců a cestovatelů — ostrov vlaský. Víme, že vlaské osady nalezají se v Thesalii, Albanii, okolo Bitolje atd., ale p. Gilferding neměl nijaké známosti o tom, že by vlaské aneb romanské osady mohly nalezati se v samém středišti Makedonie, uprostřed bulharského obyvatelstva. Město Notije známo jest v historii Slovanů co jedno ze sídel znamenitého bulharského caře, podmanitele Samuele. Okolo tohoto města seřaďuje se několik jiných vlaských osad.

Sděliv ještě několik zpráv o vlaských osadách p. Gilferding přešel k vylíčení cíle své cesty t. j. k řece Brěgalnici. Brěgalnicí nazývá se hlavní přítok Vardara. Vardar jest řeka tekoucí skrze Makedonii od severu na jih; Brěgalnice teče přímo od východu na západ. V jednom z životopisů sv. Cyrilla povídá se, že on potom, když ukončil své vzdělání v Cařihradě a proslavil se co učený bohoslovec ve sporech s patriarchou Anniem, „šel do Brěgalnice, a nalezl několik křesťanů slovanského jazyka. Pokřtiv je (t. j. ostatní obyvatele Brěgalnice) obrátil (je) na pravoslavnou víru a napsal jim knihy slovanským jazykem. A těchto pak obrátil na víru křesťanskou čtyři tisíce a 50.“ Proto má řeka Brěgalnice důležitý význam v historii našich prvoučitelů.

Jak patrno z uvedeného svědectví, nazýval se Brěgalnicí nějaký kraj (šel do Brěgalnice); v nynější době nese jméno toto výhradně řeka. Řeka Brěgalnice jest dosti široka, jako řeka Moskva, vyznačuje se svou kalnou a přižloutlou vodou, a tam, kde ona vpadá do Vardara, dlouhé kalné pásmo její vody vyznačuje ji od vod Vardara; řeka tato vytéká z podnoží hory Třebomře, která není označena na žádné mapě a teče, jak praveno výše, od východu na západ, prameny její v horách nazývají se Maleš; jméno Maleš značí celý kraj; střední tok nazývá se Pijanec; konečně kraj poblíže ústí, kde teče v bohaté rovině, dobře vzdě-

бо́танной, называе́тся про́сто по́ле; жители но́сятъ назва́ніе Поля́ци. Сёла на верхо́вьяхъ Брѣга́льницы имѣ́ютъ мно́го привлека́тельнаго для ру́сскаго путеше́ственника тѣ́мъ, что напомина́ютъ ему́, какъ бу́дто, родну́ю сто́рону; въ нихъ не встрѣча́ется ни кра́сныхъ туре́цкихъ фе́сокъ, ни у́зкихъ ку́ртокъ съ широ́кими шарова́рами, кото́рыя но́ситъ населе́ніе равни́ны; та́мошніе жители хо́дятъ въ тулу́пахъ и чёрныхъ бара́ньихъ ша́пкахъ. И́збы ихъ, бо́льшею ча́стью, кры́тыя соло́мой: — э́то еди́нственная мѣ́стность, гдѣ и́збы деревя́нныя и кры́ты соло́мой; во всѣхъ други́хъ мѣста́хъ Македо́ніи и́збы постро́ены изъ гли́ны и кры́ты черепи́цей и́ли пли́тами. На всей Брѣга́льницѣ есть то́лько оди́нъ значи́тельный го́родъ, Штипъ, въ кото́ромъ, въ настоя́щее вре́мя, стро́ится огро́мный христіа́нскій собо́ръ; други́хъ замѣча́тельныхъ мѣ́стностей нѣтъ. Ничто́ не напомина́етъ св. Кири́лла; вообще жители э́той страны́, ка́жется, не принима́ли уча́стія въ истори́ческомъ движе́ніи болга́рскаго наро́да; поэ́тому существу́етъ рѣ́зкое разли́чіе ме́жду Брѣга́льницею и мѣста́ми, непосре́дственно отдѣлёнными отъ нея́ цѣ́пью горъ. Въ нѣ́сколькихъ часа́хъ ѣзды́ отъ доли́ны Брѣга́льницы начина́ется мѣ́стность, гдѣ лежи́тъ Кра́тово, Ско́піе и проч. Э́та мѣ́стность, находя́щаяся на сѣ́верѣ отъ доли́ны Брѣга́льницы, принима́ла, какъ ви́дно, большо́е уча́стіе въ истори́ческой жи́зни болга́рскаго и се́рбскаго наро́да. Эта мѣ́стность освящена́ па́мятью св. Іоа́нна Ры́льскаго и его́ ученико́въ; въ ней нахо́дятся три монастыря́, постро́енные ка́ждый въ па́мять одного́ изъ ученико́въ Іоа́нна Ры́льскаго: монасты́рь св. Гавріи́ла Лѣсно́вскаго, св. Іоаки́ма Осого́вскаго и Про́хора Пши́нскаго; наро́дъ стека́ется туда́ изъ всѣхъ мѣстъ Болга́ріи и уважа́етъ э́ти монастыри́ почти́ сто́лько же, ско́лько и монасты́рь св. Іоа́нна Ры́льскаго, кото́рый есть гла́вная святы́ня всей Болга́ріи. Кро́мѣ па́мяти Іоа́нна Ры́льскаго и его́ ученико́въ, часть Македо́ніи, на сѣ́веръ отъ Брѣга́льницы, запечатлѣна́ сла́вою се́рбскихъ короле́й и царе́й; въ ней мно́го па́мятниковъ, напомина́ющихъ Душа́на и его́ сподви́жниковъ; въ э́той мѣ́стности по́мнятъ Душа́на; тамъ до сихъ поръ есть на́дписи Оливе́ра, одного́ изъ сподви́жниковъ се́рбскаго царя́. До сихъ поръ тамъ существу́етъ монасты́рь,

lané, nazývá se prostě pole; obyvatelé nosí jméno Poláci. Vesnice u pramenů Brěgalnice mají mnoho zajímavého pro ruského cestovatele tím, že připomínají mu jako rodný kraj; v nich nevyskytují se ani červené turecké fesky, ani úzké kazajky se širokými šaravarami, které nosí obyvatelstvo roviny; tamější obyvatelé chodí v kožichách a černých beranicích. Jizby jich jsou větším dílem kryty slamou a jest to jedinké místo, kde jizby jsou dřevěné a kryté slamou, ve všech ostatních místech Makedonie jizby jsou vystavěny z hlíny a pokryty taškami aneb plotnami. Na celé Brěgalnici jest toliko jedno značné město Štip, v kterém v nynější době staví se ohromný křesťanský chrám; jiných pozoruhodných míst není. Nic nepřipomíná sv. Cyrilla; vůbec obyvatelé tohoto kraje, zdá se, nebrali účastenství v historickém hnutí bulharského národa; proto jsou příkré rozdíly mezi Brěgalnicí a místy bezprostředně oddělenými od ní pásmem hor. Několik hodin jízdy od doliny Brěgalnice počíná kraj, kde leží Kratovo, Skopije a druhé. Tento kraj nalezající se na severu od doliny Brěgalnice, měl, jak patrno, velké účastenství v historickém životě bulharského a srbského národa. Tento kraj zasvěcen jest památkou sv. Jana Rylského a jeho učeníků; v něm nalézají se tři kláštery, z nichž každý vystavěn byl na památku jednoho z učeníků Jana Rylského: klášter sv. Gabriela Lesnovského, sv. Jachima Osogovského a Prochora Pšinského; národ stéká se tam se všech stran Bulharska a ctí tyto kláštery skoro tak, jako klášter sv. Jana Rylského, který jest hlavní svatyně celého Bulharska. Kromě památky Jana Rylského a jeho učeníků část Makedonie na sever od Brěgalnice proslula jest slávou srbských králů a carů; v ní jest mnoho památníků připomínajících Dušana a jeho soudruhy; v tomto kraji pamatují Dušana, tam dosud jsou nápisy Olivera, jednoho ze soudruhů srbského cara. Dosud jest tam

соединённый съ и́менемъ короля́ Ма́рка. Таки́мъ о́бразомъ, тутъ за Брѣга́льницей начина́ется мѣ́стность, кото́рая уча́ствовала въ истори́ческой жи́зни Славя́нъ. Но Брѣга́льница, ознамено́ванная пе́рвымъ по́двигомъ св. Кири́лла, не имѣ́етъ никаки́хъ па́мятниковъ старины́; г. Ги́льфердингъ не ви́дѣлъ тамъ ни одно́й стари́нной це́ркви, не слыха́лъ никако́й леге́нды, кото́рыя бы напомина́ли про Се́рбское или Болга́рское ца́рство.

Замѣча́тельно, что па́мять св. Кири́лла и Меѳодія сохрани́лась не тамъ, гдѣ они́ роди́лись, не тамъ, гдѣ они́ дѣ́йствовали впервы́е, а въ странѣ́, въ кото́рой они́, вѣроя́тно, са́ми не быва́ли, но гдѣ труди́лись ихъ непосре́дственные ученики́; э́та еди́нственная мѣ́стность — кро́мѣ, мо́жетъ быть, Мора́віи — гдѣ сохрани́лось преемственное въ наро́дѣ преда́ніе о дѣ́ятельности Кири́лла и Меѳодія, есть часть Алба́ніи, о́коло Охри́дскаго о́зера и Бера́та.

Сообщи́въ э́ти свѣ́дѣнія, г. Ги́льфердингъ предложи́лъ проче́сть отры́вки изъ одно́й лѣ́тописи болга́рской, на́йденной имъ недалеко́ отъ Брѣга́льницы, въ кото́рой есть нѣ́сколько свидѣ́тельствъ, имѣ́ющихъ посре́дственное отноше́ніе въ дѣ́ятельности св. Кири́лла. До сихъ поръ изслѣ́дователи бо́лѣе отга́дывали, чѣмъ зна́ли по твёрдымъ истори́ческимъ свидѣ́тельствамъ объ уча́стіи, кото́рое принима́лъ св. Кири́ллъ въ креще́ніи болга́рской земли́. Не́ было сомнѣ́нія, что э́то креще́ніе не могло́ обойти́сь безъ уча́стія св. Кири́лла, кото́рый стоя́лъ, такъ сказа́ть, по́длѣ э́того дѣ́ла; но на э́то не́ было прямо́го указа́нія: — лѣ́топись, на́йденная г. Ги́льфердингомъ, даётъ тако́е указа́ніе. Пра́вда, она́ соста́влена въ весьма́ по́зднее вре́мя, въ концѣ́ про́шлаго столѣ́тія, но въ ней приво́дятся цита́ты изъ дре́внихъ источниковъ, изъ творе́ній патріа́рха Евѳи́мія, изъ Те́рновскаго лѣтопи́сца, намъ неизвѣ́стнаго, такъ что, во вся́комъ слу́чаѣ, ея́ свидѣ́тельства заслу́живаютъ внима́нія. Г. Ги́льфердингъ не выдаётъ ихъ за несомнѣ́нныя, но счита́етъ до́лгомъ сообщи́ть ихъ, какъ но́выя указа́нія, кото́рыя должны́ быть при́няты къ свѣ́дѣнію и провѣ́рены затѣ́мъ кри́тикою.

Г. Ги́льфердингъ прочёлъ слѣ́дующее:

„Болга́рскій лѣтопи́сецъ, расска́зывая по общеизвѣ́стнымъ

klášter, který jest spojen s jmenem krále Marka. Tedy tu za Brěgalnicí začíná kraj, který účastnil se v historickém životě Slovanů. Ale Brěgalnice, vyznamenaná prvním činem sv. Cyrilla, nemá nijakých památníků starobylosti; p. Gilferding neviděl tam ani jediného starého kostela, neslyšel nijaké legendy, která by připomínala srbské aneb bulharské carství.

Pozoruhodno, že památka sv. Cyrilla a Methoděje nezachovala se tam, kde se narodili, ani tam, kde oni působili nejdříve, ale v kraji, v kterém oni nepochybně sami ani nebývali, kde působili jich bezprostřední učeníci; tento jediný kraj — snad kromě Moravy, kde uchovalo se v národě zděděné podání o působnosti sv. Cyrilla a Methoděje, jest část Albanie okolo Ochridského jezera a Berata.

Podav tyto zprávy nabídl se p. Gilferding, že přečte úryvky z jednoho letopisu bulharského, jejž nalezl nedaleko od Brěgalnice, v kterém jest několik svědectví majících prostředeční vztah k působení sv. Cyrilla. Zpytovatelé dosud více hádali než znali, jaké asi dle pevných historických svědectví měl účastenství sv. Cyrill při pokřtění bulharské země. Nebylo pochybnosti, že toto pokřtění nemohlo obejíti se bez účastenství sv. Cyrilla, který stál takořka vedle tohoto díla; ale na to nebylo přímého důkazu — letopis, nalezený p. Gilferdingem, dává takovýto důkaz. Pravda, že jest sepsán ve velmi pozdější době, v konci předešlého století, ale v něm uvádějí se citáty ze starých pramenů, ze spisů patriarchy Euthymia, z Trnovského letopisce, nám neznámého, tak že na každý způsob jeho svědectví zasluhují pozornost. P. Gilferding nevydává je za nepochybné, ale má za svou povinnost, sděliti je co nové důkazy, které musejí býti vzaty k vědomosti a proskoumány pak kritikou.

P. Gilferding přečetl následující:

„Bulharský letopisec vypravuje dle všeobecně známých pra-

источникамъ о происхожденіи Кирилла, упоминаетъ, что его отецъ Леонъ былъ воеводою дарданскимъ или вардарскимъ, и поясняетъ, что „Дарданія или Вардарія есть земля болгарская недалеко Солунѣ, обладаема отъ кесарей бѣ греческихъ въ то время. Того ради и воеводы отъ Грековъ поставляеми бѣху, и тако дѣти Леоновы, пребывающе всегда съ Болгарами знаху языка болгарскаго.“ Но, вслѣдъ за этимъ, лѣтописецъ замѣчаетъ, что однако „святый Евѳимій, патріархъ терновскій (жившій въ XIV вѣкѣ) именно рода болгарскаго быти глаголетъ. Глаголитъ сице: благословенъ Богъ, хотяй всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истинный пріити, и яко не остави насъ до конца въ тмѣ невѣдѣнія, но посѣти насъ и воздвиже отъ рода нашего таковаго учителя, иже просвѣти языкъ нашъ, во еже ходити намъ въ свѣтѣ заповѣдей божіихъ.“

„Далѣе лѣтописецъ повторяетъ общеизвѣстный разсказъ о томъ, какъ болгарскій князь Борисъ, подвигнутый разными бѣдствіями, посѣтившими его страну, тронутый вліяніемъ сестры, которая, бывъ въ плѣну у Грековъ, обратилась тамъ въ христіанство, и наконецъ, устрашённый картиною страшнаго суда, нарисованною въ новостроившемся для него дворцѣ монахомъ Меѳодіемъ, рѣшился принять крещеніе. Но это онъ сдѣлалъ тайно, ночью, „боясь людей своихъ“. Его подданные, узнавъ объ этомъ, вооружились на него. Однако Борису удалось подавить возстаніе и заставить многихъ изъ своихъ подданныхъ креститься. Тогда онъ (для того, вѣроятно, чтобы найти себѣ въ сосѣдней христіанской державѣ опору противъ приверженцовъ язычества) отправилъ посольство въ Византію и заключилъ съ нею миръ и тѣсный союзъ. Послѣдствіемъ этого союза было, какъ разсказываетъ нашъ лѣтописецъ, то, что болгарскій князь далъ Греческой Имперіи „великую помощь“ противъ Сарацыновъ и „отметника“ Ѳомы, возмутившагося въ Арменіи противъ императорской власти. Борисъ самъ „съ воинствомъ своимъ пойде у велику Арменію, всѣхъ Сарацыновъ изсѣче и прогна и Ѳому жива ухвати и муками погуби, и съ великою славою въ Цариградъ пріиде, и честно отъ царицы (Ѳеодоры, управлявшей именемъ своего молодого сына, Михаила) пріятъ. Въ то время бѣ Кириллъ святый

menů o původu sv. Cyrilla připomíná, že jeho otec Leon byl vojvodou dardanským aneb vardarským, a objasňuje, že „Dardanie aneb Vardarie jest země bulharská nedaleko Soluně, kterou vládli v tu dobu císařové řečtí. Proto i vojvodové od Řeků ustanovováni bývali, a tak děti Leonovy přebývající pořáde s Bulhary znalý jazyk bulharský.“ Ale hned za tím letopisec poznamenává, že však „svatý Euthymius, patriarcha trnovský, (žijící v XIV století) zejmena rodu bulharského (je) býti povídá. Povídá takto: Blahoslaven buď Bůh, který chce, by všickni lidé spaseni byli a k rozumu pravému přišli, i proto neostavil nás do konce ve tmě nevědomosti, ale navštívil nás a pozdvihl z našeho rodu takového učitele, který osvítil jazyk náš, abysme chodili ve světle přikázaní božích.“

„Dále letopisec opakuje všeobecně známou pověst o tom, jak bulharský kníže Boris, povzbuzen rozličnými nehodami, ježto navštívily jeho kraj, pohnut vlivem sestry, která byvši v zajetí u Řeků přestoupila tam na křesťanství a konečně zastrašen obrazem posledního soudu, který byl namaloval v dvorci pro něho nově vystaveném mnich Methoděj, rozhodl se, že přijme křest. Ale to učinil tajně v noci, „boje se lidí svých.“ Jeho poddaní dozvěděvše se o tom, povstali proti němu. Však Borisovi pošťěstilo se udusiti povstání a přinutiti mnohé ze svých poddaných k pokřtění. Tehdáž on (proto nejspíše, aby našel sobě v sousední křesťanské říši podporu proti přívržencům pohanství) odeslal poselství do Byzance a uzavřel s ní mír a těsný svazek. Následkem toho svazku, jak vypravuje náš letopisec, bylo to, že bulharský kníže dal řecké říši „velikou pomoc“ proti Saracenům a „odpadlíku“ Tomáši, jenž pozvedl se v Armenii proti císařské moci. Boris sám „s vojskem svým šel do veliké Armenie, všechny Saraceny rozsekal a zahnal a Tomáše živého uchvátil a mukami zahubil, a s velikou slávou do Cařihradu přišel, a čestně byl od carevny (Theodory, vládnoucí ve jmenu svého mladého syna Michala) přijat. V tu dobu byl Cyrill svatý,

учитель словенскій въ училищѣ учася съ сестриничемъ Михаила царя сына Θеофилова". Да́лѣе лѣтопи́сецъ поясня́етъ, что Патри́кій, жена́тый на сестрѣ́ Михаи́ла, „имѣя любовь съ отцемъ Кириловомъ, проси сына его да съ сыномъ своимъ заедно учится. И тако Кириллъ святый пребывая въ царскихъ полатахъ, въ то время пріиде въ Цариградъ Богарисъ съ воинствомъ отъ Арменіи. Изыде же царь въ срѣтеніе его, изыде заедно и Кириллъ, и нача Кириллъ говорити поболгарски съ Болгарами, сказовати имъ отъ святое писаніе; и когда чуха Болгарѣ по своему языку, зѣло умилишася и крестишася 53 тысящи, а прочіи бяху крещени. И тогда молиша Кирилла да изведетъ по языка ихъ писаніе; такожде и Борисъ моли царя да пришлетъ Кирилла въ Терново". Э́то извѣ́стіе, соверше́нно но́вое, получа́етъ осо́бенно ва́жное значе́ніе потому́, что оно́ подтвержда́ется приводи́мою на́шимъ же лѣтопи́сцомъ вы́пискою изъ неизвѣ́стной намъ ны́нѣ те́рновской лѣ́тописи, кото́рую онъ припи́сываетъ тому́ же знамени́тому патріа́рху Евθи́мію. Въ э́той лѣ́тописи, какъ ви́дно, во́все не́ было рѣ́чи о пе́рвомъ, та́йномъ креще́ніи Бори́са въ Болга́ріи, и обраще́ніе самаго́ болга́рскаго госуда́ря въ христіа́нство свя́зывается непосре́дственно съ его́ пребыва́ніемъ въ Константино́полѣ, гдѣ́ онъ познако́мился съ св. Кири́лломъ. Вотъ что́ мы чита́емъ у на́шего лѣтопи́сца:

„Глаголетъ Евθимій святый патріархъ Терновскій (сбо́ку припи́сано: л ѣ т о п и с ъ т е р н о в с к і й): по возвращеніи отъ Арменіи Борисъ царь болгарскій прія святое крещеніе; самъ Михаилъ, кесарь воспреемникъ ему бысть, и даде ему имя Михаилъ, именемъ своимъ, и 53 тысящъ войска его крестися, тамо сущи и Кириллъ философъ". Относи́тельно изобрѣте́нія славя́нскихъ письме́нъ и перево́да свяще́ннаго писа́нія, нашъ болга́рскій лѣтопи́сецъ представля́етъ разска́зъ, заслу́живающій та́кже внима́нія, хотя́ онъ помѣщёнъ имъ, съ я́вною оши́бкою въ хроноло́гіи, по́слѣ собы́тій позднѣ́йшихъ. А и́менно, вслѣдъ за повѣствова́ніемъ о ра́спрѣ ме́жду ри́мскимъ и константино́польскимъ патріа́ршескими престо́лами относи́тельно церко́вныхъ правъ на но́вообращённую Болга́рію и о торжествѣ́ восто́чной це́ркви, нашъ лѣтопи́сецъ продолжа́етъ: „По разо-

učitel slovanský, v učilišti, uče se s sestřencem Michala cara syna Theofilova. Dále letopisec objasňuje, že Patrik, ženatý se sestrou Michala, „maje lásku k otci Cyrillovu, prosil syna jeho, by se synem jeho se učil zároveň. A tak v tu dobu, když Cyrill svatý přebýval v carském paláci, přišel do Cařihradu Boris s vojskem z Armenie. Vyšel pak car naproti němu, vyšel zároveň i Cyrill, a počal Cyrill mluviti bulharsky s Bulhary, vypravovati jim ze svatého písma; a když (ho) uslyšeli Bulhaři na svém jazyku, velmi se zaradovali a pokřtili se 53 tisíce, a ostatní byli pokřtěni. A tehdáž prosili Cyrilla, aby přeložil na jich jazyk písmo; taktéž i Boris prosil cara, aby vyslal Cyrilla do Trnova.“ Tato zpráva jest docela nová, a nabývá zvláště důležitého významu proto, že potvrzuje se uvedeným od našeho letopisce výpiskem z neznámého nám nyní trnovského letopisu, který on připisuje témuž znamenitému patriarchovi Euthimiu. V tomto letopisu, jak vidno, docela nebylo řeči o prvním tajném pokřtění Borisa v Bulharsku, a obrácení samého bulharského panovníka na křesťanství spojuje se bezprostředně s jeho pobytem v Cařihradě, kde on seznámil se se sv. Cyrillem. Hle co čteme u našeho letopisce:

Vypravuje Euthimius, svatý patriarcha Arnovský (po straně připsáno: letopis trnovský): „Po návratu z Armenie přijal bulharský car Boris svatý křest; sám Michal císař kmotrem jemu byl, a dal jemu jmeno Michal, jmeno své, a 53 tisíce vojska jeho pokřtilo se, a tam přítomen byl i Cyrill filosof.“ O vynálezu slovanských písmen a překladu svatého písma naš bulharský letopisec podává pověst zasluhující taktéž pozornost, ačkoli uvedena jest jím s patrným pochybením v letopočtu po událostech pozdějších. A zejmena hned za vypravováním o rozepři mezi římskou a cařihradskou patriaršskou stolicí za příčinou církevních práv na nověobrácené Bulharsko a o vítězství východní církve, náš letopisec pokračuje: Po zrušení koncilia

реніи собора (константинопольскаго, бывшаго въ 870 г.) по отхожденіи послы папины, писа царь Михаилъ болгарскій къ Михаила и Василія кесарей греческихъ, прося и глаголя сице: „Владыко царю, писаніе ваше честно пріяхъ и писанная въ немъ уразумѣхъ. Обаче мы еще новопросвѣщенніи суще, догматъ христіанской вѣры неискусни, и аще не будетъ намъ по языку нашему учитель, да наставитъ и просвѣтитъ насъ, то удобь паки Болгаріе возвратятся на поганство; и аще пошлете намъ таковаго учителя, да наставитъ и научитъ насъ, то обѣщаемся изгнати изъ Болгаріи римскихъ учителей“. Въ то время пріиде Кириллъ святый отъ Козаровъ, нося съ собою мощи святаго Климента, лѣто господне 867; и призва его Михаилъ кесарь и совѣтова его да поидетъ въ Болгарію и да изведетъ по болгарскому языку писаніе. Онъ же рече ему: како могу азъ извести писаніе на болгарскаго языка? другіи философе, бывшіи прежде мене, трудишася 200 годъ и ничто успѣша, понеже болгарскаго языка греческима буквами пословити неможно. Кесаръ же рече ему: ты языка ихъ умѣешь и тебѣ данно есть отъ Бога извести отъ языка ихъ буква, да будетъ и буква по языку ихъ. И тако Кириллъ святый благословеніемъ патріаршимъ Игнатіемъ, ятся пути, водя съ собою двохъ монаховъ отъ студійскаго монастыря, Меѳодія іеромонаха, Дамаскина иподіакона, богодохновенныхъ мужей и искусныхъ во святое писаніе, умѣюще и болгарскаго языка: ибо Дамаскина иподіакона ученика святаго Ѳеодора правоучительныхъ книгъ на простаго языка болгарскаго и до нынѣ обрѣтаются въ Болгарію; ибо Болгары отъ простоты книги тія незнавши силу словесъ, Дамаскина иподіакона студита называютъ: мнятъ яко имъ (т о е с т ь, к н и г а м ъ) такое имя. И таковое богодохновенное сочиненіе, аще и на простомъ языцѣ, обаче аще и желѣзно сердце будетъ имѣти человѣкъ, то умекчитъ его; и не толико мужей, но и жены и дѣтей видѣхъ плачуща когда читаютъ ихъ въ церквахъ, а найпаче той иже читаетъ отнюдь безъ слезъ читати не можетъ. Тіи помогоша Кириллу приводити отъ греческаго языка на славенскій языкъ святое писаніе и сочинити азъ буки по славенски, лѣто господне 871; за три года приведоша вси нужныя церковныя книги“.

(cařihradského, které bylo r. 870) a po odchodu poslů papežových, psal car Michal bulharský k Michalu a Vasiliji císařům řeckým, prose a řka takto: „Vladyko caři, psaní vaše s úctou jsem přijal a psanému v něm porozuměl. Však my ještě nověosvíceni jsouce, učení křesťanské víry nezkušeni jsme a jest-li nebudeme míti v jazyku našem učitelů, aby vedli a osvítil i nás, to opět lehko by mohli Bulhaři navrátiti se ku pohanství; a jest-li pošlete nám takého učitele, aby vedl a naučil nás, to slibujeme vyhnati z Bulharska učitele římské.“ Toho času přišel svatý Cyrill od Chazarů, nesa s sebou ostatky svatého Klimenta, léta Páně 867; i pozval ho Michal císař k sobě a radil mu, aby šel do Bulharska a aby přeložil na bulharský jazyk písmo. On pak řekl jemu: „Jak mohu já přeložiti písmo na bulharský jazyk? druzí filosofové, kteří byli dříve než já, namáhali se 200 let a nic nevykonali, poněvadž na bulharském jazyku řeckými písmeny psáti nemožno.“ Císař pak řekl jemu: „Ty jazyk jich umíš a tobě dáno jest od Boha vynalézti pro jazyk jich písmena, aby byla i písmena pro jazyk jich.“ I tak svatý Cyrill s požehnáním patriarchy Ignatije dal se na cestu, veda s sebou dva mnichy z studijského kláštera, Methoděje hieromonacha, Damaskina podjahna, Bohem nadchnuté muže a zběhlé v písmě svatém, kteří uměli i bulharsky: neb Damaskina podjahna učeníka svatého Theodora pravoučebné knihy na prostý bulharský jazyk přeložené dosud nalézají se v Bulharsku; neboť Bulhaři za příčinou prostoty neznavše síly slov těch knih, nazývají Damaskina podjahnem studitem i myslí, že ony (to jest knihy) tak se nazývají. A takové bohem nadchnuté dílo, ačkoliv i na prostém jazyku, však kdyby i železné srdce měl člověk, to obměkčí jeho; a netoliko muže, ale i ženy a děti viděl jsem, jak pláčí, když čítají je v chrámech; vůbec ten, kdo je čte, nijak bez slzí čísti jich nemůže. Tito pomáhali Cyrillu překládati z řeckého jazyka na slovanský jazyk svaté písmo a sepisovati azbuky (abecedu) slovansky, léta Páně 871. Za tři léta přeložili všechny potřebné církevní knihy.“

Сообще́нiе г. Ги́льфердинга бы́ло встрѣ́чено продолжи́тельными рукоплеска́нiями, и по́слѣ него́ засѣда́нiе закры́то къ 12-ти часа́мъ но́чи. За по́зднимъ вре́менемъ, членъ комите́та, извѣ́стный нашъ поэ́тъ Ѳ. И. Тю́тчевъ не прочёлъ пригото́вленнаго имъ къ э́тому дню стихотворе́нiя. Приво́димъ его́ здѣ́сь, чтобъ познако́мить пу́блику съ произведе́нiемъ на́шего поэ́та, — побо́рника славя́нской иде́и. Вотъ стихотворе́нiе Ѳ. И. Тю́тчева:

14-е февраля́ 1869 го́да.

Вели́кiй день Кири́лловой конч́ины,
Каки́мъ привѣ́тствiемъ серде́чнымъ и просты́мъ
Тысячелѣ́тней годовщи́ны
Святу́ю па́мять мы почти́мъ?
Каки́ми э́тотъ день запечатли́мъ слова́ми,
Какъ не слова́ми, ска́занными имъ,
Когда́, проща́ясь и съ бра́томъ и съ друзья́ми,
Онъ не́хотя свой прахъ тебѣ́ оста́вилъ, Римъ . . .

Прича́стные его́ труду́ —
Чрезъ цѣ́лый рядъ вѣко́въ, чрезъ сто́лько поколѣ́нiй —
И мы, и мы его́ тяну́ли борозду́
Среди́ собла́зновъ и смуще́нiй . . .
И въ свой черёдъ — какъ онъ, не доверши́въ труда́,
И мы съ нея́ сойдёмъ — и словеса́ святы́я
Его́ воспомяну́въ, воскли́кнемъ мы тогда́:
„Не измѣня́й себѣ́, вели́кая Россíя,

Не вѣрь, не вѣрь чужи́мъ, роди́мый край,
Ихъ ло́жной му́дрости, иль на́глымъ ихъ обма́намъ,
И, какъ свято́й Кири́ллъ, и ты не покида́й
Вели́каго служе́нiя Славя́намъ!" . . .

Въ комите́тъ, сверхъ того́, бы́ло доста́влено, 14-го февраля́, се́рбское стихотворе́нiе граничáра, Дани́ла Ме́дича.

Sdělení p. Gilferdinga potkalo se dlouhotrvajícím potleskem a po něm ukončeno sezení ke 12. hodině v noci. Pro pozdní dobu člen výboru, známý náš básník F. J. Tjutčev nečetl připravené jím k tomu dni básně. Uvádíme ji zde, abychom seznámili obecenstvo plodem našeho básníka — obhajce slovanské idey. Báseň F. J. Tjutčeva zní:

14/26. února 1869.

Dnes veliký den Cyrillova skonu!
Jak máme oslavit tu svatou památku,
to tisíciletí? — Zda-li hlasem zvonů?
či tichou úctou jeho ostatků?

Jak můžem ten den lépe zasvětiti,
než slovy, jež ten světec pravil sám,
když v Římě s bratrem měl se rozloučiti
a nemohl s ním navrátit se k nám . . .

A jeho díla účastni —
věk od věku, po tolik pokolení —
i my jsme táhli jeho líchu co vlastní
za rozporův a pokušení . . .

A také, jako on, svůj neskončíce díl,
i my s ní sejdeme — a pomníce v té době
ta svatá jeho slova, vzkřiknem ze všech sil:
„O Rusi, zůstaň věrná, zůstaň věrná sobě!“

O nevěř cizím, nevěř, drahá vlasti má,
jich lživé moudrosti, jich klamu nestoudnému,
a jako svatý Cyrill, i ty, vždy věrná,
služ velikému dílu slovanskému! *)

Mimo to byla výboru zaslána 14/26. února srbská báseň hraničara Daniela Mediče.

*) Báseň F. J. Tjutčeva přeložil prof. *Jos. Kolář*.

Въ заключе́ніе приба́вимъ, что въ день 14-го февраля́, кро́мѣ уже приведённыхъ вы́ше поздрави́тельныхъ телегра́ммъ, полу́чены бы́ли чле́нами комите́та ещё мно́гія дру́гія; приво́димъ здѣсь нѣ́которыя изъ нихъ.

I. *Ко́вно.* И. П. Корни́лову. По́слѣ моли́твы свято́му Кири́ллу о торжествѣ́ всеславя́нскаго просвѣще́нія, ко́венскія учёбныя заведе́нія привѣ́тствуютъ васъ и про́сятъ переда́ть привѣ́тъ славя́нскому комите́ту въ Петербу́ргѣ. Основа́тель остро́жскаго кири́лло-меѳо́діевскаго бра́тства *Новико́въ.*

II. *Кі́евъ.* Славя́нскому благотвори́тельному комите́ту. Кі́евское городско́е о́бщество сего́дня чтитъ па́мять свято́го первоучи́теля Славя́нъ торже́ственнымъ богослуже́ніемъ въ дре́внемъ хра́мѣ свято́й Софі́и и, дви́жимое живѣ́йшимъ тёплымъ сочу́вствіемъ къ Славя́намъ, озабо́чивается въ по́льзу ихъ сбо́ромъ. Городско́й голова́ *Во́йтенко.*

III. *Оде́сса.* Славя́нскому комите́ту. По слу́чаю сего́дняшняго всеславя́нскаго торжества́, шлёмъ вамъ нашъ бра́тскій привѣ́тъ. Отпрыски славя́нскіе. *Влайко́вичъ, Са́вичъ,* Се́рбы.

IV. *Оде́сса.* Славя́нскому благотвори́тельному комите́ту. Славя́не въ Оде́ссѣ, собра́вшіеся въ тѣ́сный кружо́къ почти́ть па́мять первоучи́теля Славя́нъ свято́го Кири́лла, шлютъ сочу́вственный привѣ́тъ славя́нскому комите́ту, пра́зднующему па́мять на́шего вели́каго просвѣти́теля. По́дписи письмо́мъ. *Ла́зарь Кату́ричъ.*

V. *Херсо́нъ.* Славя́нскому благотвори́тельному комите́ту. Въ херсо́нскомъ собо́рѣ преосвяще́нный Дими́трій соверши́лъ богослуже́ніе съ моле́бномъ въ па́мять тысячелѣ́тія кончи́ны первоучи́теля Славя́нъ, свято́го Кири́лла. Сборъ по подпи́скѣ вы́шлю по́чтой. Голова́ *Троцке́вичъ.*

VI. *Севасто́поль.* Комите́ту посо́бія Славя́намъ. Гра́ждане Севасто́поля благода́рны за извѣ́стіе. Въ день тысячелѣ́тія кончи́ны первоучи́теля Кири́лла, принеся́ Бо́гу моли́тву, собра́ли поси́льную ле́пту въ посо́біе бра́тьямъ Славя́намъ. Де́ньги бу́дутъ вы́сланы. Кандида́тъ *Ки́стъ.*

Ke konci připojujeme, že na den 14/26. února kromě již uvedených výše pozdravujících telegramů, obdrželi členové výboru ještě mnohé jiné; uvedeme zde některé z nich:

I. *Kovno.* J. P. Kornilovu. Po modlitbě k svatému Cyrillu o slavnosti všeslovanské osvěty, kovenské učebné ústavy pozdravují Vás a prosí, byste odevzdali pozdrav slovanskému výboru v Petrohradě. Zakladatel ostrožského cyrillo-methodějského bratrstva. *Novikov.*

II. *Kyjev.* Slovanskému dobročinnému výboru. Kyjevské městské obecenstvo dnes slaví památku svatého prvoučitele Slovanů slavnými službami božími v starobylém chrámu svaté Žofie a, pohnuto nejživějším vřelým soucitem k Slovanům, stará se o jich prospěch sbírkou. Městský starosta *Vojtěnko.*

III. *Oděsa.* Slovanskému výboru. Za příčinou dnešní všeslovanské slavnosti posíláme Vám náš bratský pozdrav. Ratolesti slovanské. *Vlajkovič*, *Savič*, Srbové.

IV. *Oděsa.* Slovanskému dobročinnému výboru. Slované v Oděse, sebravše se v těsný kruh, by oslavili památku prvoučitele Slovanů svatého Cyrilla, posílají soucitný pozdrav slovanskému výboru oslavujícímu památku našeho velikého osvětitele. Podpisy (přijdou) v psaní. *Lazar Katurič.*

V. *Cherson.* Slovanskému dobročinnému výboru. V chersonském chrámu veledůstojný Dimitrij vykonal bohoslužbu s modlitbou na památku tisíciletí smrti prvoučitele Slovanů svatého Cyrilla. Sbírku, která byla upsaná, pošlu poštou. Starosta *Trockevič.*

VI. *Sevastopol.* Výboru ku pomoci Slovanům. Měšťané sevastopolští jsou povděčni za zprávu. V den tisíciletí smrti prvoučitele Cyrilla pomodlivše se Bohu sebrali dle sil svých příspěvek ku podpoře bratří Slovanů. Peníze budou poslány. Kandidát *Kist.*

Москва́, кото́рую представи́тели Славя́нъ на моско́вскомъ съѣздѣ 1867 го́да именова́ли столи́цею Славя́нства, 14 февраля́ почти́ла тысячелѣ́тнюю па́мять св. Кири́лла, просвѣти́теля славя́нскаго, торжество́мъ церко́внымъ, благотвори́тельнымъ, худо́жественнымъ. Э́то пра́зднованіе бы́ло скро́мно, но по́лно смы́сла и значе́нія: иде́я самобы́тности правосла́вно-славя́нской жи́зни такъ я́сно предноси́лась общественному созна́нію и распространя́ла отъ себя́ тако́й руководи́тельный смыслъ, что ка́ждый сознава́лъ и чу́вствовалъ, что пра́зднованіе э́то — не пра́здное дѣ́ло.

Въ Чу́довѣ монастырѣ́, 14 февраля́, боже́ственная литу́ргія совершена́ была́ преосвяще́ннымъ Игна́тіемъ, епи́скопомъ можа́йскимъ. Въ прихо́дскихъ церква́хъ столи́цы, богослуже́ніе въ э́тотъ день бо́льшею ча́стію отпра́влено пра́здничное. Во мно́гихъ уче́бныхъ заведе́ніяхъ та́кже совершена́ была́ литургі́я съ моле́бствіемъ св. Кири́ллу.

Осо́бенно торже́ственно пра́здновалъ тысячелѣ́тнюю годовщи́ну па́мяти славя́нскаго первоучи́теля моско́вскій университе́тъ. Въ университе́тской це́ркви литургі́ю и моле́бствіе отправля́лъ преосвяще́нный Леони́дъ, епи́скопъ дми́тровскій. Кро́мѣ чле́новъ университе́та и славя́нскаго комите́та, здѣ́сь прису́тствовали студе́нты университе́та и воспи́танники VII кла́сса всѣ́хъ моско́вскихъ гимна́зій.

По́слѣ литургі́и въ университе́тской це́ркви, происходи́ло откры́тое собра́ніе Славя́нскаго благотвори́тельнаго комите́та въ ста́ромъ зда́ніи университе́та, въ чита́льной за́лѣ библіоте́ки. Предсѣда́тель комите́та М. П. Пого́динъ произнёсъ рѣ́чь, въ кото́рой поста́вилъ на видъ обши́рное и плодотво́рное значе́ніе того́ благодѣя́нія, како́е оказа́ли свв. бра́тья Кири́ллъ и Меѳо́дій всему́ славя́нскому мі́ру введе́ніемъ правосла́внаго богослуже́нія на родно́мъ языкѣ́. Счита́емъ нели́шнимъ

Moskva, kterou zástupci Slovanů na moskevském sjezdu 1867 r. nazvali stolicí Slovanstva, oslavila 14/26. února tisíciletou památku sv. Cyrilla, osvětitele slovanského — slavností církevní, dobročinnou, uměleckou. Tato slavnost byla skromna, ale plna smyslu a významu: idea samobytnosti pravoslavno-slovanského života tak jasně zjevila se obecnému uvědomění a rozšířila od sebe taký poučný smysl, že každý seznával a cítil, že slavnost tato není marné dílo.

V Čudově klášteře 14/26. února služba boží vykonána byla veledůstojným Ignatijem, biskupem možajským. Ve farních chrámech sídelního města v tento den větším dílem vykonána byla bohoslužba sváteční. Ve mnohých učebných ústavech byla též vykonána služba s modlením k sv. Cyrillu.

Obzvláště slavně slavila tisíciletou výroční památku slovanského prvoučitele moskevská universita. V universitním chrámu službu a modlení vykonával veledůstojný Leonid, biskup dmitrovský. Kromě členů university a slovanského výboru zde byli přítomni studenti university a žáci VII. třídy všech moskevských gymnasií.

Po službě boží v universitním chrámu odbývala se veřejná schůze slovanského dobročinného výboru v starém domě university v čitárně bibliotéky. Předseda výboru M. P. Pogodin měl řeč, ve které objasnil rozsáhlý a plodonosný význam toho dobrodiní, jaké prokázali sv. bratří Cyrill a Methoděj celému slovanskému světu zavedením pravoslavné bohoslužby na rodném

познакомить нашихъ читателей съ этою, дышавшею искренностью, рѣчью знатока славянской исторіи.

Говоря о значеніи для народной жизни богослуженія на родномъ языкѣ, М. П. Погодинъ привёлъ правдивый отзывъ извѣстнаго историка Шлецера, который, въ заключеніе своихъ изслѣдованій о трудахъ свв. Кирилла и Меѳодія, привѣтствовалъ свв. братьевъ, какъ безсмертныхъ изобрѣтателей славянской грамоты, и такъ объяснялъ дѣло славянскихъ просвѣтителей: „Римскій проповѣдникъ говорилъ: вѣрь своему священнику; греческій, то-есть славянскій, говоритъ: вѣрь Слову Божію, возвѣщаемому тебѣ твоимъ священникомъ; но точно ли его онъ возвѣщаетъ, смотри самъ, вотъ оно на твоёмъ языкѣ. Этого мало: переводъ свой начинаютъ Кириллъ и Меѳодій Новымъ Завѣтомъ, содержащимъ въ себѣ такое только нравоученіе и исторію, которыя понятны для всякаго мыслящаго человѣка при первомъ его выходѣ изъ грубаго состоянія. Изъ Ветхаго же Завѣта выдаютъ они на первый разъ только Псалтирь, книгу полезную для возбужденія благоговѣнія народнаго. Дальше Шлецеръ объясняетъ, каково было положеніе всего Запада въ отношеніи къ принятому христіанству, сравнительно съ міромъ славянскимъ. „Вы понимаете“, говоритъ онъ, обращаясь къ своимъ читателямъ, „что должны были учители религіи, учители народа или священники наставлять грубыхъ невѣждъ, исправлять порочныхъ, утѣшать больныхъ, пріуготовлять умирающихъ; нѣтъ, эти римско-католическіе священники не могутъ говорить съ ними, даже наружные обряды религіи должны отправлять на языкѣ непонятномъ для народа! Не возмущаетъ ли это человѣческаго разсудка? Однакоже это стерпѣлъ тупой Нѣмецъ, германскій Вендъ, Полякъ, Датчанинъ, Шведъ; но не моравскій, чешскій и паннонскій Славянинъ“, прибавимъ: болгарскій, сербскій, русскій, — замѣтилъ предсѣдатель, и продолжалъ: Богослуженіе на родномъ общевразумительномъ языкѣ есть краеугольный камень нашего нравственнаго состоянія, залогъ нашего будущаго развитія и преуспѣянія, и вмѣстѣ условіе до сихъ поръ нашего политическаго значенія. Если русскій народъ не совершенно загрубѣлъ, одичалъ, не

jazyku. Máme za to, že nebude nemístné, seznámíme-li naše čtenáře s tou upřímností oplývající řečí znalce slovanské historie.

Mluvě o významu bohoslužby na rodném jazyku pro národní život, uvedl M. P. Pogodin pravdivý výrok známého historika Schlœzera, který na konci svých pojednání o pracích sv. Cyrilla a Methoděje vítal svaté bratry co nesmrtelné vynálezce slovanského písma, a takto objasňoval dílo slovanských osvětitelů: Římský kazatel mluvil: věř svému knězi; řecký, to jest slovanský mluví: věř slovu božímu, které jest ti hlásáno tvým knězem; ale věrně-li je on hlásá, hleď sám, hle ono jest na tvém jazyku. Toho jest málo: překlad svůj počínají Cyrill a Methoděj Novým Zákonem, obsahujícím v sobě takové toliko mravoučení a historii, které jsou pochopitelny každému myslícímu člověku při prvním jeho vykročení z hrubého postavení. Ze Starého pak Zákona vydávají oni na prvníkrát toliko Žaltář, knihu užitečnou pro povzbuzení pobožnosti národní. Dále objasňuje Schlœzer, jaké bylo položení celého západu v ohledu k přijatému křesťanství, u porovnání se světem slovanským. „Rozumíte," mluví on, obraceje se k svým čtenářům, „že museli učitelové náboženství, učitelové národa aneb kněží poučovati hrubé nevědomce, napravovati hříšníky, těšiti nemocné, zaopatřovati umírající; ne, tito římsko-katoličtí kněží nemohou mluviti s nimi, ano i zevnější obřady náboženství musejí vykonávati v jazyku nesrozumitelném národu! Nepopuzuje-li to rozsudku lidského? Však to vytrpěl tupý Němec, německý Srb, Polák, Dán, Švéd; ale ne moravský, český a panonský Slovan"; my dodáváme: bulharský, srbský, ruský, podotkl předseda a pokračoval: „Bohoslužba v národním obecně srozumitelném jazyku jest úhelní kámen našeho mravního postavení, záruka našeho budoucího vývinu a pokroku a dosud zároveň podmínka našeho politického významu. Jest-li ruský národ docela nezhruběl, nezdivočil, nezbavil se své

лишился человѣческаго образа ни вслѣдствіе двух-сотлѣтнихъ княжескихъ междоусобій, ни вслѣдствіе почти трех-сотлѣтняго монгольскаго ига, ни вслѣдствіе другихъ враждебныхъ событій, если не погасла въ насъ, несмотря ни на какія бури и вихри, внѣшніе и внутренніе, искра святого огня, способная въ счастливое время воспылать, пролить свѣтъ и теплоту на пространства неизмѣримыя, то этимъ счастіемъ обязаны мы богослуженію на роднóмъ языкѣ, учреждённому свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Нѣтъ цѣны, нѣтъ мѣры, нѣтъ вѣсу для этого ихъ вѣковѣчнаго благодѣянія. Здѣсь всё нравственное, сердечное, умственное до сихъ поръ сокровище русскаго народа! — говорю о большинствѣ. — „Господи помилуй“, „Отче нашъ“, — вотъ гдѣ вся его мудрость, вотъ гдѣ его насущный благодатный хлѣбъ, которымъ онъ тысячу лѣтъ питается изъ рукъ свв. Кирилла и Меѳодія, и который спасаетъ отъ голодной смерти его тѣло и его душу. Здѣсь вся его теологія, философія, мораль, поэзія, медицина“. Обращаясь къ важнѣйшимъ событіямъ русской исторіи въ цѣломъ ея ходѣ, предсѣдатель сказалъ, что „между этими великими событіями богослуженіе на своёмъ языкѣ занимаетъ первое мѣсто, рядомъ со введеніемъ христіанской вѣры при св. Владимірѣ, — относительно благодѣтельнаго дѣйствія на совокупность всего русскаго народа, въ продолженіе истекшаго тысячелѣтія . . . А несчастные Болгары и несчастные Сербы, стонущіе вѣка подъ игомъ варваровъ? Чѣмъ поддерживается ихъ убогая жизнь, чѣмъ питаются ихъ надежды, чѣмъ облегчается ихъ несносное бремя? Славянскимъ Кирилловскимъ богослуженіемъ, кромѣ котораго у нихъ нѣтъ уже совершенно ничего“. Говоря о будущности Славянства, г. Погодинъ выразилъ увѣренность, что Кириллъ и Меѳодій — первые и до сихъ поръ послѣдніе истинные панслависты — должны быть символомъ общаго обновленія. Славянскій церковный языкъ, языкъ Священнаго Писанія, ихъ наслѣдіе, долженъ сдѣлаться средоточіемъ связей всѣхъ славянскихъ племёнъ, основаніемъ ихъ единства, условіемъ ихъ своеобразнаго развитія, средствомъ возбужденія къ новой жизни . . . При началѣ славянской исторіи, по какому-то таинственному предопредѣленію, однѣмъ и тѣмъ же

lidskosti ani následkem dvoustaletých knížecích rozbrojů ani následkem skoro třístaletého mongolského jha, ani následkem ostatních nepříznivých událostí, jest-li neuhasla v nás, bez ohledu na bouře a vichry jakékoli, zevnější i vnitřní jiskra svatého ohně, která byla schopna v příznivou dobu vzplanouti, rozlíti světlo a teplotu na prostranství nesmírné, to máme co děkovati za toto štěstí bohoslužbě v národním jazyku, zavedené sv. Cyrillem a Methodějem. Není ceny, není míry, není váhy pro toto jich věkověčné dobrodiní. Zde jest dosud celý mravní, srdečný, rozumový poklad ruského národa! — mluvím o většině. — „Hospodine pomiluj," „Otče náš" hle kde jest celá jeho moudrost, hle kde jest jeho vezdejší blahodějný chleb, kterým on tisíce let nasycuje se z rukou sv. Cyrilla a Methoděje, a který spasena činí od smrti hladem jeho tělo a jeho duši. Zde jest jeho celá theologie, filosofie, morálka, poesie, medicina." Obraceje se k vážnějším událostem ruských dějin v celém jich chodu, pravil předseda, že „mezi těmito velikými událostmi bohoslužba na vlastním jazyku zaujímá první místo, zároveň s zavedením křesťanské víry při sv. Vladimírovi — hledě k blahodějnému působení na pospolitost celého ruského národu v době uplynulého tisíciletí . . . Ale nešťastní Bulhaři a nešťastní Srbové, kteří sténají století pod jhem barbarů? Čím udržuje se jich nebohý život, čím kojí se jich naděje, čím ulehčuje se jich nesnesitelné břímě? Slovanskou cyrillskou bohoslužbou, kromě které již docela ničeho nemají." Mluvě o budoucnosti Slovanstva p. Pogodin vyslovil přesvědčení, že Cyrill a Methoděj — první a dosud poslední praví panslavisté — mají býti symbolem všeobecného obnovení. Slovanský církevní jazyk, jazyk svatého písma, jich dědictví, musí se státi středištěm svazků všech slovanských plemen, základem jich jednoty, podmínkou jich zvláštního vývinu, prostředkem k povzbuzení k novému životu... Na počátku slovanské historie dle jakéhosi tajeplného ustanovení

рукамъ досталось разсыпать однѣ и тѣ же святыя сѣмена по всѣмъ странамъ славянскимъ. О еслибы теперь, исполняющемуся тысячелѣтію, эти сѣмена, прозябшія въ продолженіе многихъ вѣковъ, въ родимой почвѣ, дали свой плодъ, еслибъ вездѣ раздались вѣщіе звуки, и встрепенулось одинаково сердце у всѣхъ разномыслящихъ братьевъ! О если бы возродились они всѣ въ единомъ любовномъ чувствѣ, и сознали себя единымъ родственнымъ семействомъ, единымъ народомъ! Вотъ была бы достойная награда нашимъ безсмертнымъ учителямъ, вотъ на что бы они откликнулись, кажется, съ высокаго неба, и низпослали бы намъ долу отеческое благословеніе". Помянувъ словами сочувствія и признательности славянскихъ и русскихъ ревнителей общеславянскаго единства, не имѣвшихъ утѣшенія видѣть исполненія своихъ надеждъ, председатель комитета заключилъ свою рѣчь приглашеніемъ — молиться молитвами свв. Кирилла и Меѳодія, молиться едиными усты и единымъ сердцемъ, да будетъ изъ всѣхъ славянскихъ племёнъ — нравственно и духовно — едино стадо и единъ Пастырь.

Послѣ рѣчи председателя, секретарь славянскаго комитета, Н. А. Поповъ предложилъ вниманію собранія обозрѣніе благотворительной деятельности комитета. Свято чтя высокій примѣръ первыхъ просвѣтителей Славянъ, московскій славянскій комитетъ, существующій 11 лѣтъ, имѣлъ своею задачею: поддерживать православіе между угнетёнными славянскими племенами Балканскаго полуострова, содействовать ихъ духовному пробужденію и развитію воспитаніемъ молодыхъ Болгаръ и Сербовъ въ русскихъ среднихъ и высшихъ училищахъ, снабжать православныя церкви на Востокѣ предметами богослуженія, а народныя школы — матеріальными и учебными пособіями, поддерживать недостаточную молодёжь учащуюся въ галицкихъ и угорскихъ русскихъ школахъ и въ вѣнскомъ университетѣ, снабжать учёныя общества, общественныя библіотеки и народныя школы во всѣхъ славянскихъ земляхъ сочиненіями русскихъ писателей и русскими учебниками, помогать тѣмъ изъ западныхъ и южныхъ Славянъ, которые заботятся о распространеніи русскаго языка между своими со-

jedněm a těmž rukám dostalo se, aby rozsévali jedna a táž svatá semena po všech vlastech slovanských. O kéž by nyní uplývajícímu tisíciletí tato semena, promrznuvší v době mnohých století v rodné zemi, vydala svůj plod, kéž by všude rozlehly se větší zvuky a zachvělo se jednostejně srdce u všech různosmýšlejících bratří! O kéž by znovu zrodili se všickni v jednom pocitu lásky a poznali se co jedna příbuzná rodina, co jeden národ. Hle to by byla zasloužená náhrada našim nesmrtelným učitelům, hle na co by oni zajisté se ozvali s vysokého nebe a poslali by nám dolů otcovské požehnání.“ Připomenuv slovy soucitu a uznalosti slovanské a ruské horlitele za všeslovanskou jednotu, kteří neměli toho potěšení, by viděli vyplnění svých nadějí, ukončil předseda výboru svou řeč pozváním — by se pomodlili modlitbami sv. Cyrilla a Methoděje, pomodlili se jedněmi ústy a jedním srdcem, aby bylo ze všech slovanských plemen — mravně a duševně — jedno stádo a jeden pastýř.

Po řeči předsedy sekretář slovanského výboru N. A. Popov předložil pozornosti shromáždění přehled dobročinné činnosti výboru. Svatě ctě vznešený příklad prvních osvětitelů Slovanů moskevský slovanský výbor, který trvá 11 let, měl za svou úlohu: podporovati pravoslaví mezi potlačenými slovanskými plemeny balkánského poluostrova, napomáhati k jich duševnímu probuzení a vývinu vychováním mladých Bulharů a Srbů v ruských středních a vyšších učilištěch, zaopatřovati pravoslavné chrámy na východě věcmi bohoslužebnými a národní školy — hmotnými i učebnými prostředky, podporovati mládež nedostatkem trpící, která se učí v halických a uherských ruských školách a na vídeňské universitě, zaopatřovati učené společnosti, spolkové knihovny a národní školy ve všech slovanských zemích spisy ruských spisovatelů a ruskými učebnými knihami, napomáhati těm ze západních a jižních Slovanů, kteří starají se o rozšíření

отéчественниками, и наконéцъ отзывáться на всякое предпріятіе, въ какóй бы славянской землѣ онó ни возникло, лишь бы онó носило на себѣ характеръ общеполéзнаго для всегó Славянства дѣла. Подрóбныя свѣдѣнія о дѣятельности славянскаго комитéта желáющіе мóгутъ найти въ сáмомъ отчётѣ, напечáтанномъ въ „Моск. Вѣдом.“ (No. 39).

Собрáніе москóвскаго комитéта заключилось заявлéніями рáзныхъ лицъ, сочýвственно соотвѣтствовавшими значéнію дня. Прочитаны были письмá въ комитéтъ: 1) члéна, дирéктора москóвскихъ публичныхъ музéевъ *В. А. Дашкóва*, котóрый извѣщáлъ, что въ пáмять славянскихъ первоучителей свв. Кирилла и Меѳóдія бýдетъ устрóена при музéѣ цéрковь въ стилѣ X вѣка во имя сихъ святыхъ, съ придѣломъ во имя Равноапóстольнаго князя св. Владиміра; 2) члéна *И. И. Четверикóва*, извѣщáвшаго, что ко дню тысячелѣтней пáмяти о св. Кириллѣ онъ принóситъ отъ имени москóвскихъ грáжданъ для боснійскихъ и герцеговинскихъ церквéй вóсемь пóлныхъ облачéній, церкóвные сосýды и книги, а тáкже четыре икóны въ кіóтахъ и драгоцѣнныхъ ризахъ для часóвни, устрóиваемой въ Бѣлгрáдѣ въ пáмять о убіéнномъ князѣ Михаилѣ III; 3) члéна *Н. М. Алáсина* съ прóсьбой переслáть, на пáмять о семъ днѣ, въ Славянскую Бесѣду въ Вѣнѣ альбóмъ видовъ Кремля и окрéстностей Москвы; 4) *г. Микýцкаго* — о необходимости ввести кириллицу въ письменность Литвы, Латышéй и Мазýровъ.

По окончáніи засѣдáнія, присýтствовавшіе дóлго разсмáтривали пожéртвованныя въ славянскія зéмли отъ москóвскихъ грáжданъ церкóвныя вéщи, котóрыя были выставлены въ сáмой залѣ засѣдáнія.

Вéчеромъ, въ большóй залѣ дворянскаго собрáнія, хóромъ синодáльныхъ пѣвчихъ испóлненъ былъ духóвный концéртъ, устрóенный славянскимъ комитéтомъ въ пóльзу Славянъ. Хоръ, въ пóлномъ состáвѣ, отчётливо испóлнилъ нѣсколько молитвъ и псалмóвъ правослáвнаго богослужéнія, полóженныхъ для пѣнія извѣстными сочинителями — Бортнянскимъ, Львóвымъ, Ламáкинымъ и Турчаниновымъ. Впечатлѣніе, испытанное слý-

ruského jazyku mezi svými krajany, a konečně vysloviti se o všelikém podniku, v kterékoli slovanské zemi on by vznikl, jen když ponese na sobě ráz obecně užitečného díla pro celé Slovanstvo. Podrobné zprávy o činnosti slovanského výboru mohou ti, kteří si toho přejí, najíti v samé zprávě v „Moskevských vědomostech“ (č. 39).

Schůze moskevského výboru skončila se projeveními rozličných osob, která souhlasně se hodila k významu dne. Přečteny byly dopisy k výboru: 1) člena, ředitele moskevských veřejných musei *V. A. Daškova*, který oznamoval, že na památku slovanských prvoučitelů sv. Cyrilla a Methoděje bude vystavěn při museu chrám v slohu X. věku na jmena těchto svatých, s postranním oltářem na jmeno rovnoapoštolského knížete sv. Vladimíra; 2) člena *J. J. Četverikova*, který oznamoval, že ke dni tisícileté památky sv. Cyrilla daruje ve jmenu moskevských měšťanů pro bosenské a hercegovinské chrámy osm úplných obleků, církevní nádobí a knihy, a taktéž čtyry obrazy v schránkách a drahocených řizách pro kapli, která se staví v Bělehradě na památku zavražděného knížete Michala III; 3) člena *N. M. Alasina* s prosbou, by se poslalo na památku tohoto dne „Slovanské Besedě“ ve Vídni album pohledů Kremla a okolí Moskvy; 4) p. *Mikuckého* — o nutnosti, by se zavedla cyrillice v písemnictví Litvy, Lotyšů a Mazurů.

Po ukončeném sezení prohlíželi si přítomní dlouho církevní věci, darované do slovanských zemí od moskevských měšťanů, které byly vystaveny v samém sále schůze.

Večer ve velkém sále šlechtické besedy byl od sboru synodálních zpěváků proveden duchovní koncert, uspořádaný slovanským výborem ve prospěch Slovanů. Sbor v úplném počtu provedl vzorně několik modliteb a žalmů pravoslavné bohoslužby, upravených pro zpěv známými skladateli — Bortňanským, Lvovým, Lamakiným a Turčaninovým. Dojem, učiněný na posluchače,

шателями, принадлежа́вшими къ разнообра́знымъ кла́ссамъ о́бщества, вполнѣ́ отвѣча́ло свяще́нному хара́ктеру дня.

Славя́нскій комите́тъ, 14 февраля́ и въ послѣ́дующіе дни, получи́лъ нѣ́сколько привѣ́тственныхъ телегра́ммъ — изъ Ряза́ни отъ духо́вной семина́ріи, отъ жи́телей Кроншта́дта, изъ Ви́льны и др. мѣ́стъ. Приво́димъ послѣ́днюю телегра́мму, при́сланную на и́мя предсѣда́теля комите́та:

„По́слѣ боже́ственной литургі́и и моле́бна свято́му Кири́ллу о благоде́нствіи Славя́нъ, всѣ ви́ленскія учёныя и уче́бныя заведе́нія, духо́вныя и свѣ́тскія, про́сятъ васъ переда́ть славя́нскому комите́ту серде́чный привѣ́тъ и поздравле́ніе со всеславя́нскимъ торжество́мъ тысячелѣ́тней па́мяти пе́рваго просвѣти́теля Славя́нъ. Епи́скопъ *Іо́сифъ*. Попечи́тель *Ба́тюшковъ*.“

Отъ славя́нскаго комите́та бы́ло по́слано нѣ́сколько телегра́ммъ въ ра́зныя славя́нскія зе́мли.

kteří přináleželi k různým třídám obecenstva, úplně souhlasil s posvátným rázem dne.

Slovanský výbor dostal 14/26. února a v následujících dnech několik pozdravujících telegramů — z Rjazani od duchovního semeniště, od obyvatelů Kronštadtu, z Vilny a druhých míst. Uvedeme poslední telegram, přislaný na jméno předsedy výboru:

„Po skončených službách božích a modlitbě k svatému Cyrillu za blaho Slovanů všecky vilenské učené a učebné ústavy, duchovní i světské, prosí vás vyříditi slovanskému výboru srdečné pozdravení a přání k všeslovanské slavnosti tisícileté památky prvního osvětitele Slovanů. Biskup *Josef*. Kurator *Baťuškov*.“

Od slovanského výboru bylo rozesláno několik telegramů v rozličné země slovanské.

Приложе́нія.

Přílohy.

I.

СЛО́ВО

ВЪ ДЕНЬ ТЫСЯЧЕЛѢ́ТІЯ КОНЧИ́НЫ СВЯТА́ГО КИРИ́ЛЛА, ПРОСВѢТИ́ТЕЛЯ СЛАВЯ́НЪ,

14 февраля́ 1869 го́да,

ска́занное въ Иса́кіевскомъ собо́рѣ ре́кторомъ С.-Петербу́ргской духо́вной акаде́міи Протоіере́емъ Іоа́нномъ Я́нышевымъ.

Ты́сяча лѣтъ, цѣ́лая ты́сяча лѣтъ у́же протекла́, какъ скончáлся св. Кири́ллъ, въ мíрѣ Константи́нъ фило́софъ, основа́тель славя́нской пи́сьменности и нашъ вели́кій первоучи́тель, — а мы то́лько начина́емъ припомина́ть его́ свято́е и́мя! Сто́лько же лѣтъ прошло́, какъ сыны́ Россíи, пре́дки на́ши, ста́ли учи́ться свое́й родно́й гра́матѣ, а съ не́ю — слы́шать вѣсть о спасе́ніи міра Сы́номъ Бо́жіимъ, устроя́ть хра́мы и́стинному Бо́гу, созида́ть свой госуда́рственный строй и спаса́ть свои́ ду́ши отъ тьмы язы́чества, — а мы то́лько въ послѣ́дніе го́ды начина́емъ, отъ вре́мени до вре́мени ма́лыми собра́ніями, и то лишь въ немно́гихъ мѣ́стностяхъ обши́рной христіа́нской Россíи, чтить па́мять свои́хъ первоучи́телей! Да и ны́нѣ, въ э́тотъ торже́ственный день тысячелѣ́тней кончи́ны преподо́бнаго Кири́лла, мно́гіе ли ру́сскіе правосла́вные христіа́не, всѣ ли по кра́йней мѣ́рѣ гра́матные, да́же изъ гра́матныхъ — всѣ ли просвѣщённые, забо́тящіеся объ обще́ственномъ бла́гѣ, обращены́ благода́рною мы́слію свое́ю и моли́твою къ своему́ первоучи́телю?

Зага́дочное явле́ніе! Волъ зна́етъ стяжа́вшаго его́ и осе́лъ я́сли господи́на своего́: ужели ру́сскаго человѣ́ка ну́жно облича́ть въ недоста́ткѣ чу́вства религіо́зной призна́тельности, когда́ онъ цѣ́лыя со́тни верстъ гото́въ итти́

I.

ŘEČ

v den tisíciletí smrti svatého CYRILLA, osvětitele Slovanův,

dne 14/26. února 1869,

kterou měl v hlavním chrámu sv. Isáka rektor petrohradské duchovní akademie protojerej *Jan Janyšev.*

Tisíc let, celých tisíc let už uplynulo, co zemřel sv. Cyrill, ve světě (mimo klášter) Konstantin filosof zvaný, zakladatel slovanského písemnictví i náš veliký prvoučitel — a my teprvé začínáme připomínati si jeho svaté jméno! Tolik pak let prošlo, co synové ruské země, předkové naši, začali učiti se svému rodnému čtení a psaní, a s ním — naslouchati poselství o spasení světa Synem božím, stavěti chrámy pravému Bohu, zařizovati své státní ústrojí i osvobozovati své duše od temnoty pohanstva, — a my teprvé v poslední léta začínáme, od času do času, malými schůzemi a to jen v nemnohých místech rozsáhlého křesťanského Ruska ctíti památku svých prvoučitelův! A i nyní, v tento slavný den tisíciletého úmrtí blahoslaveného Cyrilla, zdaliž mnoho ruských pravoslavných křesťanův, zdaliž všichni aspoň, co se znají ve čtení, ano i z čtenářův — zdaliž všickni osvícení, pečliví obecného blaha, obráceni jsou vděčnou myslí svou i modlitbou k svému prvoučiteli?

Záhadný zjev! V ů l z n á h o s p o d á ř e s v é h o a o s e l j e s l e p á n a s v é h o: či ruského člověka náleží přesvědčovati v nedostatku citu náboženské uznalosti, když on na celých sto

пѣшкóмъ, въ постѣ и молитвѣ, чтóбы воздáть благодáрное поклонéніе остáнкамъ оказáвшаго емý мѝлость угóдника Бóжія, — когдá онъ изъ рóда въ родъ передаётъ религіóзное благоговѣніе къ истóчнику ключевóй воды́, черéзъ котóрый по егó вѣрѣ пóслана емý пóмощь свы́ше? Нѣтъ, слýшатели благочестѝвые, нáша рѣчь въ настоя́щія минýты не къ той средѣ правослáвнаго нарóда, изъ котóрой и сегóдня мнóгіе, безъ сомнѣнія, прибѣгáютъ къ молѝтвамъ преподóбнаго Кирѝлла, какъ угóдника Бóжія, вóвсе не знáя егó заслýгъ для славя́нскаго міра, и молѝлись бы емý ещё теплѣе и сознáтельнѣе, éсли бы имѣли поня́тіе объ э́тихъ заслýгахъ. Бóлѣе ѝли мéнѣе учѝвшіеся роднóй пѝсьменности, бóлѣе ѝли мéнѣе просвѣщённые клáссы рýсскаго óбщества, лю́ди съ значѝтельными матеріáльными срéдствами, имѣющіе такóе вліяніе на мáссы простóго нарóда, педагóги и преподавáтели рáзныхъ наýкъ, во влáсти котóрыхъ умы́ и сердцá рýсскаго, тóже имѣющаго принадлежáть къ клáссу просвѣщённыхъ, юношества, лѝца, бóлѣе ѝли мéнѣе учáствующія въ разносторóннихъ отправлéніяхъ государственной жѝзни и слѣдовательнѣ бóльное ѝли мéнѣе понимáющія цѣну общéственнаго преуспѣя́нія, — онѝ всѣ, стоя́щіе вы́ше простолюдѝна, даю́щіе емý примѣръ и вліяющіе на егó ýмственную и нрáвственную жизнь, онѝ — почемý такъ мáло пóмнятъ своѝхъ первоучѝтелей? Слóвомъ: большинствó óбщества нáшего, образóваннаго óбщества, почемý такъ равнодýшно къ ихъ пáмяти?

На э́тотъ ѝменно вопрóсъ такъ хотѣлось бы въ настоя́щія минýты предложѝть отвѣтъ, такóй отвѣтъ, изъ котóраго бы́ли бы поня́тны услóвія, при котóрыхъ, по крáйней мѣрѣ въ бýдущемъ, мóжно ожидáть бóльшаго сознáнія и лýчшей оцѣнки заслýгъ для насъ святы́хъ первоучѝтелей.

Съ именáми святы́хъ просвѣтѝтелей Славя́нства намъ всегдá и невóльно припоминáются единокрóвныя намъ племенá внѣ Россіи, — племенá, разъединённыя мéжду собóю, страдáющія подъ разнорóдными враждéбными вліяніями, угрожáемыя тóю же гѝбелью, какáя постѝгла ýже окончáтельно нѣкоторыя изъ нихъ на сѣверѣ Гермáніи. Не сочýвствіе ли къ э́тимъ стрáждущимъ брáтіямъ, ожидáющимъ отъ васъ учá-

verst*) hotov jest jíti pěšky, při postu a modlení, aby vzdal vděčnou poklonu ostatkům miláčka božího, který mu prokázal milosť — když z pokolení na pokolení přenáší náboženskou úctu ku zdroji pramenité vody, skrze který dle jeho víry poslána jest mu pomoc shůry? Nikoli, posluchači bohabojní, naše řeč v tuto chvíli není (obrácena) k té třídě pravoslavného národa, z které i dnes mnozí bezpochyby utíkají se k modlitbám k blahoslavenému Cyrillu jako miláčku božímu, zcela neznajíce jeho zásluh o slovanský svět, i modlili by se k němu ještě vřeleji a uvědoměleji, kdyby měli ponětí o těchto zásluhách. Ti, kteří více nebo méně se učili rodnému písemnictví, více nebo méně osvícené třídy ruské společnosti, lidé se značnými hmotnými prostředky, kteří mají takový vliv na masy prostého lidu, vychovatelé a učitelové rozličných nauk, v jichž moci jsou rozumy a srdce ruské mládeže, která též má přináležeti k třídě vzdělaných, osoby, které více nebo méně jsou účastny různých řízení státního života, a následovně více nebo méně pochopují cenu obecného pokroku, — ti všickni, kteří stojí výše prostého lidu, kteří dávají mu příklad a mají vliv na jeho duševný a mravný život, — proč ti tak málo vzpomínají na své prvoučitele? Slovem: většina společnosti naší, vzdělané společnosti, proč je tak lhostejna k jejich památce?

Zejmena na tuto otázku tak by se mi chtělo v nynější chvíli dáti odpověď, takou odpověď, kterouž by se objasnily podmínky, při kterých aspoň budoucně možno očekávati většího uvědomění a lepšího ocenění zásluh svatých prvoučitelův o nás.

S jmeny svatých osvětitelův Slovanstva nám vždycky i mimovolně přichází na mysl pokrevní nám plemena mimo Rusko — plemena, rozdvojená mezi sebou, trpící pod všelikými nepřátelskými vlivy, ohrožovaná touž záhubou, kteráž postihla již dokonce některá z nich na severu Německa. Zdaliž soucit k těmto trpícím bratrům, očekávajícím od nás účastenství i

*) Sedm verst činí jednu míli.

стія и ободренія въ своихъ страданіяхъ, напомнило и многимъ изъ васъ, слушатели, день тысячелѣтней памяти святого Кирилла и собрало сегодня подъ его знамя на молитву къ общему нашему Отцу небесному? И если такъ, если это прекрасное, естественное чувство сострадантя дѣлаетъ для васъ дорогимъ имя великаго первоучителя всего славянскаго міра: то не отсутствіе ли этого чувства, не отсутствіе ли сознанія нашего племенного единства съ прочими Славянами, не недостатокъ ли вообще развитія національнаго чувства составляютъ причину того, что наше общество равнодушно къ памяти св. просвѣтителей? Но кто осмѣлится сказать это объ нёмъ? И можно ли говорить, когда мы знаемъ, что, напримѣръ, политическій геній Петра Великаго, такъ ясно понимавшій родство наше и значеніе этого родства со славянскими племенами, что подвиги на Востокѣ временъ Великой Екатерины, не разъ шевелили всѣ струны кровныхъ симпатій нашихъ къ Славянамъ; а между тѣмъ имена св. первоучителей оставались и тогда въ полномъ забвеніи? Почему же не вспомнились и тогда эти великія, общеславянскія имена?

Въ томъ-то и состоитъ скорбь Церкви Христовой, въ томъ-то и несчастіе нашего русскаго общества, что забвеніе имъ святыхъ первоучителей имѣетъ болѣе глубокую, чѣмъ всякія внѣшнія или политическія отношенія, потому не скоро и не легко устранимую причину, которая должна бы вызвать всякаго Русскаго, всякаго Славянина на серьёзное размышленіе. Даже въ трудахъ людей, съ особенною любовію занимающихся изученіемъ судьбы единоплеменныхъ намъ братій, даже въ эти дни, когда въ нашей печати слышалось предъувѣдомленіе о значеніи настоящаго дня, имя св. Кирилла приводитъ только къ мысли или о славянской грамотности, литературѣ и наукѣ, или о племенномъ, естественномъ родствѣ Славянъ и объ ихъ самостоятельности среди другихъ народностей, — тогда какъ наши первоучители, трудясь надъ составленіемъ славянскаго алфавита и переводя на славянскій языкъ Священное Писаніе и православное Богослуженіе, думали совсѣмъ о другомъ: они заботились только о распространеніи между Славянами царствія Божія, того царствія Божія, въ которомъ находятъ себѣ

posily ve svých utrpeních, nepřipomenul i mnohým z vás, posluchači, den tisícileté památky svatého Cyrilla a neshromáždil vás dnes pod jeho prapor k modlitbě k společnému našemu Otci nebeskému? A jest-li tak, jest-li že tento krásný, přirozený pocit soustrasti dělá vám drahým jmeno velikého prvoučitele celého světa slovanského: tož není-li nedostatek tohoto pocitu, není-li nedostatek vědomí naší národní jednoty s ostatními Slovany, není-li nedostatek vývinu národního citu vůbec příčinou toho, že naše společnost lhostejna jest k památce sv. osvětitelův? Ale kdož osmělí se říci to o ní? A možno-li to říci, když víme, že na příklad politický veleduch Petra Velikého, jenž tak jasně pochopoval příbuzenstvo naše i význam tohoto příbuzenstva se slovanskými plemeny, že slavné činy na východě za časův Veliké Kateřiny, nejednou rozechvěly všecky struny krevných soucitů našich k Slovanům, kdežto jmena sv. prvoučitelů zůstávala i tehdáž v úplném zapomenutí? Proč mnedle nebylo zpomenuto i tehda těchto velikých, všeslovanských jmen?

V tom právě záleží smutek církve Kristovy, v tom i neštěstí našeho ruského obecenstva, že zapomenutí jich svatých prvoučitelův má hlubší příčinu, než všeliké zevnější aneb politické poměry, a proto ne brzy a ne snadno odstranitelnou, kteráž měla by vyzvati každého Rusa, každého Slovana k vážnému přemýšlení. Ano i v pracích lidí, kteří s obzvláštní láskou zabývají se skoumáním osudu příbuzných nám bratrův, ano i v tyto dni, když v našem tisku slyšeti bylo předchozí oznámení o významu nynějšího dne, jmeno sv. Cyrilla přivádí toliko k myšlénce aneb o slovanské písemnosti, literatuře a nauce, aneb o národním přirozeném příbuzenství Slovanův a o jejich samostatnosti uprostřed jiných národností, — kdežto naši prvoučitelé pracujíce o sestavení slovanské abecedy a překládajíce na slovanský jazyk svaté písmo a pravoslavnou bohoslužbu, myslili o něčem zcela jiném: oni starali se toliko o rozšíření království božího mezi Slovany, toho království bo-

мѣсто и Эллинъ и Іудей, и рабъ и свободный, и которое призвано обнять собою весь человѣческій родъ, одинаково созданный Богомъ и такъ возлюбленный Имъ, что Онъ послалъ въ міръ Своего Единороднаго Сына, да всякъ вѣруяй въ онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный (Іоан. 3, 16).

Ищите прежде царствія Божія и правды его, говоритъ намъ Евангеліе, переведённое для насъ св. первоучителями, и сія вся, все необходимое для нашего земного благоденствія, приложатся вамъ. Только тотъ истинно дорожитъ памятью св. первоучителей, кто дорожитъ не оболочкою, такъ сказать, ихъ дѣла — славянскою буквою, и не ожидаемыми когда-то политическими послѣдствіями этого дѣла, а самымъ дѣломъ, распространеніемъ царствія Божія, которое, проникая собою чью бы то ни было народную жизнь, развиваетъ её до полной, свойственной ей зрѣлости, твёрдости, самостоятельности. Граматность, литература, наука имѣютъ неоспоримо великое значеніе въ народномъ развитіи; но если этою граматностію владѣетъ грубая или дерзкая рука славянскаго же врага? если эта литература шевелитъ и поощряетъ страсти, и безъ нея такъ мертвящія благородныя стремленія человѣческаго духа? если въ этихъ наукахъ проводятся начала, вызывающія не на трудъ, не на правду, миръ и любовь, а на взаимную борьбу самолюбій всѣхъ и каждаго? можетъ ли такая письменность вести къ народному развитію, къ народной самобытности? И что это за самобытность народа, не проникнутаго единомысліемъ и единодушіемъ? Мысль человѣческая, какъ ни высоки и могучи полёты ея, какъ ни стройно и логично словесное выраженіе ея, воспроизводитъ въ сознаніи только то, и влечётъ волю только къ тому, чѣмъ дорожитъ сердце: отъ сердца человѣка помышленія его. Что же св. Кириллъ имѣлъ въ виду, когда создавалъ нашу граматность? Чего, по его мнѣнію, недоставало нашимъ, предкамъ Славянамъ? Имъ, какъ язычникамъ съ грубыми нравами, недоставало ни чувствованія, ни пониманія именно лучшихъ благъ человѣческаго существованія, недоставало ни той личной нравственной свободы, которая не порабощается

žího, v kterém nalézají sobě místo i Helén i žid, i otrok i svobodný, a které je povoláno, aby pojalo v sebe celé lidské plémě, stejně stvořené Bohem a tak milované Jím, že poslal na svět svého jednorozeného Syna, aby nikdo, kdo věří v něho, nezahynul, ale měl život věčný (Jan 3, 16.)

Hledejte nejprvé království božího a pravdy jeho, praví nám evangelium, přeložené nám sv. prvoučiteli, a všecko toto, všecko nevyhnutelné k našemu vezdejšímu blahobytu, bude vám přidáno. Jenom ten má skutečně ve vážnosti památku sv. prvoučitelův, kdo má ve vážnosti ne šlupinu, abych tak řekl, jejich díla — slovanskou písmenu, a ne očekávané jednou politické následky tohoto díla, nýbrž dílo samo, rozšíření království božího, kteréž pronikajíc číkoli národní život, rozvíjí jej do úplné, vlastní jemu zralosti, pevnosti, samostatnosti. Písemnost, literatura, nauka mají beze sporu veliký význam v národním rozvoji; ale pakli touto písemností vládne hrubá neb drzá ruka slovanského nepřítele? pakli tato literatura rozněcuje i povzbuzuje vášně, které i bez ní tak umrtvují šlechetné snahy lidského ducha? pakli v těchto naukách vyvozují se zásady, vyzývající ne k práci, ne k pravdě, míru a lásce, ale ku vzájemnému boji sebelásek všech i každého? zdaž může takové písemnictví vésti k národnímu rozvoji, k národní samostatnosti? A jakáž jest to samostatnost národa nepronikmutého jednou myslí a jedním duchem? Mysl lidská, jakkoli vysoké a mohutné jsou vzlety její, jakkoli souměrné a logické jest ústní vyjádření její, obnovuje u vědomí jenom to a pobádá vůli jenom k tomu, čemu přikládá cenu srdce: ze srdce člověka vycházejí myšlénky jeho. Což mnedle sv. Cyrill měl na mysli, když tvořil naší písemnost? Čeho, dle jeho domnění, nedostávalo se našim předkům Slovanům? Jim, jakož pohanům s hrubými mravy, nedostávalo se jak citu tak i chápání právě nejlepších statkův lidské bytnosti, nedostávalo se jak té osobní mravní svobody, kteráž nebývá podrobena vášněmi, ale i ne-

страстя́ми, но и не ги́бнетъ ни подъ каки́мъ физи́ческимъ наси́ліемъ, — ни того́ уваже́нія и любви́ къ человѣ́ческому досто́инству бли́жняго, кото́рыя заставля́ютъ цѣни́ть его́ бла́га и права́, какъ свои́ со́бственныя, — ни того́ созна́нія необъя́тной ва́жности взаи́мныхъ о́бщихъ интере́совъ и того́ сочу́вствія имъ, кото́рыя рожда́ютъ гото́вность же́ртвовать вся́кими ли́чными бла́гами, да́же са́мою жи́знію, за обще́ственное дѣ́ло, — коро́че сказа́ть, имъ недостава́ло ду́ха христіа́нскаго; ихъ надлежа́ло, по выраже́нію, припи́сываемому самому́ св. Кири́ллу, отлучити житья скотска похотей (рукоп. изъ библіоте́ки г. Ги́льфердинга, Ева́нгеліе, Nr. 12, стр. 4). Намъ коне́чно не ну́жно здѣ́сь дока́зывать, что всѣ́ исчи́сленныя бла́га жи́зни, составля́ющія осно́ву обще́ственнаго благоустро́енія и процвѣта́нія, составля́ютъ вмѣ́стѣ и су́щность христіа́нской жи́зни, что онѣ́ впервы́е я́влены мі́ру, во всей ихъ си́лѣ и вели́чіи, вочеловѣ́чившимся Сло́вомъ Бо́жіимъ, выяснены Его́ уче́ніемъ, жи́знію, страда́ніями и сме́ртію, наслѣ́дованы Его́ апо́столами, а чрезъ нихъ возвѣщены́ и насаждены́ вездѣ́, гдѣ есть то́лько нача́тки Це́ркви Христо́вой, ца́рствія Бо́жія. Вотъ э́то-то и́менно ца́рствіе Бо́жіе, кото́рое, пре́жде всего́, по сло́ву Бо́жію, внутрь насъ есть, созида́ется изъ на́шихъ чу́вствованій, стремле́ній и по́мысловъ, и кото́рое пото́мъ съ неотрази́мою си́лою выража́ется въ на́шей внѣ́шней жи́зни, въ сча́стіи семе́йномъ, въ благоустро́йствѣ и процвѣта́ніи обще́ственномъ, на́ши первоучи́тели хотѣ́ли насади́ть въ мі́рѣ славя́нскомъ и тѣ́мъ положи́ть нача́ло и его́ обще́ственнаго, наро́днаго разви́тія.

Что́же, дово́льно ли мы сознаёмъ, дово́льно ли сознаётъ на́ше о́бщество э́ту жи́зненную, образова́тельную си́лу христіа́нства, пита́емую и умножа́емую по мѣ́рѣ изуче́нія сло́ва Бо́жія, по мѣ́рѣ обще́нія со Спаси́телемъ въ та́инствахъ вѣ́ры и любви́, по мѣ́рѣ уча́стія во всей церко́вной жи́зни? Не бу́демъ говори́ть о времена́хъ проше́дшихъ. Но и въ обще́ственной жи́зни настоя́щаго вре́мени броса́ются въ глаза́ стра́нныя явле́нія, нево́льно заставля́ющія предполага́ть неизвѣ́стность мно́гимъ образо́ваннымъ того́ просто́го фа́кта, что разви́тіе на́шей пи́сьменности и образова́нія совпада́ютъ со введе́ніемъ

hyne pod jakýmkoli hmotným násilím — tak té vážnosti a lásky k lidské důstojnosti blížního, kteráž přinucuje ceniti jeho statky a práva jako své vlastní, — tak i toho uvědomění neobsáhlé důležitosti vzájemných společných zájmův i toho soucitu k nim, z kterých rodí se hotovost obětovati všeliké osobní statky, anobrž sám život pro obecnou věc — zkrátka řečeno, jim nedostávalo se ducha křesťanského; oni měli býti, po vyjádření, připisovanému samému sv. Cyrillu, vybaveni od zvířecího života chtíčův (rukop. z bibliotéky p. Gilferdinga, Evangelium č. 12, str. 4). Nám ovšem není potřeba zde dokazovati, že všechny vypočtené statky života, tvořící základ obecného pořádku a rozkvětu, tvoří zároveň i podstatu křesťanského života, že nejprvé zjeveny jsou světu, ve vší jejich síle a velebnosti, vtěleným slovem božím, objasněny Jeho učením, životem, utrpeními a smrtí, zděděny Jeho apoštoly a skrze ně rozhlášeny a vštípeny všude, kdekoli jsou počátky církve Kristovy, království božího. Hle toto právě království boží, jež přede vším, podle slova božího uvnitř nás jest a z našich citův, snažení i myšlének se vzdělává, a jež potom s neodolatelnou silou vyznačuje se v našem zevnějším živobytí, v štěstí rodinném, v pěkném zřízení a prospívání obecném, chtěli naši prvoučitelé založiti ve světě slovanském, a tím položiti základ i jeho společenského, národního rozvoje.

Což dostatečně-li seznáváme, dostatečně-li seznává naše obecenstvo tuto životní, tvůrčí sílu křesťanství, která se oživuje a rozmnožuje podle míry vyučení se slovu božímu, podle míry obcování s Spasitelem v tajnostech víry a lásky, podle míry účastenství v celém církevním životě? Nebudeme mluviti o časech minulých. Než i v společenském životě nynějšího času naskytují se zrakům podivné zjevy, jež mimoděk vedou k domnění, kterak neznáma jest mnohým vzdělancům ta prostá skutečnost, že rozvoj našeho písemnictví a vzdělání se sbíhají se zavedením

у насъ христіанства, — той простой истины, что действительное просвѣщеніе и христіанское развитіе въ сущности суть одно и тоже, и вмѣстѣ составляютъ единственное условіе всѣхъ высшихъ, какъ личныхъ, такъ и народныхъ, какъ временныхъ, такъ и вѣчныхъ благъ. Я разумѣю это раздвоеніе въ понятіяхъ и въ жизни общества: между вѣрою, которая всегда по слову Божію должна быть разумна, и наукою, которая есть дѣло того же разума и въ свою очередь не мыслима безъ таинствъ природы и человѣческаго духа; между духовнымъ и прочими, какъ будто лишёнными духа, сословіями; между Церковію и такъ называемымъ свѣтомъ, какъ будто въ христіанскомъ мірѣ можетъ быть ещё какой нибудь свѣтъ, независимый отъ единаго Отца свѣтовъ; между дѣлами вѣры, каковыми считаются напр. хожденіе въ церковь, исполненіе такъ называемаго долга причащенія и пр., и дѣлами обыкновенной жизни, — какъ будто вѣра и всѣ какія бы то ни было наши дѣла не должны истекать вмѣстѣ изъ одного и тогоже живого и нераздѣлимаго настроенія всей нашей личности. Нельзя не указать также на умалчиваніе объ этихъ всеобъемлющихъ началахъ христіанства нашею недуховною печатью, нашими непризванными судьями о народномъ просвѣщеніи и попечителями общественной нравственности; — нельзя не указать особенно на наше всеобщее равнодушіе къ положенію сословія, призваннаго прежде всего къ этой просвѣтительной дѣятельности и всё ещё, какъ издавна, находящагося почти въ невозможности безъ особенной чудесной помощи удовлетворять долгу своего званія. Уже одного этого послѣдняго факта было бы достаточно, чтобы видѣть, какъ мало мы понимаемъ значеніе христіанства для жизни. А если такъ, если намъ не ясно и не дорого значеніе самаго христіанства, то судите сами, можемъ ли мы дорожить памятью нашихъ первоучителей въ христіанскомъ просвѣщеніи? Развѣ можно заставить себя помнить то и воодушевляться тѣмъ, что нисколько не затрогиваетъ нашего чувства, что не возбуждаетъ въ насъ никакого стремленія?

Откуда же къ намъ, въ наше общество занесены — это раздвоеніе между свѣтскимъ образованіемъ и христіанскимъ

křesťanství u nás, — ta prostá pravda, že pravá osvěta a křesťanský rozvoj v podstatě jsou jedno a totéž, a pospolu tvoří jedinou podmínku všech vyšších, jak osobních tak i národních, jak časných tak i věčných statkův. Myslím to rozdvojení v pojmech a živobytí společnosti: mezi vírou, jež vždycky, podle slova božího, musí býti rozumná, a vědou, jež jest dílo téhož rozumu, a která ze své strany nedá se mysliti bez tajností přírody a lidského ducha; mezi duchovním a ostatními, jakoby zbavenými ducha, stavy; mezi církví a tak nazvaným světem, tak jakoby v křesťanském světě mohl býti ještě jakýsi svět, nezávislý od jediného Otce světův; mezi záležitostmi víry, za jaké mají se na př. chození do kostela, plnění tak nazvané povinnosti přijímání a pod., a záležitostmi obyčejného života — tak jakoby víra a všeliké, ať jsou to jakékoli naše záležitosti, nemusely vytékati spolu z jednoho a téhož živého i nerozdílného nastrojení celé naší osobnosti. Není lze neukázati taktéž na pomíjení mlčením těchto všeobsáhlých zásad křesťanství se strany našeho necírkevního tisku, se strany našich nepovolaných soudců o národním vzdělání i se strany pečovatelů o obecní mravnost; — nelze neukázati zvláště na naši všeobecnou lhostejnost k postavení té třídy, která jest povolána především k této vzdělávací působnosti, a pořád ještě, jako odedávna, nachází se téměř v nemožnosti bez obzvláštní zázračné pomoci vyhověti povinnosti svého povolání. Už jediné této poslední skutečnosti bylo by s dostatek, aby každý viděl, jak málo pochopujeme význam křesťanství pro život. A jest-li tomu tak, není-li nám jasný a drahý význam samého křesťanství, toť suďte sami, můžeme-li míti u vážnosti památku našich prvoučitelův v křesťanské osvětě. Či možno dovésti toho, abychom pamatovali na to a nadšeni byli tím, co nikterak netýká se našeho citu, co nevzbuzuje v nás nijaké touhy?

Odkud pak jest k nám, v naší společnost, zanešeno toto rozdvojení mezi světským vzděláním a křesťanskou osvětou,

просвѣщеніемъ, этотъ разладъ между стремленіями духовной и свѣтской жизни и науки? Очевидно, не отъ самаго христіанства. Христосъ Спаситель пришёлъ въ міръ не раздѣлять и расточать, а собирать расточённое и соединять раздѣлённое: миръ и любовь — эти слова, такъ сказать, не сходили съ Его божественныхъ устъ; а чтобы любовь не могла какъ нибудь уступить мѣсто эгоизму и раздѣленію въ христіанскомъ обществѣ, Онъ поставилъ её первымъ существеннымъ признакомъ всякаго вѣрующаго (о семъ вѣмъ, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою) и охраненіе неповреждённости всего своего ученія ввѣрилъ лишь взаимной любви между собою вѣрующихъ, то есть, свободнымъ собраніямъ во имя Христово съ призываніемъ Святаго Духа; такъ что, гдѣ нѣтъ любви между членами церкви, тамъ не можетъ быть и истины, и гдѣ есть истина, тамъ она непремѣнно выражается въ любви. Откуда же въ нѣдрахъ христіанскаго общества такое непониманіе христіанства, видимое отчужденіе отъ него, иногда даже вражда къ нему? Оттуда же, откуда вышли всѣ гоненія на нашихъ св. первоучителей и всѣ политическія бѣдствія славянскаго міра; оттуда, гдѣ впервые попраны и порваны были узы вселенской любви, и гдѣ одинъ епископъ, увлечённый духомъ и преданіями языческаго Римскаго міра, дерзнулъ провозгласить себя главою вселенской церкви, единымъ непогрѣшимымъ истолкователемъ ея истины, — оттуда, гдѣ выработалась идея единоличнаго господства надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ и вмѣстѣ духовнаго порабощенія вѣрующихъ, — чрезъ одинъ, для всѣхъ обязательный, хотя многимъ и непонятный, латинскій языкъ, чрезъ одинъ, хотя и противный мѣстнымъ апостольскимъ преданіямъ, обрядъ, чрезъ воспитаніе особыхъ, оторванныхъ отъ живыхъ связей съ народною жизнію, привилегированныхъ и послушныхъ исполнителей безусловной воли, а гдѣ нужно — посредствомъ меча, инквизиціи и другихъ, менѣе грубыхъ, но не менѣе антихристіанскихъ и жестокихъ насилій; оттуда, гдѣ здравый смыслъ и благородныя стремленія человѣческаго духа, наконецъ, вынуждены были сбросить это постыдное иго лож-

tento rozlad mezi snahami duševního a světského života i vědění? Patrno, nikoli od samého křesťanství. Kristus Spasitel přišel na svět ne rozdělovat a rozptylovat, ale shromáždět rozptýlené a sjednocovat rozdělené: mír a láska — tato slova, abych tak řekl, nespustila se Jeho božských úst; a aby láska nemohla jakkoli ustoupiti místo sobectví a rozpoltění křesťanské společnosti, postavil On ji za první podstatný příznak každého věřícího (po tom poznávám, že jste moji učeníci, když se milujete vespolek) a zachování neporušenosti celého svého učení svěřil jen vzájemné lásce (mezi sebou) věřících, to jest, volným schůzím ve jménu Kristově se vzýváním Ducha svatého; tak že kde není lásky mezi členy církve, tam nemůže býti ani pravdy, a kde jest pravda, tam dojista vyjadřuje se v lásce. Odkudž mnedle v lůně křesťanské společnosti takové neporozumění křesťanstvu, viditelné stranění se jeho, někdy až i nenávisť k němu? Odtud právě, odkud vyšla všecka pronásledování našich sv. prvoučitelův i všecka politická neštěstí slovanského světa; odtud, kde poprvé pošlapány a přervány byly svazky všeobecné lásky, a kde jeden biskup, uchvácený duchem a podáními pohanského římského světa, měl drzost prohlásiti se hlavou všeobecné církve, jediným nepochybným vykladatelem její pravdy, — odtud, kde se utvořila myšlénka panství jedné osoby nad celým křesťanským světem a zároveň duševního poddanství věřících — prostředkem jednoho, pro všechny závazného, ač mnohým i nesrozumitelného, latinského jazyka, prostředkem jednoho, ač i protivného místním apoštolským podáním, obřadu, prostředkem vychování zvláštních, odervaných od živých svazkův s národním životem, privilegovaných a poslušných vykonavatelův bezvýminečné vůle, a kde třeba — pomocí meče, inkvizice a jiných, méně hrubých, však neméně protikřesťanských a ukrutných násilí; odtud, kde zdravý rozum a šlechetné snahy lidského ducha konečně donuceny byly svrhnouti toto hanebné jho lživého křesťanství,

наго христіа́нства, а такъ какъ тамъ не могло́ быть и́стиннаго, — то э́то зна́чило — сбро́сить и́го вся́каго христіа́нства, — гдѣ, вслѣдствіе э́того, должны́ бы́ли са́ми собо́ю возни́кнуть антихристіа́нскія стремле́нія въ нау́кѣ, въ литерату́рѣ, въ иску́ствѣ, во всёмъ стро́ѣ ча́стной и обще́ственной жи́зни. Отъ э́тихъ-то и́менно бѣ́дствій ло́жнаго христіа́нства, когда́ оно́ то́лько что зарожда́лось въ Ри́мѣ, отъ э́того-то порабоще́нія лати́нствомъ спѣши́ли спасти́ славя́нскій міръ святы́е Кири́ллъ и Меѳо́дій, научая его́ самостоя́тельно по́льзоваться сло́вомъ Бо́жіимъ и преда́ніями це́ркви, предлага́я ему́ моли́твы и все богослуже́ніе на родно́мъ для него́ языкѣ́, помога́я ему́, таки́мъ о́бразомъ, подъ кро́ткимъ влія́ніемъ правосла́вной це́ркви, свобо́дно развива́ть свою́ мысль, соверше́нствовать свой язы́къ, устро́ять свою́ самобы́тную, ча́стную и обще́ственную жизнь; — отъ э́тихъ-то побо́рниковъ тогда́шняго лати́нства такъ мно́го страда́ли на́ши вели́кіе первоучи́тели, а за ни́ми впослѣ́дствіи и цѣ́лый рядъ славя́нскихъ му́чениковъ, кто на войнѣ́, кто на кострѣ́ сложи́вшихъ свои́ го́ловы; по по́воду э́тихъ-то преслѣ́дованій со стороны́ лати́нскаго духове́нства до́лженъ былъ и св. Кири́ллъ изъ Мора́віи путеше́ствовать въ Римъ, гдѣ, хотя́ и успѣ́лъ тогда́ еще́ отстоя́ть своё дѣ́ло, но, изнурённый труда́ми и ско́рбями, съ моли́твою къ Бо́гу о преуспѣя́ніи насаждённой це́ркви ме́жду Славя́нами, съ нѣ́жною про́сьбою къ своему́ бра́ту — люби́ть Славя́нъ и продолжа́ть нача́тое дѣ́ло, — пре́далъ духъ свой Отцу́ небе́сному.

Какъ же э́то случи́лось, что мы, забы́въ да́же и́мя св. Кири́лла, досе́лѣ не успѣ́въ оцѣни́ть насаждённаго его́ труда́ми правосла́вія у себя́ сами́хъ, успѣ́ли одна́коже усво́ить себѣ́ го́рькіе плоды́, возращённые его́ врага́ми на За́падѣ, зарази́ться отчужде́ніемъ, то́лько тамъ и поня́тнымъ, отъ са́маго христіа́нства, и, не смотря́ на то, что самъ За́падъ во мно́гомъ испра́вилъ свои́ заблужде́нія, во мно́гомъ и мно́гомъ сно́ва успѣ́лъ опереди́ть насъ, досе́лѣ остаёмся какъ бу́дто въ сторонѣ́ къ зада́чѣ христіа́нства и и́менно правосла́внаго христіа́нства на на́шей родно́й, ру́сской, славя́нской по́чвѣ? Не бу́демъ, одна́коже, преждевре́менно допра́шивать исто́рію послѣ́днихъ столѣ́тій и испы́тывать

což, poněvadž tam nemohlo býti pravého — mělo ten význam — svrhnouti jho všelikého křesťanství, — kde následkem toho, musily samy sebou vzniknouti protikřesťanské snahy v nauce, v literatuře, v umění, v celém ústrojí soukromého i společenského života. Od těchto právě pohrom lživého křesťanství, jak mile zrodilo se v Římě, od tohoto podmanění latinstvím spěchali osvoboditi slovanský svět svatí Cyrill a Metoděj, učíce ho samostatně užívati slova božího i podání církevních, předkládajíce mu modlitby i celou bohoslužbu v přirozeném jemu jazyku, pomáhajíce mu takto za jemného působení pravoslavné církve, svobodně rozvíjeti své myšlénky, zdokonalovati svůj jazyk, zařizovati svůj samostatný, soukromý i pospolitý život; — od těchto bojovníkův tehdejšího latinství tak mnoho trpěli naši velicí prvoučitelé a za nimi v zápětí i celá řada slovanských mučenníků, tu na vojně, tam na hranici složivších své hlavy; za příčinou těchto pronásledování se strany latinského duchovenstva musil i sv. Cyrill z Moravy putovati do Říma, kdě, ačkoli i dovedl tehdy ještě uhájiti dílo své, avšak, utrmácený klopotami a svízeli, s modlitbou k Bohu o prospívání založené církve mezi Slovany, s něžnou prosbou k svému bratru — aby miloval Slovany a dále vedl začaté dílo — odevzdal jest ducha svého Otci nebeskému.

Jakže se to stalo, že my, ačkoli jsme zapomenuli až i jmeno sv. Cyrilla, ač jsme nedovedli dosud oceniti založeného jeho pracemi pravoslaví u sebe samých, dovedli jsme přece přisvojiti sobě hořké plody vypěstované jeho nepřáteli na západě, nakaziti se jenom tam i pochopitelným straněním se samého křesťanství, a nehledíce k tomu, že sám západ ve mnohém napravil své poblouzení, ve mnohém a mnohém znova dovedl předstihnouti nás, dosud zůstáváme tak jako v postraní k úkolu křesťanství a zejmena pravoslavného křesťanství na naší rodné, ruské, slovanské půdě? Však nechtějmež předčasně vyslýchati dějiny posledních století a zpytovati cesty Hospo-

пути́ Госпо́дни. Напо́мнимъ то́лько себѣ́ сами́мъ, постара́емся и впредь не забыва́ть, что, е́сли Россі́я, не смотря́ на всѣ́, пови́димому, непреобори́мыя вѣ́ковыя порабоще́нія и полити́ческія невзго́ды, оста́лась самостоя́тельнымъ и могу́чимъ госуда́рствомъ; е́сли ру́сскій крестья́нинъ, не смотря́ на всѣ́, вынесенные на его́ плеча́хъ, безчи́сленные обще́ственные труды́, и на все, вѣка́ми угнета́вшее его́, ра́бство, сохрани́лъ свѣ́жесть здра́вой мысли и живо́сть патріоти́ческаго чу́вства; е́сли нашъ бы́вшій землевладѣ́лецъ, при всѣ́хъ собла́знахъ за́падной феода́льной тиранніи, сохрани́лъ въ себѣ́ къ свои́мъ крѣ́постны́мъ и́стинно славя́нское чу́вство братолю́бія и сострада́нія; е́сли бы́вшій крѣ́постной, среди́ са́мыхъ тя́жкихъ непра́вдъ, порабоща́вшихъ его́, не воспита́лъ въ себѣ́ чувствъ зло́бы и ме́сти къ вы́сшимъ сосло́віямъ; е́сли вели́кое христіа́нское дѣ́ло освобожде́нія крестья́нъ, къ изумле́нію За́пада и его́ ру́сскихъ послѣ́дователей, соверши́лось ми́рно и благополу́чно; е́сли и всѣ́ про́чія блага́ преобразова́нія встрѣча́ются на́шими безгра́матными сосло́віями не то́лько безъ вся́кихъ предубѣжде́ній, но и съ по́лнымъ сочу́вствіемъ и ра́достію; е́сли, наконе́цъ, вѣ́ра въ вели́кую бу́дущность Росс́іи и всего́ правосла́внаго славя́нства въ насъ крѣ́пка́ и непоколе́бима; — то все это въ значи́тельной, весьма́ значи́тельной до́лѣ благодаря́ Правосла́вію, насаждённому ме́жду на́ми труда́ми святы́хъ Кири́лла и Меѳо́дія.

Да, правосла́вная, то́лько правосла́вная це́рковь, храня́щая съ благоговѣ́ніемъ, какъ зени́цу о́ка, богодаро́ванный ей зало́гъ и́стины и любви́, не зна́ющая и не различа́ющая ме́жду свои́ми чле́нами никаки́хъ па́ртій, чу́ждая, какъ ца́рство не отъ ми́ра сего́, вся́кихъ полити́ческихъ стремле́ній, всегда́ вѣ́рная кро́ткому, любвеоби́льному, до́лготерпѣли́вому, Боже́ственному Ли́ку Спаси́теля Своего́, отобрази́вшемуся и на ея канони́ческихъ и обря́довыхъ учрежде́ніяхъ, — то́лько она́ умѣ́етъ цѣни́ть обще́ственное бла́го вы́ше вся́каго ча́стнаго, ра́доваться вся́кому и́стинному преуспѣя́нію свои́хъ пасо́мыхъ, ра́ди ихъ сча́стія забыва́ть о свои́хъ со́бственныхъ ближа́йшихъ ну́ждахъ, но бо́лѣе всего́ то́лько она́, по примѣ́ру своего́ Боже́ственнаго Основа́теля, умѣ́етъ страда́ть, до́лготерпѣли́во страда́ть съ стра́ждущими чле́нами свои́ми. Такъ ли пони-

dinovy. Připomeňme toliko sobě samým a hleďme, bychom i budoucně nezapomenuli, že, jest-li Rusko přese všecku na pohled nepřekonatelnou stoletou porobu a politické nehody, zůstalo samostatnou a mocnou říší; jest-li ruský rolník, přese všecky snášená na jeho plecích, nesčíslná společenská břemena, a přese všecko po celé věky ho tísnivší poddanství, zachoval svěžesť zdravého rozumu i živost vlasteneckého citu; jest-li náš bývalý zeman při všech svůdnostech západního feudalního tyranství zachoval v sobě ke svým nevolníkům právě slovanský cit bratrolásky a útrpnosti; jest-li bývalý nevolník mezi nejtěžším bezprávím, ježto ho porobilo, neodchoval v sobě citův zloby a msty k vyšším třídám; jest-li veliké křesťanské dílo osvobození rolníkův, k udivení západu a jeho ruských stoupencův, vykonalo se klidně a šťastně; jest-li i všechna ostatní blahá přetvořování vítána jsou našimi písma neznalými vrstvami nejen bez všelikých předpojatých domnění, nýbrž s úplnou soucitností a radostí; jest-li konečně víra v velikou budoucnost Ruska i všeho pravoslavného Slovanstva v nás silná a neodolatelná: — tož vším tím u značné, velmi značné míře zavázáni jsme pravoslaví, založenému mezi námi úsilím svatých Cyrilla a Metoděje.

Ano, pravoslavná, toliko pravoslavná církev, chránící s uctivostí, jak zřítelnici oka, Bohem darovanou jí záruku pravdy a lásky, neznající a nerozlišující mezi svými členy nijakých straň, cizá, jako říše ne z tohoto světa, všelikých politických snah, vždycky věrná něžnému, milostiplnému, shovívavému božskému obrazu Spasitele svého, vyznačenému i na jejích kanonických a obřadových zřízeních — jen ona umí ceniti obecné blaho výše všelikého soukromého, radovati se všelikému skutečnému prospívání svých chovancův, pro jejich štěstí zapomínati na své vlastní nejbližší potřeby, však nejvíce jenom ona, po příkladu svého božského zakladatele, umí trpěti, shovívavě trpěti s trpícími členy svými. Tak-li pojímá a cení svou církev

ма́етъ и цѣни́тъ свою́ це́рковь на́ше общество?! Ахъ, е́сли бы оно́ такъ понима́ло и цѣни́ло её, могло́ ли бы оно́ забы́ть тѣ вели́кія ли́чности, кото́рымъ весь славя́нскій міръ, пре́жде всего́, обя́занъ правосла́віемъ?

Пра́вда, съ тѣхъ неда́внихъ поръ, какъ и́стинно-христі-а́нскія, въ славя́нской исто́ріи безприме́рныя, преобразова́нія, соверша́емыя Держа́вною во́лею вели́каго на́шего Мона́рха, ста́ли обнима́ть собо́ю и проника́ть весь строй госуда́рственной жи́зни Россі́и, — съ тѣхъ поръ ру́сское о́бщество бо́лѣе, чѣмъ когда́ ли́бо, начина́етъ чу́вствовать нужду́ въ дѣйстви́тельномъ, христіа́нскомъ образова́ніи всѣхъ и ка́ждаго въ оте́чествѣ, и, вмѣ́стѣ съ э́тимъ, начина́етъ цѣни́ть зижди́тельную и просвѣ-ти́тельную си́лу це́ркви Христо́вой; но за то не съ э́того ли же и́менно вре́мени начина́етъ возника́ть въ Россі́и и па́мять первоучи́телей на́шихъ? Потому́-то мо́жно надѣ́яться и да́же положи́тельно утвержда́ть, что на бу́дущее вре́мя, по мѣ́рѣ того́, какъ весь ру́сскій наро́дъ и другі́я славя́нскія племена́ бу́дутъ бо́лѣе понима́ть си́лу и значе́ніе своего́ христіа́нскаго зва́нія и устро́ятъ свою́ обще́ственную жизнь на одни́хъ и тѣхъ же правосла́вныхъ нача́лахъ пра́вды и любви́, по мѣ́рѣ того́, слѣ́довательно, какъ на́ше племенно́е родство́ бу́детъ одуше-вля́ться еди́нствомъ мы́сли, еди́нствомъ чувствъ и стремле́ній во всѣхъ суще́ственныхъ вопро́сахъ жи́зни, и сѣ́мя правосла́в-наго христіа́нства, бо́лѣе и бо́лѣе разраста́ясь на славя́нской по́чвѣ, какъ ра́йское дре́во жи́зни, осѣни́тъ собо́ю всѣ сла-вя́нскіе наро́ды, — по той же мѣ́рѣ и безсме́ртныя имена́ св. Кири́лла и досто́йнаго бра́та и сподви́жника его́ Меѳо́дія все яснѣ́е и вели́чественнѣе бу́дутъ поднима́ться и сія́ть на гори-зо́нтѣ славя́нскаго не́ба, пока́ не сдѣ́лаются наконе́цъ си́мво-ломъ на́шего дѣйстви́тельнаго еди́нства, не кро́внаго то́лько и преходя́щаго еди́нства, но созна́тельно-духо́внаго и потому́ по́лнаго и никако́ю физи́ческою си́лою во вѣ́ки та́кже нераз-руши́маго, какъ во вѣ́ки нико́ли́ же отпада́етъ сама́ хри-стіа́нская любо́вь.

Ищи́те же, бра́тіе, пре́жде ца́рствія Бо́жія и пра́вды Его́, и сія́ вся прило́жатся вамъ. Ами́нь.

---

naše obecenstvo?! Ach, kdyby tak pojímalo a cenilo ji, zdaž mohlo by zapomenouti na ty veliké osoby, kterým celý slovanský svět především zavázán jest pravoslavím?

Pravda, od těch nedávných dob, co pravá křesťanská, v slovanských dějinách bezpříkladná přetvořování, vykonávaná svrchovanou vůlí velikého našeho panovníka, začala objímati a pronikati celý stroj státního života Ruska, — od těch dob ruské obecenstvo více než kdykoli jindy začíná cítiti potřebu v skutečném křesťanském vzdělání všech i každého ve vlasti, a zároveň s tím začíná ceniti tvůrčí a osvětodárnou sílu církve Kristovy; však za to nezačíná-li právě od tohoto času vznikati v Rusku i památka prvoučitelů našich? Proto také možno nadíti se, anobrž i na jisto tvrditi, že budoucně podle toho, jak celý ruský národ i ostatní slovanští národové budou více chápati sílu a význam svého křesťanského povolání a zřizovati svůj společenský život na jedněch a těchže pravoslavných základech pravdy a lásky, podle toho tedy, jak naše rodové příbuzenství bude oživovati se jednotou myšlénky, jednotou citův a snažení ve všech podstatných otázkách života, a símě pravoslavného křesťanství, více a více rozkládajíc se na slovanské půdě, jako rajský strom života, zastíní spolu všechny slovanské národy, — podle toho i nesmrtelná jména sv. Cyrilla a důstojného bratra a spolubojovníka jeho Methoděje vždy jasněji a velebněji budou stoupati a zářiti na obzoru slovanského nebe, pokud nestanou se konečně odznakem naší skutečné jednoty, ne toliko pokrevné a pomíjející jednoty, nýbrž uvědomělé duševní a tudíž úplné, která nižádnou hmotnou silou na věky nedá se zrušiti, jakož na věky též nepomíjí sama křesťanská láska.

Hledejte tedy, bratří, nejprvé království božího a pravdy jeho, a toto všecko bude vám přidáno. Amen.

II.

СЛО́ВО
НА ДЕНЬ ТЫСЯЧЕЛѢ́ТІЯ ПА́МЯТИ СВЯТО́ГО КИРИ́ЛЛА, ПЕРВОУЧИ́ТЕЛЯ СЛАВЯ́НЪ,

сказа́нное въ це́ркви моско́вскаго университе́та профе́ссоромъ богосло́вія, протоіере́емъ *Н. А. Се́ргіевскимъ.*

> **Помина́йте наста́вники ва́ша, и́же глаго́лаша вамъ сло́во Бо́жіе, ихъ же взира́юще на сконча́ніе жительства, подража́йте вѣ́рѣ ихъ. Евр. XIII, 7.**

Сія́ апо́стольская за́повѣдь о досто́йномъ воспомина́ніи св. наста́вниковъ напомина́етъ мнѣ́ ны́нѣ ещё друго́е апо́стольское внуше́ніе, что и св. наста́вники не всѣ́ равны́ въ своёмъ досто́инствѣ; и слѣ́дственно воспомина́ніе и́ли па́мять о нихъ, па́мять отъ па́мяти, какъ наста́викъ отъ наста́вника, пра́ведно ра́знствуютъ въ си́лѣ и сла́вѣ. А́ще и мно́ги и́мате пѣ́стуны о Христѣ́, внуша́етъ апо́столъ Па́велъ кори́нѳскимъ христіа́намъ, но не мно́ги отцы́: о Христѣ́ бо Іису́сѣ благовѣ́ствова́ніемъ азъ вы роди́хъ (I Кор. IV, 15).

И у насъ ны́нѣ день па́мяти наста́вника на́шего о Христѣ́, не изъ числа́ мно́гихъ, но наста́вника отца́, каки́хъ немно́го, пе́рваго отъ двухъ равноапо́стольныхъ отце́въ, благовѣ́ствова́ніемъ Христо́вымъ роди́вшихъ дре́вле родъ нашъ.

Прито́мъ настоя́щій день имѣ́етъ ещё ту знамена́тельность, что есть день тысячелѣ́тія сей свято́й и священнѣ́йшей о́тчей па́мяти.

И такъ, о́бщая за́повѣдь о почита́ніи па́мяти христіа́нскихъ наста́вниковъ на сей святъ день какъ бы преднапису́ется намъ въ нѣ́которомъ осо́бенномъ о́бразѣ и съ осо́бенною си́лою.

II.

ŘEČ

na den tisícileté památky sv. CYRILLA, prvoučitele Slovanův,

kterou měl v chrámu moskevské university professor bohosloví protojerej *N. A. Sergievský.*

Zpomínejte na vůdce své, kteříž vám mluvili slovo boží, jejichžto obcování jaký byl cíl spatřujíce, následujtež jejich víry. Epištola sv. Pavla k Židům XIII, 7.

Toto apoštolské přikázaní o důstojném vzpomínání na svaté vůdce připomíná mi nyní ještě jiné apoštolské vnuknutí, že i sv. vůdcové nejsou všickni stejní ve své důstojnosti, a následovně vzpomínání aneb památka na ně, památka od památky, jako vůdce od vůdce, spravedlivě se různí v síle a slávě. Nebo byste pak mnoho pěstounův měli v Kristu, vnukuje apoštol Pavel Korintským křesťanům, však proto nemnoho máte otců: nebo v Kristu Ježíši skrze evangelium já jsem vás zplodil (I. Kor. IV. 15).

I my máme nyní den památky vůdce našeho v Kristu, ne z čísla mnohých, ale vůdce otce, jakých jest nemnoho, prvního z dvou rovnoapoštolských otců, již skrze evangelium Kristovo zplodili před časy rod náš.

Při tom dnešní den má ještě tu znamenitosť, že jest to den tisíciletí této svaté a nejposvátnější otcovské památky.

I tak obecné přikázaní o poctě památky křesťanských vůdců na tento svatý den představuje se nám takořka v jakémsi zvláštním spůsobu a s obzvláštní silou.

Поминáйте настáвники вáша, тѣ́мъ пáче — первонастáвники вáша. Начáло зáповѣди, кáжется, не трýдно къ исполнéнію: и мы ýже близъ сегó исполнéнія, совершáя съ осóбенною ещё торжéственностію пáмять богомýдраго отцá нáшего Кирúлла. Однáко признáемъ со смирéніемъ, что и э́того лёгкаго начáла святóй зáповѣди исполнúтелями мы являемся съ óчень недáвняго врéмени въ отношéніи къ нáшимъ велúкимъ первоучúтелямъ. Возблагодарúмъ вѣ́чно-бóдрствующій надъ нáми Прóмыслъ, хотя внѣ́шними знáменіями времёнъ и лѣ́тъ возбудúвшій и возбуждáющій въ насъ священную для насъ пáмять, внýтренно-бы́ло забы́тую на дóлзѣ врéмени. Чтó éслибы настоящій благознаменúтый день св. Кирúлла застúгъ насъ яко тать въ нощи! . . .

Сей день — велúкъ день для всегó рóда славянскаго, и достóйно торжествýется всѣ́ми óтраслями егó, сознающими своё всеславянское естéственное брáтство и въ святóмъ úмени Кирúлла всеславянское духóвное óтчество!

Впрóчемъ и то мы говорúмъ не безъ смирéнія. Úбо мы знáемъ, что не всѣ́ óтрасли нáшего рóда остáлись вѣ́рны вѣ́рѣ своегó св. отцá; úбо мы знáемъ, что среди нѣ́которыхъ изъ нихъ велúкая пáмять слáвится нынѣ́ не въ úстинномъ ея дýхѣ. Но сіи мы́сли да не въ конéцъ смущáютъ нáше всерóдное торжествó óтчей пáмяти! Нѣ́сть ученúкъ надъ учúтелемъ, и апóстолъ и равноапóстолъ надъ Христóмъ Гóсподомъ. О Нёмъ Самóмъ св. Пáвелъ не смущáясь говорúтъ: нѣ́цыи ýбо по зáвисти и рéвности, другіи же и за благоволéніе Христá проповѣ́даютъ; óви ýбо отъ рвéнія Христá возвѣщáютъ нечúстѣ, óви же отъ любвé. Чтó ýбо? обáче всяцѣ́мъ óбразомъ, áще винóю, áще úстиною, Христóсъ проповѣ́даемъ есть: о семъ рáдуюся и возрáдуюся. Вѣ́мъ бо, яко сіé сбýдется мнѣ́ во спасéніе (Фил. I, 15—19). Посемý не дерзновéнно сказáть и намъ: какъ бы ни поминáлась пáмять велúкаго равноапóстола славянскаго, лишь бы поминáлась ненарушúмо, лишь бы всѣ́ óтрасли велúкаго рóда неотстýпно зрѣ́ли ко св. лúку своегó отцá въ вѣ́рѣ, какъ óбразу ихъ спасúтельнаго единéнія; и о семъ рáдуемся и бýдемъ рáдоваться, вѣ́руя, что во врéмя Гóсподомъ опредѣлённое сбýдется, совершúтся сіé

V z p o m í n e j t e n a v ů d c e s v é, tím více — na první vůdce vaše. Počátek přikázaní se zdá netěžký k vyplnění: a my jsme již blízko tohoto vyplnění, oslavujíce s zvláštní ještě slávou památku bohomoudrého otce našeho Cyrilla. Však přiznejme se s pokorou, že tohoto lehkého počátku svatého přikázaní co plnitelé my objevujeme se teprv od doby velmi nedávné, hledíme-li k našim velikým prvoučitelům. Poděkujme věčně bdící nad námi prozřetelnosti, která i zevnějšími znameními časů a let povzbuzovala a povzbuzuje v nás svatou pro nás památku, ježto však uvnitř byla v zapomenutí p o d l o u h o u d o b u. Což jestli by dnešní veleslavný den sv. Cyrilla byl zastihl nás j a k o z l o d ě j v n o c i! ....

Tento den — jest veliký den pro celý rod slovanský, a důstojně oslavuje se ode všech ratolestí jeho, které jsou si vědomy svého všeslovanského přirozeného bratrství a v svatém jmenu Cyrilla všeslovanské duchovní otčiny!

Ostatně i to pravíme ne bez pokoření. Nebo my známe, že nezůstaly všecky ratolesti našeho rodu věrnými víře svého svatého otce; nebo víme, že u prostřed některých z nich veliká památka slaví se nyní ne v pravém jejím duchu. Ale tyto myšlénky nechť konečně nekalí naši všeobecnou slavnost otcovské paměti! N e n í u č e n í k n a d u č i t e l e, a apoštol a rovnoapoštol nad Krista pána. O něm samém sv. Pavel nejsa zaražen mluví: A v š a k n ě k t e ř í z e z á v i s t i a n a v z d o r u, n ě k t e ř í p a k z o b l í b e n í s o b ě K r i s t a k á ž í; t i n a v z d o r u K r i s t a z v ě s t u j í n e v č i s t o t ě, o n i p a k z l á s k y. A l e c o ž p a k o t o? n ý b r ž j a k ý m k o l i s p ů s o b e m, b u ď v s a m é t v á r n o s t i, b u ď v p r a v d ě K r i s t u s s e z v ě s t u j e: i z t o h o ť s e r a d u j i a r a d o v a t i b u d u. N e b o ť v í m, ž e m i t o p ř i j d e k s p a s e n í (Fil. I. 15 — 19). — Proto není to směle od nás, když řekneme: ať se slaví památka velikého rovnoapoštola slovanského jakkoli, jen když by vzpomínala se neporušeně, jen když by všecky ratolesti velikého kmene neodstupně zřely k sv. obrazu svého otce ve víře, jako k obrazu jich spásonosné jednoty, a z t o h o s e r a d u j e m e a b u d e m e r a d o v a t i, věříce, že

единéніе во спасéніе всѣмъ. — Поминáйте первонастáвники вáша!

Завѣщáніе апóстольское самó, кáжется, руковóдствуетъ какъ бы по ступéнямъ къ достóйному почитáнію пáмяти настáвниковъ. Завѣщáетъ сначáла прóсто не забывáть настáвниковъ; дáлѣе внушáетъ какъ бы прúстально всмáтриваться въ ихъ лúки и жизнь, зрѣть къ нимъ ýмными очáми. Поминáйте настáвники вáша, úхже взирáюще на скончáніе жительства. Дýмается, что этó знáчитъ взирáть не тóлько на конéцъ ихъ жизни, но — на совершéніе всегó ихъ жизненнаго, поучáющаго пóдвига.

Въ настоящемъ слýчаѣ, конéчно, не легкó такóе пóлное созерцáніе жизни нáшего первоучúтеля — изъ-за тысячи протéкшихъ лѣтъ, и, по естéственному порядку, бросáющихъ отъ себя не мáлую тѣнь, крóмѣ преднамѣреннаго затемнéнія велúкаго óбраза рвéніемъ и зáвистію нѣкоторыхъ. Впрóчемъ, глáвное, существéнное къ созерцáнію и во тмѣ свѣтится, и въ девятомъ-нá-десять вѣкѣ вúдно, какъ во очію поражáло въ вѣкѣ девятомъ. Пéрвое: пóдвигъ жизни св. Кирúлла есть пóдвигъ евáнгельской прóповѣди рóду славянскому на славянскомъ нарѣчіи, и — дáже до смéрти борьбá прóтиву врагóвъ сей свобóды слóва о Бóгѣ Слóвѣ, какъ врагóвъ свобóднаго разумѣнія úстины Христóвой. Вторóе подóбно пéрвому: Св. Кирúллъ есть основáтель самобытнаго славянскаго просвѣщéнія, — первохудóжникъ не тóлько письмéни, но и письменности Славянъ, изначáла возвышеннѣйшей, ибо свящéнной письменности. И чтó ещё примѣчáтельно, — то и другóе было принесенó св. Кирúлломъ Славянамъ въ сáмомъ начáлѣ ихъ истóрической жизни. Вотъ какóю двéрію введёнъ родъ нашъ въ исторúческую жизнь: двéрію Христóвою, отвéрзтою ключёмъ разумѣнія св. Писáній. Но не лóжно слóво: Азъ есмь дверь; Мнóю áще кто внúдетъ, спасётся, и внúдетъ и изыдетъ, и пáжить обрящетъ. — Вотъ какóе сѣмя всѣяно изначáла на пóлѣ нáшего развúтія: святóе сѣмя слóва úстины и жизни, какъ нетлѣнный залóгъ нáшего вѣковѣчнаго стоянія и противустоянія сúламъ противобóрствующимъ. Сѣмя свято — стояніе нáше. По всемý этому св. Кирúллъ есть не тóлько

v dobu Hospodinem určenou přijde, stane se toto sjednocení k spasení všem. Vzpomínejte na první vůdce své!

Dědictví apoštolské samo, jak se zdá, vede jaksi postupně k důstojnému oslavení památky vůdců. — Ustanovuje nejprvé prostě nezapomínati na vůdce; dále vnukuje, jak by se mělo upřeně hleděti na jich obrazy a život, zříti k nim rozumnýma očima. Vzpomínejte na své vůdce, na ně pak hledíce na konec žití. Myslí se, že to značí pohlížeti netoliko na konec jich života, ale na vykonání celého jich životního, poučného díla.

V přítomném případě, rozumí se, není lehko také úplné rozjímání o životě našeho prvoučitele po uplynuvších tisíce letech, které podle přirozeného pořádku vrhají od sebe nemalý stín, kromě úmyslného zatemnění velikého obrazu ze vzdoru a ze závisti některých. — Ostatně věc hlavní, skutečná k rozjímání i ve tmě se stkví a v devatenáctém věku jest viděti, jak do očí bila ve věku devátém. Předně: dílo života sv. Cyrilla jest dílo kázaní evangelia rodu slovanskému v slovanském nářečí a — taktéž i boj až do smrti proti vrahům této svobody slova o Bohu-Slově, jako vrahům svobodného pojmutí pravdy Kristovy. Druhé, které jest podobné prvnímu: Sv. Cyrill jest zakladatelem samostatné slovanské osvěty — prvním umělcem netoliko písmena, ale i písemnosti Slovanů, z počátku vznešenější protože posvátné písemnosti. A co ještě zajímavo jest — to i ono bylo přineseno sv. Cyrillem Slovanům na samém počátku jich historického života. Hle jakými dveřmi uveden byl rod náš k historickému životu: dveřmi Kristovými, otevřenými klíčem porozumění sv. písem. Však není lživé slovo: Já jsem dveře; skrze mne všel-liby kdo, spasen bude; a vejde i vyjde a pastvu nalezne. — Hle jaké semeno zaseto z počátku na poli našeho rozvoje: svaté símě slova pravdy a života co nepomíjející záruka našeho věčného trvání a odporu silám proti nám bojujícím. Símě svaté — jest trvání naše. Dle všeho toho sv.

священнодѣйствователь своего настоящаго, но и пророкъ будущаго нашему роду. Отъ того-то съ пробужденіемъ славянскаго самосознанія, славянской самостоятельности и единенія, — съ особенною силою выступаетъ у Славянъ и память о св. Кириллѣ, равно какъ и о сподвижникѣ его и братѣ по плоти и по духу, блаженномъ Меѳодіѣ.

Это чувство нашей самобытности и единства не есть чувство отъ міра сего, — чего боятся наши враги, но есть чувство высшаго, христіанскаго міра, что, можетъ-быть, до времени не совсѣмъ ясно примѣчаютъ и сами други наши. Но ничтоже покровено есть, еже не открыется, и тайно, еже не уразумѣется (Лук. XII, 2). Само начало вселенскаго христіанства, послѣ дня Пятидесятницы, когда народу вѣровавшему бѣ сердце и душа и уста едины (Дѣян. IV. 32), было напоминаніемъ о началѣ человѣчества, ещё бѣдствіемъ не раздѣлённаго, и вмѣстѣ залогомъ конца путей Божіихъ: залогомъ созданія единаго семейства Божія изъ всего человѣчества, созданія святой любви, которая снимаетъ всѣ раздѣленія. — И начало православнаго христіанства у Славянъ, даровавшее имъ какъ бы даръ Пятидесятницы, не разные языки, но общее всѣмъ имъ разумное слово Святыни и единую премудрость, яже свыше, — не было ли это начало благодатнымъ увѣряющимъ залогомъ конца Божіихъ путей ихъ жизни, — единаго для всѣхъ спасенія и спасительнаго всѣхъ единенія?

Съ вѣрою, любовію и надеждою да взираемъ къ жительству св. отца нашего!

Но конецъ и вершина заповѣди: поминайте наставники ваша, — подражайте вѣрѣ ихъ. Подвигъ всей жизни св. Кирилла ясно даётъ уразумѣть, въ чемъ состояла отличительная черта его вѣры. Несомнѣнно, она состояла въ томъ, что единое истинное просвѣтительное и спасительное начало жизни есть св. православная Христова вѣра. А изъ этого начала, въ ходѣ правильнаго развитія, должны проистекать: государство, — не языческое, безбожное, но христіанское, видящее идеалъ своего законоположенія въ законѣ Евангельскомъ; наука, — не язычествующая, противоборствующая вѣрѣ, но наука ищущая вѣры, какъ сама вѣра идётъ и ведётъ къ свѣту разумѣ-

Cyrill jest nejen vykonavatel služby božísvých souvěkých, ale i prorok budoucnosti pro náš rod. Proto s probuzením slovanského uvědomění, slovanské samostatnosti a sjednocení-se s zvláštní silou vystupuje u Slovanů i památka sv. Cyrilla, jakož i společníka jeho a bratra podle těla a podle ducha, blahoslaveného Methoděje.

Tento pocit naší samostatnosti a jednoty není pocit z toho světa — čeho bojí se naši nepřátelé, ale jest to pocit vyššího křesťanského světa, což možná do jistého času ne docela jasně spozorují i sami přátelé naši. Neboť nic není skrytého, cožby nemělo býti zjeveno, aniž jest co tajného, ježtoby nemělo býti zvědíno (Luk. XII. 2). Sám počátek všeobecného křesťanství po dnu seslání Ducha svatého, když množství věřících bylo jedno srdce a jedna duše a ústa jedny (Skutk. IV., 32), bylo upomínkou o počátku člověčenstva, dokud nebylo ještě bídou rozděleno, a zároveň zárukou konce cest božích; zárukou utvoření jedné rodiny boží z celého člověčenstva, svaté lásky, která snímá všecky rozdíly. A počátek pravoslavného křesťanství u Slovanů, ježto darovalo jim takořka dar svatodušních svátků, nebyli rozliční jazykové, ale společné všem jim srozumitelné slovo svatyně, a jednu moudrost, jež z výše jest — nebyl-li tento počátek blahodatnou přesvědčující zárukou konce božích cest v jich životě — jednoho všech spasení a spasitelného všech sjednocení?

S vírou, láskou a nadějí nechť patříme k sídlu sv. otce našeho!

Ale konec a vrchol přikázaní jest: vzpomínejte na vůdce své — nápodobujte jich ve víře. Dílo celého života sv. Cyrilla jasně dává na srozuměnou, v čem pozůstával zvláštní ráz jeho víry. On zajisté pozůstával v tom, že jediný pravý osvícený a spasitelný základ života jest pravoslavná Kristova víra. A z tohoto základu, při pravidelném rozvoji vyplynou: říše, — ne pohanská, bezbožná, ale křesťanská, která vidí ideál svého zákonodárství v zákoně evangelia; nauka, — která není pohanská, která nebrojí proti víře, ale nauka, která vyhledává víru, jako sama víra jde a vede k světlu poznání. Však

нія. Но не доста́ло бы намъ вре́мени исчисля́ть всѣ сто́роны жи́зни человѣчества, долженству́ющія проника́ться ду́хомъ вѣ́ры, имѣ́ющей всё прони́кнуть и всё обнови́ть и обновлённому дать жизнь неувяда́ющую.

Св. Кири́ллъ есть вели́кій носи́тель жи́зни вѣ́ры; и́мя его́ само́ по себѣ́ есть то́лько си́мволъ. Посему́ славя́нскому самосозна́нію и едине́нію въ бу́дущемъ предлежи́тъ взойти́ на вы́сшую и послѣ́днюю ступе́нь, отъ си́мвола, отъ зна́мени — къ знамену́емому. И тогда́ и́стинно наста́нетъ для него́ вре́мя благопрія́тно и возсія́етъ день спасе́нія.

Не вдругъ обнару́живается то, что госпо́дственно управля́етъ подвига́ющимся разви́тіемъ жи́зни наро́довъ въ ка́чествѣ таи́нственнаго образова́тельнаго и соверши́тельнаго нача́ла; и́ли ина́че и про́ще — не вдругъ открыва́ются пути́ ца́рства Бо́жія. Но ны́нѣ не дово́льно ли я́сно у́же проявля́ется имѣ́ющимъ о́чи ви́дѣти, что госпо́дственное нача́ло есть и бу́детъ свято́е Правосла́віе? что просвѣще́ніе, не осно́ванное на вѣ́рѣ, не мо́жетъ и, ка́жется, сознаётъ своё безси́ліе — благоустро́ить жизнь наро́довъ? что просвѣще́ніе жела́ющее, но не могу́щее устро́иться въ сою́зъ съ вѣ́рованіемъ, потому́ сего́ не мо́жетъ, что не зна́етъ и́стинной вѣ́ры? что хотя́ немно́гіе, но уви́дѣвшіе наконе́цъ и́стинный свѣ́тъ съ Восто́ка, и́дутъ къ сему́ свѣ́ту отъ За́пада и, мо́жетъ быть, приведу́тъ съ собо́ю мно́гихъ? Сей свѣтъ есть свѣтъ правосла́вной Вѣ́ры. Ей, бра́тія, прибли́жися ца́рствіе Бо́жіе. Поревну́емъ о на́шемъ сокро́вищѣ, кото́рымъ мы бога́ты, кото́рымъ мо́жемъ обогати́ть и други́хъ, и кото́рымъ мы са́ми — едва́ли всѣ — дорожи́мъ какъ до́лжно, наслѣ́дова́въ его́ безъ труда́ отъ вели́кихъ отцо́въ и первоучи́телей на́шихъ. Помина́йте наста́вники ва́ша, подража́йте вѣ́рѣ ихъ.

Вы же, св. наста́вники и отцы́ на́ши, св. Кири́ллъ ку́пно съ блаже́ннымъ Меѳо́діемъ, въ земно́мъ житіи́ ва́шемъ ви́димо бо́дрствова́вшіе о душа́хъ отцёвъ на́шихъ, и въ небе́сномъ ва́шемъ житіи́ не престава́йте при́сно бо́дрствовать надъ на́шими душа́ми, неви́димою си́лой ва́шихъ моли́твъ, направля́я насъ въ ду́хѣ ва́шей вѣ́ры, и возраща́я и укрѣпля́я вѣ́ру въ насъ, и́стинную вѣ́ру, имѣ́ющую обѣтова́ніе живота́ настоя́щаго и гряду́щаго. Ами́нь.

nestačil by nám čas, abysme vypočítávali všecky stránky života člověčenstva, ježto mají býti proniknuty duchem víry, která má všecko proniknouti a všecko obnoviti a obnovenému dáti život nevadnoucí.

Sv. Cyrill jest veliký nositel života víry; jmeno jeho samo o sobě jest toliko symbol. Proto slovanskému uvědomění a sjednocení v budoucnosti nastává vystoupiti na vyšší a poslední stupeň, od symbolu, od znaku — k naznačenému. A tehdáž vskutku nastane jemu čas příznivý a zastkví se den spásy.

Znenáhla objevuje se to, co velitelsky řídí postupný rozvoj života národů jako tajuplný vzdělavací a dovršující základ; aneb jináče a prostěji — znenáhla zjevují se cesty království božího. Ale neobjevuje-li se již dosti patrně nyní těm, kteří mají oči, by viděli, že základ panující jest a bude svaté pravoslaví? že osvěta, která se nezakládá na víře, nemůže, i zdá se, že seznává své bezsilí — dobře uspořádati života národů? že osvěta, jež si přeje, ale nemůže uspořádati se ve spolku s vírou, proto toho nemůže, že nezná pravé víry? že ti, kteří uviděli konečně pravé světlo z východu, byť to byli i nemnozí, jdou k tomuto světlu od západu, a možná, že přivedou s sebou mnohé. Toto světlo jest světlo pravoslavné víry. Aj bratří, přibližuje se království boží. Pečujme o náš poklad, kterým my bohati jsme, kterým můžeme obohatiti i ostatní, a který my sami — sotva všickni — ceníme, jak bysme měli, zdědivše jej bez namáhání od velikých otců a prvoučitelů našich. Vzpomínejte na vůdce své, následujte je u víře.

Vy pak, sv. vůdcové a otcové naši, sv. Cyrille zároveň s blahoslaveným Methodějem, kteří jste v zemském životě svém patrně pečovali o duše otců našich, i v nebeském svém životě nepřestávejte stále pečovati o naše duše neviditelnou silou svých modliteb, řídíce nás v duchu své víry a rozšiřujíce a utvrzujíce víru v nás, která má přislíbený život přítomný a budoucí. Amen.

III.

СЛÓВО
ВЪ ДЕНЬ ТЫСЯЧЕЛѢТНЕЙ ПÁМЯТИ СВ. КИРИ́ЛЛА, ПРОСВѢТИ́ТЕЛЯ СЛАВЯ́НСКАГО,

произнесённое въ цéркви Александровскаго воéннаго учи́лища священникомъ *А. М. Ивáнцовымъ-Платóновымъ.*

Ны́нѣшній день мы воспоминáемъ тысячелѣ́тнюю пáмять св. равноапóстольнаго Кири́лла, котóрый, вмѣ́стѣ съ свои́мъ брáтомъ св. Меѳóдіемъ, просвѣти́лъ христіáнскою вѣ́рою родъ славя́нскій, далъ Славя́намъ соотвѣ́тствующую свóйствамъ ихъ языкá грáмоту, котóрою пи́шутся нáши кни́ги, перевёлъ на роднóй нашъ язы́къ священныя кни́ги, по котóрымъ изучáется Слóво Бóжіе и совершáется божéственная слýжба во всёмъ православно-славя́нскомъ мíрѣ́ отъ странъ Задунáйскихъ до Ледови́таго мóря, и отъ берегóвъ Адріати́ческаго мóря до отдалéннѣ́йшихъ предѣ́ловъ сѣ́веро-востóчной Áзіи, кудá по благословéнію Бóжію распространи́лись славя́нскія поселéнія рýсскаго цáрства. Неизмѣ́ри́мо высóкъ пóдвигъ и широкá заслýга, совершённые для мíра славя́нскаго святы́ми солýнскими брáтьями. Ты́сячу лѣ́тъ мíръ славя́нскій живётъ плодáми духóвной дѣ́ятельности свв. Кири́лла и Меѳóдія, и скóлько ещё въ бýдущемъ Госпóдь дастъ Славя́намъ возрасти́ть прекрáсныхъ плодóвъ изъ тѣ́хъ неизсякáемо плодотвóрныхъ и живы́хъ сѣ́мёнъ духóвнаго разви́тія, котóрыя посѣ́яны въ славя́нскомъ мíрѣ́ св. солýнскими брáтьями. Поистинѣ́ достóйно и прáведно намъ съ благоговѣ́ніемъ воспоминáть святы́я именá и вели́кій пóдвигъ нáшихъ просвѣти́телей, и, углубля́ясь живóю мы́слью въ отдалéннѣ́йшія судьбы́ минýвшей истóріи нáшего рóда, износи́ть для себя́ свѣ́тъ и си́лу для достóйнаго выполнéнія своегó призвáнія въ бýдущемъ.

III.

ŘEČ

proslovená v den tisícileté památky sv. CYRILLA, osvětitele slovanského,

v chrámu Alexandrovském *A. M. Ivancovým-Platonovým*, knězem ústavu vojenského.

Dnešního dne připomínáme si tisíciletou památku sv. rovnoapoštolského Cyrilla, jenž spolu s bratrem svým, sv. Methodějem, osvítil vírou křesťanskou plémě slovanské, dal Slovanům přiměřené zvláštnostem jich jazyka písmo, jímž píšou se naše knihy, přeložil na rodný jazyk náš knihy posvátné, dle kterýchž vyučuje se slovu božímu a vykonává se bohoslužba v celém pravoslavném světě slovanském od krajin zadunajských až k moři ledovému, a od břehův moře adriatického k nejvzdálenějším končinám severovýchodní Asie, kam rozšířily se z milosti boží slovanské osady císařství ruského. Nesměrně vznešený jest čin a obšírná jest zásluha, ježto si dobyli o svět slovanský svatí bratří solunští. Po tisíc let svět slovanský žije ovocem duchovní činnosti sv. Cyrilla i Methoděje, a kolik překrásných plodův dá ještě v budoucnosti Hospodin Slovanům odchovati z těch nekonečně plodonosných a živých semen vývoje duchovního, jež jsou zaseta v slovanském světě od svatých bratří solunských. V pravdě chvalno i slušno nám s úctou připomínati si svatá jmena i veliké dílo našich osvětitelův a pohřižujíce se živou myslí do nejvzdálenějších osudův minulých dějin plemene našeho, vynášeti pro sebe světlo a sílu k důstojnému vyplnění povolání svého v budoucnosti.

О чёмъ мы бу́демъ проси́ть Го́спода, собра́вшись въ храмъ Бо́жій въ знамена́тельный день тысячеле́тней па́мяти свята́го просвѣти́теля на́шего? Въ душѣ ка́ждаго и́стиннаго Славяни́на, кото́рый чу́вствуетъ себя́ родны́мъ сы́номъ своего́ пле́мени и созна́тельно отно́сится къ проше́дшимъ и бу́дущимъ судьба́мъ его́, — въ э́тотъ знамена́тельный день должно́ пробуди́ться мно́го мы́слей, чувствъ, жела́ній и наде́ждъ — живы́хъ, зако́нныхъ, пра́ведныхъ и чи́стыхъ, исходя́щихъ не изъ ме́лкихъ побужде́ній ли́чнаго эгои́зма, а изъ широ́каго исто́чника бра́тской любви́, кото́рыя не то́лько безъ вся́каго смуще́нія мо́жно откры́ть предъ взыска́тельнымъ судо́мъ человѣ́ческимъ, но и съ горя́чею моли́твой досто́йно пове́ргнуть предъ алтарёмъ пра́вды и любви́ Боже́ственной.

Пре́жде всего́ благовре́менно намъ проси́ть Го́спода о томъ, что́бы свята́я вѣ́ра христіа́нская, распростране́нію кото́рой посвящена́ была́ вся жизнь св. Кири́лла и его́ бра́та, не перестава́ла распространя́ться во всѣхъ конца́хъ мі́ра, ещё не озарённыхъ свѣ́томъ Ева́нгелія, осо́бенно же въ предѣ́лахъ на́шего обши́рнаго оте́чества, въ кото́ромъ, среди́ си́льнаго наро́да, почти́ у́же ты́сячу лѣтъ просвѣщённаго христіа́нствомъ, всё ещё остаётся нѣ́сколько ме́лкихъ племёнъ, не зна́ющихъ Христо́вой и́стины. Да не преста́нетъ благода́ть Бо́жія во свято́й свое́й це́ркви воздвига́ть люде́й подо́бныхъ св. солу́нскимъ бра́тьямъ, си́льныхъ ре́вностію о распростране́ніи и́стины, гото́выхъ жизнь свою́ самоотве́рженно посвяща́ть просвѣще́нію заблужда́ющихся, и да дастъ Госпо́дь, что́бы ихъ вели́кіе по́двиги возбужда́ли къ себѣ́ сочу́вствіе и дѣ́ятельную по́мощь во всёмъ христіа́нскомъ о́бществѣ, да́бы при о́бщихъ уси́ліяхъ христіа́нскаго бра́тства не остава́лось въ мі́рѣ ни одна́го тёмнаго угла́, не озарённаго сла́вою Креста́ Христо́ва. Наипа́че же бу́демъ проси́ть Го́спода, что́бы свята́я христіа́нская вѣ́ра, распространя́ясь въ мі́рѣ, не по и́мени то́лько была́ принима́ема коснѣ́ющими въ невѣ́жествѣ, лжи и ра́бствѣ наро́дами, а и на са́момъ дѣ́лѣ была́ для нихъ глубоча́йшимъ нача́ломъ просвѣще́нія, пра́вды и свобо́ды; что́бы не и́менемъ то́лько христіа́нскій міръ предъ нехристіа́нскимъ свидѣ́тельствовалъ и́стину своего́ исповѣ́данія, а и все́ю свое́ю жи́знью, высото́ю

Zač budeme prositi Hospodina, shromáždivše se do chrámu Páně v významný den tisícileté památky svatého osvětitele našeho? V duši každého pravého Slovana, jenž cítí se býti rodným synem svého plemene a jenž s vědomím všímá si minulých i budoucích jeho osudův — musí se probuditi v tento významný den mnoho myšlének, citův, přání i nadějí — živých, zákonitých, spravedlivých a čistých, vycházejících ne z malicherných pobůdek osobního sobectví, nýbrž z obsáhlého zdroje lásky bratrské, jež možno netoliko bez všelikých rozpakův vyjeviti před nalehavým soudem lidským, než i s vroucí modlitbou důstojně předložiti před oltářem pravdy i lásky božské.

Především v době příhodné máme prositi Hospodina za to, aby svatá víra křesťanská, jejímuž rozšíření zasvěcen byl celý život sv. Cyrilla a jeho bratra, nepřestávala rozšiřovati se po všech končinách světa, neozářených ještě světlem evangelia, zvláště pak v končinách naší rozlehlé vlasti, v níž uprostřed silného národa, téměř již tisíc let osvíceného křesťanstvím, vždy ještě ostává několik nepatrných kmenův neznajících pravdy Kristovy. Kéž by milosť boží nepřestávala ve svaté církvi své povznášeti muže podobné svatým bratřím solunským, silné horlivostí pro rozšíření pravdy, ochotné život svůj obětovně věnovati osvícení bloudících, a kéž dá Pán, aby vznešení jejich skutkové vzbuzovali k sobě soucit a vydatnou podporu ve veškerém obecenstvu křesťanském, aby při společném úsilí křesťanského bratrství neostávalo na světě ani jediného temného úhlu, neozářeného slávou kříže Kristova. Obzvláště pak prositi budeme Pána, aby svatá víra křesťanská, rozšiřujíc se po světě, nebyla toliko dle jmena přijímána národy v nevědomosti, lži a porobě zatvrzelými, ale aby skutečně byla pro ně nejhlubším základem osvěty, pravdy a svobody; aby svět křesťanský nejen j m é n e m vydával svědectví pravdě svého vyznání před světem nekřesťanským, nýbrž i celým životem svým, vznešeností a sva-

и свя́тостью всѣхъ ея́ нача́лъ — семе́йныхъ, обще́ственныхъ, госуда́рственныхъ, — чтобы не въ хра́мѣ то́лько Бо́жіемъ христіа́не явля́лись слу́шателями зако́на Бо́жія, а и на всѣхъ путя́хъ жи́зни — въ семьѣ́, въ шко́лѣ, въ судѣ́, во всѣхъ взаи́мныхъ обще́ственныхъ отноше́ніяхъ бы́ли его́ че́стными и усе́рдными исполни́телями. Такъ разумѣ́ли зада́чу свое́й вели́кой пропо́вѣднической дѣ́ятельности св. солу́нскіе бра́тья. Про́повѣдь христіа́нская для всѣхъ наро́довъ, къ кото́рымъ оні́ приходи́ли съ не́ю, была́ призы́вомъ къ просвѣще́нію, бра́тству, пра́вдѣ, свобо́дѣ и вся́кому нра́вственному преуспѣя́нію.

Пе́рвымъ же ору́діемъ къ просвѣще́нію и нра́вственному разви́тію невѣ́жественныхъ и гру́быхъ наро́довъ бы́ло у св. солу́нскихъ бра́тьевъ свято́е сло́во боже́ственнаго Писа́нія; по-э́тому оні́ пре́жде всего́ и бо́лѣе всего́ стара́лись о томъ, что́бы Сло́во Бо́жіе бы́ло поня́тнымъ, бли́зкимъ и родны́мъ для наро́довъ, къ кото́рымъ оні́ приходи́ли пропо́вѣдывать христіа́нство. Дай Богъ, что́бы Сло́во Бо́жіе остава́лось всегда́ пе́рвымъ нача́ломъ просвѣще́нія и нра́вственнаго разви́тія для христіа́нскихъ наро́довъ. Осо́бенно бу́демъ жела́ть и проси́ть э́того для сами́хъ себя́ и милліо́новъ свои́хъ соотече́ственниковъ — для наро́да ру́сскаго, кото́рый въ настоя́щую эпо́ху знамена́тельно призыва́ется къ вы́сшему просвѣще́нію и самостоя́тельной жи́зни. Дай Богъ всѣмъ на́шимъ просвѣти́телямъ твёрдо и единоду́шно идти́ тѣмъ испы́таннымъ и опра́варданнымъ путёмъ, кото́рымъ шли св. солу́нскіе просвѣти́тели, — что́бы оні́ пре́жде всего́ на Сло́вѣ Бо́жіемъ утвержда́ли успѣхъ просвѣти́тельно-наро́дной дѣ́ятельности и для э́того бо́лѣе всего́ стара́лись бы о томъ, что́бы Сло́во Бо́жіе бы́ло поня́тнымъ, бли́зкимъ и родны́мъ для наро́да . . . . Дай Богъ, что́бы свято́е сло́во Писа́нія, по примѣ́ру св. Кири́лла, бы́ло ре́вностно переводи́мо на всѣ́ язы́ки́ и распространя́емо у всѣхъ наро́довъ, что́бы ка́ждое племя́ могло́ познава́ть и прославля́ть прему́дрость Бо́жію на родно́мъ язы́кѣ, что́бы ка́ждая семья́ имѣ́ла у себя́ свято́е Писа́ніе завѣ́томъ жи́зни, что́бы ка́ждый христіа́нинъ находи́лъ въ нёмъ исто́чникъ наставле́нія, утѣше́нія, подкрѣпле́нія, возбужде́нія на вся́кое до́брое дѣ́ло.

tostí všech jeho zásad, — rodinných, společenských, státních — aby ne pouze v chrámu Páně byli křesťané poslušni zákona božího, nýbrž i na všech cestách života — v rodině, ve škole, v soudě, ve všech vzájemných poměrech společenských, byli jeho poctivými a horlivými plniteli. Tak rozuměli úloze svého vznešeného hlasatelského působení sv. bratří soluňští. Kázaní křesťanské pro všecky národy, k nimž oni s ním přicházeli, bylo voláním k osvětě, bratrství, pravdě, svobodě i všelikému zdaru mravnímu.

Prvým pak nástrojem k osvícení i mravnému vývoji nevědomých a hrubých národův bylo u sv. bratří soluňských posvátné slovo písma svatého; pročež přede vším a nejvíce pečovali o to, aby slovo boží bylo srozumitelným, blízkým a příbuzným národům, k nimž přicházeli hlásat křesťanství. Dejž Bůh, aby slovo boží zůstávalo vždy prvním počátkem osvěty a mravního rozvoje pro národy křesťanské. Zvláště žádejme a prosme za to pro sebe samy a milliony svých krajanův — pro národ ruský, jenž v nynější době významně se povolává k vyšší osvětě a samostatnému životu. Dej Bože, ať všickni naši osvětitelé pevně a jednomyslně kráčejí tou cestou proskoumanou a ospravedlněnou, kterou kráčeli sv. soluňští osvětitelé, — aby přede vším na slovu božím upevňovali zdar svého osvíceného národního působení, a proto nejvíce pečovali o to, aby slovo boží bylo srozumitelným, blízkým a příbuzným národu. Dejž Bůh, aby posvátné slovo písma dle příkladu sv. Cyrilla, bylo horlivě překládáno na všecky jazyky a rozšiřováno u všech národův, aby každé plémě mohlo poznávati a oslavovati moudrost boží v rodném jazyku, aby každá rodina chovala u sebe písmo svaté co odkaz života, aby každý křesťan nacházel v něm pramen poučení, útěchy, posily, povzbuzení k všelikému dobrému skutku.

Пле́мя славя́нское св. Кири́ллъ съ свои́мъ приснопа́мятнымъ бра́томъ избра́ли предме́томъ своего́ осо́беннаго духо́внаго попече́нія, и благода́тно усынови́ли себѣ́, нра́вственно возроди́въ его́ сло́вомъ благовѣствова́нія. Да пребу́детъ надъ на́шимъ пле́менемъ благослове́ніе Бо́жіе отны́нѣ и до вѣ́ка. Дай Богъ пле́мени, сла́вному по и́мени, быть сла́внымъ на дѣ́лѣ, рости́, крѣ́пнуть, развива́ться и объединя́ться — не въ страхъ, не въ отмще́ніе и угнете́ніе други́мъ племена́мъ, хотя́ и мно́го сдѣ́лавшимъ зла ро́ду славя́нскому, но на ра́дость и сча́стіе всему́ человѣ́честву, — что́бы бы́ло на́ше родно́е пле́мя и́збраннымъ о́рганомъ Бо́жія промышле́нія о судьба́хъ человѣ́чества, о́рганомъ разу́мности, пра́вды и любви́, что́бы яви́лись въ немъ мі́ру еще́ не я́вленныя сокро́вища и си́лы человѣ́ческаго ду́ха, просвѣщённаго Боже́ственнымъ ра́зумомъ — на ра́дость, сча́стіе и нра́вственное преуспѣ́яніе всему́ ро́ду человѣ́ческому.

Дай Богъ, что́бы росла́ и крѣ́пла въ славя́нскомъ ро́дѣ приве́рженность ко свято́й Правосла́вной Це́ркви, кото́рую Славя́не, подъ руково́дствомъ свои́хъ пе́рвыхъ просвѣти́телей, искони́ полюби́ли въ ея́ вѣ́рованіяхъ, въ ея́ обря́дахъ, въ ея́ ду́хѣ и ма́терински попечи́тельныхъ отноше́ніяхъ къ свои́мъ ча́дамъ. Приве́рженность къ Правосла́вію, насаждённому у Славя́нъ св. солу́нскими бра́тьями, сохранена́ бо́льшею ча́стью племёнъ славя́нскихъ среди́ са́мыхъ тяжёлыхъ испыта́ній и опа́сныхъ прельще́ній, и е́ю въ свою́ о́чередь нерѣ́дко спаса́лась самобы́тность э́тихъ племёнъ отъ гнёта тя́жкихъ испыта́ній и опа́сностей. Но мно́гіе изъ единокро́вныхъ намъ бра́тьевъ славя́нскаго ро́да, по несча́стнымъ истори́ческимъ обстоя́тельствамъ, наси́ліями и хи́тростями людски́ми, мо́жетъ быть, не безъ нра́вственной вины́ и со стороны́ ихъ сами́хъ, отто́ргнуты отъ правосла́вной це́ркви къ неправосла́внымъ вѣ́рованіямъ и обря́дамъ, отъ родно́го, единопле́меннаго Восто́ка къ чужепле́менному За́паду, — и вмѣ́стѣ съ чистото́ю вѣ́ры утра́тили они́ чистоту́ наро́днаго бы́та и языка́, потеря́ли въ ины́хъ мѣста́хъ и са́мое родово́е и́мя своего́ пле́мени, лиши́лись свяще́ннѣйшаго пра́ва моли́ться Бо́гу и восхваля́ть Бо́га на родно́мъ языкѣ́, согла́сно свои́ми единокро́вными бра́тьями, по тѣмъ свяще́ннымъ кни-

Sv. Cyrill se svým věčně památným bratrem zvolili si plémě slovanské za předmět své zvláštní duchovní péče a ujali se ho dobrotivě, mravně ho znovu zrodivše hlásáním slova božího. Nechť na našem plemeni spočívá požehnání boží od nynějška až na věky. Dejž Bůh plemeni, slavnému dle jmena, být slavným i v skutečnosti, množiti se, síliti se, vyvinovati a sjednocovati se ne na postrach ani ku pomstě a k podmanění druhých plemen, ač tato mnoho zla učinila rodu slovanskému, ale k radosti a štěstí veškerému člověčenstvu — aby naše rodné plémě bylo vyvoleným nástrojem božské prozřetelnosti pro osudy člověčenstva, nositelem rozumnosti, pravdy a lásky, aby se v něm objevily světu dosud nevídané poklady a síly lidského ducha, osvíceného božským rozumem — k radosti, štěstí a mravnímu pokroku veškerého pokolení lidského.

Dejž Bůh, aby se množila a sílila v rodě slovanském oddanost k svaté pravoslavné církvi, kterou Slované pod vedením svých prvních osvětitelů od prvopočátku si zamilovali i pro její články víry, pro její obřady, pro ducha jejího a pro mateřskou pečlivost k svým dětem. Oddanost k víře pravoslavné, vštípená Slovanům sv. bratry soluňskými, zachována jest u větší části plemen slovanských v nejtěžších zkouškách i v nebezpečných pokušeních, a ona ze své strany zachránila nezřídka samostatnost těchto plemen od tíže těžkých utrpení a nebezpečí. Než mnozí ze stejnokrevných s námi bratrů rodu slovanského, za nešťastných historických okolností, násilím i zchytralostí lidskou, a možno že i ne bez mravní viny jich samých, odtrhnuti byli od pravoslavné církve k víře a obřadům nepravoslavným, od rodného, jedinoplemeného východu k cizímu západu — a s čistotou víry ztratili zároveň i čistotu života i jazyka národního, ztratili na některých místech i samé rodové jméno svého plemene, pozbyli svatého práva modliti se k Bohu i chváliti Boha v rodné řeči své, jako to činí pokrevní jich bratří podle oněch posvátných knih, které přinešeny jsou

гамъ, которыя принесены къ Славянамъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, по тѣмъ письменамъ, которыя завѣщали славянскому племени святые Кириллъ и Меѳодій. Будемъ просить Господа, чтобы всегда сохранялась и болѣе и болѣе укрѣплялась приверженность ко святой церкви въ тѣхъ племенахъ славянскихъ, которыя доселѣ оставались вѣрны ей; чтобы, охранённыя матернимъ попеченіемъ церкви во дни юности и въ годы тяжкихъ испытаній, онѣ не забыли свою мать въ лѣта возмужалости и при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ; чтобы не поколебали въ православно-славянскомъ мірѣ преданность Православію никакія новыя прельщенія, какъ не поколебали её прежнія испытанія; чтобы оставалась въ нёмъ всегда Православная Вѣра крѣпчайшею опорою народной самостоятельности и нравственнаго развитія; чтобы была въ немъ и чистая жизнь, соотвѣтствующая чистой вѣрѣ; чтобы святое имя Православія не хулилось, а прославлялось во всѣхъ народахъ, и прежде всего привлекало къ себѣ тѣхъ, которыхъ предки были когда-то ему родными чадами. Дай Богъ, чтобы наши братья по крови, бывшіе когда-то, но потомъ переставшіе быть, и братьями по вѣрѣ, возвратились къ святой Православной Церкви. Дай Богъ, чтобы болѣе и болѣе распространялось между ними сочувствіе къ Православію, залоги котораго всегда были и доселѣ остаются у нихъ, но стѣсняются и подавляются разными недоразумѣніями, непріязненными внушеніями, и неблагопріятными обстоятельствами. Пусть день тысячелѣтней памяти св. Кирилла нашимъ братьямъ — западнымъ Славянамъ (доселѣ свято чтущимъ память св. солунскихъ просвѣтителей, хотя и уклонившимся отъ ихъ преданій) живѣе напомнитъ, какую и откуда принесённую вѣру проповѣдывали имъ св. Кириллъ и Меѳодій, какіе обряды, какія священныя книги остались у нихъ послѣ св. солунскихъ братьевъ, — на какомъ языкѣ совершалась у нихъ первоначально божественная служба, и какія письмена изобрѣлъ св. Кириллъ для всего рода славянскаго. Пусть вспомнятъ наши западные братья, какими путями, какими мѣрами они были отторгнуты отъ православной церкви, отъ союза съ родственными православно-восточными племенами, чего они лишились съ утратою Православія, и что

k Slovanům svatými Cyrillem a Methodějem, podle těch písmen, které odkázali slovanskému plemeni svatí Cyrill a Methoděj. Budeme prositi Hospodina, aby se vždy udržovala a víc a více sesilovala náklonnost k svaté církvi v těch slovanských plemenech, která až dosud zůstala jí věrná; aby chráněna jsouce mateřskou péčí církve za dnů mladosti i v dobách těžkých zkoušek, nezapomněla na svou máť v letech mužných i za více šťastných okolností; aby nezviklala v pravoslavno-slovanském světě oddanosť k víře pravoslavné žádná nová pokušení, jako jí nezviklalo dřívější zkoušení; aby v něm vždy zůstala pravoslavná víra silnou oporou národní samostatnosti a mravního rozvoje; aby v něm byl život čistý, shodující se s čistou vírou; aby svaté jméno víry pravoslavné hanobeno nebylo, ale oslavováno bylo u všech národů a především vábilo k sobě všecky ty, jejichž předkové byli někdy jejími rodnými dětmi. Dejž Bůh, aby naši rodní bratři, byvše někdy, potom však přestavše býti bratry ve víře, navrátili se opět k svaté pravoslavné církvi. Dejž Bůh, aby víc a více šířil se mezi nimi soucit k pravoslaví, jehož zárodky vždycky byly a jsou až posud u nich, avšak stěsňují a potlačují se rozmanitým nedorozuměním, nepřátelskými vnuknutími a nepříznivými okolnostmi. Nech ať den tisícileté památky sv. Cyrilla bratřím našim — západním Slovanům (posud svatě ctícím památku sv. osvětitelův soluňských, ač uchýlili se od jejich podání) živěji připomene, jakou a odkud přinešenou víru hlásali jim sv. Cyrill a Methoděj, jaké obřady, jaké posvátné knihy zůstaly u nich po sv. bratřích soluňských, — v jakém jazyku konala se u nich původně bohoslužba, i jaká písmena vynalezl sv. Cyrill pro veškeren rod slovanský. Nechť připomenou sobě naši západní bratří, jakými cestami, jakými spůsoby byli odtrženi od církve pravoslavné, od svazku s příbuznými pravoslavnými kmeny východními, čeho pozbyli se ztrá-

дала имъ, какъ отнеслась къ нимъ та другая церковь, которая привлекла ихъ къ себѣ не проповѣдью чистой истины, а больше мѣрами насилія и обмана, и которая въ сущности всегда была для нихъ не матерью родною, а мачихою, питавшею и ласкавшею на ихъ счётъ другихъ своихъ болѣе любимыхъ искони родныхъ ей дѣтей. Пусть знаменательныя событія времени болѣе и болѣе воспламеняютъ въ нашихъ западныхъ братьяхъ желаніе — тѣснѣе соединиться съ православно-восточнымъ славянскимъ міромъ, имѣть съ нами одну вѣру, одну письменность, чтобы весь славянскій міръ былъ соединёнъ не одними естественными узами крови, которыя по времени могутъ слабѣть, но и высшими нравственными узами, которыя чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе крѣпнутъ, чтобы не оторваться навсегда нашимъ западнымъ братьямъ отъ родного корня, и не быть совершенно подавленными и поглощёнными въ средѣ чуждыхъ и непріязненныхъ народностей.

Вмѣстѣ съ твёрдостью и единствомъ вѣры, да даруетъ Господь роду славянскому болѣе счастливую участь въ жизни. Да благословитъ Господь Своею милостью православное русское царство — единственное въ славянскомъ мірѣ могущественное, обширное и вполнѣ самостоятельное государство. Дай Богъ ему рости, крѣпнуть и разцвѣтать внутреннимъ благоустроеніемъ, непрестаннымъ нравственнымъ совершенствованіемъ, — на радость и надежду другимъ племенамъ славянскимъ (ибо оно для нихъ въ цѣломъ мірѣ единственная прочная надежда), на славу и счастье всему человѣчеству, чтобы слава русскаго царства не столько устрашала и раздражала недруговъ и завистниковъ его обширностью и силою, но болѣе привлекала къ нему единоплеменныхъ братьевъ его благоустройствомъ и благосостояніемъ, правдою и братскою любовію; чтобы былъ русскій народъ не только самымъ многочисленнымъ и сильнымъ, но и самымъ разумнымъ, просвѣщённымъ, честнымъ, правдивымъ, нравственнымъ, благочестивымъ народомъ во всемъ Славянствѣ, во всемъ христіанскомъ мірѣ.

Да благословитъ Господь Своею милостью и тѣ славянскія племена, у которыхъ, послѣ долгаго угнетенія и непрестанной

tou pravoslaví, a co jim dala, kterak zachovala se k nim ta druhá církev, která je přivábila k sobě nikoli hlásáním čisté pravdy, nýbrž spíše prostředkem násilí i klamu, a která v podstatě vždycky byla pro ně ne mateří rodnou, ale macechou, chovavší a laskavší na jich účet jiné své více milované, od pradávna rodné jí děti. Nechať významné události času víc a více rozněcují v našich západních bratřích přání — úžeji spojiti se s pravoslavným východním světem slovanským, míti s námi jednu víru, jedno písemnictví, aby celý svět slovanský byl spojen ne toliko přirozenými svazky krve, jež časem mohou slábnouti, než i vyššími svazky mravními, jež čím déle, tím více se tuží, — aby neodervali se navždy naši západní bratří od rodného kořene, a nebyli úplně potlačeni a pohlceni u prostřed cizích a nepřátelských národností.

Zároveň s vytrvalostí a jednotou víry nechť udělí Pán rodu slovanskému šťastnější osud v životě. Nechť požehná Pán svou milostí pravoslavnému ruskému císařství, — jedinému v slovanském světě mohutnému, rozsáhlému a úplně samostatnému státu. Dej Bůh mu růsti, síliti se a rozkvétati vnitřním pořádkem, neustálým mravným zdokonalováním — k radosti a naději ostatním kmenům slovanským (neboť on jest pro ně v celém světě jediná pevná naděje), na slávu a štěstí veškerému člověčenstvu, aby sláva ruského císařství ne tak lekala a dráždila nepříznivce a závistníky svou rozsáhlostí a silou, nýbrž spíše táhla k němu soukmenné bratry jeho pořádkem a blahobytem, pravdou a láskou bratrskou; aby byl ruský národ nejen nejčetnějším a nejsilnějším, než i nejrozumnějším, nejosvícenějším, nejpoctivějším, nejspravedlivějším, nejmravnějším, nejpobožnějším národem v celém Slovanstvu, v celém světě křesťanském.

Nechť požehná Pán svou milostí i těm kmenům slovanským, u kterých, po dlouhém utlačení a neustálém nepokojném zápase

безпокойной борьбы съ врагами, только что начинаетъ показываться заря самостоятельной и спокойной политической жизни. Дай Богъ имъ рости, разцвѣтать и укрѣпляться, и да избавитъ ихъ Господь отъ всѣхъ ошибокъ, увлеченій и опасностей чрезмѣрной самонадѣянности и нравственнаго рабства, излишней горячности и преждевременнаго охлажденія, лѣнивой беззаботности и мелкой суетливости, тёмнаго суевѣрія и жалкаго слабовѣрія, которыя бываютъ такъ опасны и для отдѣльныхъ личностей, и для цѣлыхъ народовъ, начинающихъ жить самостоятельною жизнью. Не въ чувствѣ завистливаго эгоизма, а въ чувствѣ братской любви будемъ желать, чтобы не одно русское царство стояло и распространялось надъ всѣмъ славянскимъ міромъ, а чтобы возникали и разцвѣтали подлѣ него и другія дружественныя единоплеменныя государства на славу и укрѣпленіе всему славянскому роду.

Не забудемъ въ своихъ благожеланіяхъ и молитвахъ и тѣхъ несчастныхъ, многострадальныхъ, порабощённыхъ и забитыхъ братьевъ нашихъ, которые доселѣ не только не имѣютъ политической самостоятельности и свободы, но и остаются лишёнными самыхъ дорогихъ жизненныхъ благъ, самыхъ законныхъ человѣческихъ правъ, которые подвергаются поруганіямъ и посмѣяніямъ въ самыхъ священныхъ человѣческихъ чувствахъ, которые часто не могутъ быть спокойны за послѣднее достояніе своей трудовой собственности, за честь своей семьи, за неприкосновенность своей личности, чести и жизни, которыхъ нерѣдко заставляютъ стыдиться и отрекаться своего происхожденія, своего племени, своей исторіи, которымъ иногда запрещаютъ говорить своимъ языкомъ, исповѣдывать свою вѣру, свободно высказывать свои мысли, сочувствовать тому, къ чему сердце лежитъ, высказывать негодованіе противъ того, что угнетаетъ и оскорбляетъ. Намъ — живущимъ въ самостоятельномъ и крѣпкомъ государствѣ, пользующимся правами свободныхъ его гражданъ, трудно представить, какъ больно и тяжело цѣлымъ народамъ чувствовать себя лишёнными самыхъ законныхъ человѣческихъ правъ, оскорбляемыми и притѣсняемыми въ самыхъ священныхъ человѣческихъ чувствахъ. Облегчи, Господи, имиже вѣси судьбами, участь

s nepřáteli, teprve počíná ukazovati se záře samostatného a klidného politického života. Dejž Bůh jim růsti, vykvétati a tužiti se a nechť vysvobodí je Pán ode všech poklesků, uchvácení a nebezpečí nemírné sebedůvěry i mravního otroctví, přílišné horoucnosti i předčasného ochlazení, lenivé bezstarostnosti i malicherné ješitnosti, temné pověry i bídné nevěry, jež bývají tak nebezpečny i pro jednotlivé osobnosti i pro celé národy, počínající žíti samostatným životem. Nikoli v citu závistivého sobectví, ale v citu bratrské lásky přejme si, aby ne jediné císařství ruské stálo a šířilo se nad veškerým světem slovanským, než aby vznikaly a vzkvétaly vedle něho i jiné přátelské soukmenné státy ku slávě a sesílení celého kmene slovanského.

Nezapomeňme ve svých přáních a modlitbách i těch nešťastných, mnohotrpících, porobených i ubitých bratří našich, kteří posud nejen nemají politické samostatnosti a svobody, nýbrž zůstávají zbavenými nejdražších statků životních, nejzákonitějších práv lidských, kteří upadají v rouhání a posměch v nejsvětějších lidských citech, kteří často nemohou býti pokojni za poslední jmění pracného majetku, za česť své rodiny, za nedotknutelnosť své osoby, cti i života, kteří nezřídka nuceni jsou styděti se a odříkati se svého původu, svého plemene, svých dějin, jimž mnohdy zapovídají mluviti svým jazykem, vyznávati svou víru, svobodně vyslovovati své myšlénky, soucit míti s tím, k čemu srdce lne, vyjevovati nelibost proti tomu, co utlačuje a uráží. Nám — žijícím v samostatném a silném státě, požívajícím práv svobodných jeho občanův, nesnadno si představiti, jak bolno jest a těžko celým národům cítiti se zbavenými nejzákonitějších práv lidských, uráženými a utlačovanými v nejsvětějších lidských pocitech. Oblehči Pane, jenž znáš jich osudy, osud bratří našich, ostávajících pod jinorodným a jinověrným jařmem!

бра́тьевъ на́шихъ, остающихся подъ иноплеме́ннымъ и ино-ве́рнымъ игомъ!

Да подкрѣпи́тъ и да благослови́тъ Госпо́дь благоро́дныя и самоотве́рженныя уси́лія подви́жниковъ и ратобо́рцевъ славя́нской мы́сли и славя́нскаго дѣ́ла, въ осо́бенности тѣхъ, кото́рые въ страна́хъ непріязненныхъ, съ ма́лыми сре́дствами, съ опа́сностью за ли́чное благосостоя́ніе, при подозри́тельномъ надзо́рѣ инове́рной и иноплеме́нной вла́сти, нерѣ́дко и среди жа́лкихъ недоразумѣ́ній со стороны́ свои́хъ со́бственныхъ соотѐчественниковъ и единоплеме́нниковъ, твёрдою и че́стною руко́ю де́ржатъ зна́мя правосла́вія и славя́нской наро́дности, ука́зываютъ мíру славя́нскому его́ призва́ніе, объясня́ютъ ему́ знамена́тельныя судьбы́ его́ исто́ріи, собира́ютъ дорогíе па́мятники его́ пре́жней сла́вы, освѣща́ютъ предъ нимъ но́вые пути́ самостоя́тельнаго разви́тія. Дай Богъ племена́мъ славя́нскимъ бо́лѣе и бо́лѣе таки́хъ благоро́дныхъ и самоотве́рженныхъ тру́жениковъ и ратобо́рцевъ, гото́выхъ ду́шу свою́ полага́ть за бра́тьевъ свои́хъ и во сла́ву ро́да своего́, и да увѣнчава́ются уси́лія ихъ хоть наде́ждою на успѣ́хъ. Дай Богъ хотя́ бли́зкимъ пото́мкамъ ны́нѣшнихъ поколѣ́ній славя́нскихъ въ ра́дости пожа́ть плоды́ того́, что благоро́днѣйшимъ изъ ихъ пре́дковъ приходи́лось нерѣ́дко сѣ́ять слеза́ми.

Да удали́тъ Госпо́дь изъ среды́ племёнъ славя́нскихъ несча́стныя недоразумѣ́нія, несогла́сія и ра́спри, бы́вшія гла́вною причи́ною несча́стій славя́нскаго ро́да, дава́вшія по́водъ къ преоблада́нію надъ нимъ его́ не́другамъ и зави́стникамъ. Да не бу́детъ отны́нѣ въ ро́дѣ славя́нскомъ, что́бы одни́ племена́ превозноси́лись и расширя́лись на счётъ други́хъ единокро́вныхъ племёнъ, и́ли вступа́ли въ сою́зъ со врага́ми про́тивъ родны́хъ бра́тьевъ, и́ли иска́ли себѣ́ сочу́вствія и по́мощи бо́лѣе у наро́довъ чужеплеме́нныхъ, чѣмъ у единоплеме́нныхъ. Пусть бо́лѣе и бо́лѣе крѣ́пнетъ свята́я любо́вь и бра́тская взаи́мность ме́жду славя́нскими племена́ми, пусть ка́ждое изъ нихъ помога́етъ и слу́житъ други́мъ, чѣмъ мо́жетъ; — пусть съ го́да на годъ увели́чиваются сре́дства и слу́чаи взаи́мныхъ сообще́ній ме́жду Славя́нами во всѣ́хъ интере́сахъ жи́зни, осо́бенно же въ вы́сшихъ нра́вственныхъ интере́сахъ, какъ напр.

Nechť posilní a požehná Hospodin šlechetným a obětovným úsilím horlitelů a bojovníkův slovanské myšlénky a slovanské záležitosti, zvláště těch, ježto v krajinách nepřátelských, s malými prostředky, s nebezpečím za osobní blahobyt, při podezřívajícím dozoru jinověrné a jinorodné vlády, zhusta i u prostřed neblahých nedorozumění se strany svých vlastních krajanů a rodákův, pevnou i poctivou rukou drží prapor pravoslaví a národnosti slovanské, ukazují světu slovanskému jeho povolání, vysvětlují mu významné osudy jeho historie, sbírají drahé památky jeho někdejší slávy, osvěcují před ním nové cesty samostatného rozvoje. Dejž Bůh kmenům slovanským více a více takových šlechetných i obětavých pracovníkův a bojovníkův, ochotných duši svou položiti za bratry své a ku slávě rodu svého, a kéž korunují se úsilí jejich alespoň nadějí v úspěch. Dejž Bůh alespoň blízkým potomkům nynějších pokolení slovanských v radosti skliditi plody toho, co nejšlechetnějším z jich předkův udávalo se zhusta síti slzami.

Kéž odstraní Pán ze středu kmenův slovanských neblahá nedorozumění, nesvornosti a různice, byvší hlavním původem neštěstí rodu slovanského, zavdávavší příčinu k převaze nad ním jeho nepříznivcům a závistníkům. Kéž nebude od nynějška v rodu slovanském toho, aby jedni kmenové vynášeli a šířili se na účet ostatních soukrevných plemen, aneb vstupovali v spolek s nepřátely proti rodným bratřím, aneb vyhledávali sobě soucitu a pomoci více u národův cizokmenných, než u soukmenných. Nechť více a více tuží se svatá láska a bratrská vzájemnost mezi plemeny slovanskými, nechť každé z nich pomáhá a slouží ostatním, čím může — nechť rok od roku zvětšují se prostředky a příležitosti vzájemných stykův mezi Slovany ve všech zájmech života, zvláště pak v nejvyšších mrav-

въ интересѣ вѣры, науки, литературной дѣятельности, братскаго вспомоществованія и т. д.

Да утвердитъ Господь и между другими племенами и народами, преимущественно же призывающими и исповѣдующими имя Христово, справедливость и сочувствіе къ роду славянскому. Да престанутъ въ христіанскомъ мірѣ возбужденія и волненія дурныхъ страстей, племенныя недоразумѣнія и неприязни, соперничества и превозношенія, зависть и ненависть, коварства и жестокости. Да воцарится во всёмъ христіанскомъ мірѣ единый законъ, отъ самаго начала возвѣстившій всѣмъ призываемымъ къ спасенію во Христѣ, что во Христѣ Іисусѣ нѣсть еллинъ и іудей, варваръ и скиѳъ, рабъ и свободь, но всяческая и во всѣхъ Христосъ, — и да будетъ выну слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе. Аминь.

ních zájmech, jakož na př. v zájmu víry, nauky, literární činnosti, bratrského napomáhání atd.

Kéž utvrdí Hospodin i mezi ostatními plemeny a národy zvláště pak vzývajícími a vyznávajícími jméno Kristovo, spravedlivost a soucit k rodu slovanskému. Kéž přestanou v světě křesťanském jitření a bouření špatných vášní, kmenová nedorozumění a nepřízně, sočení a vynášení se, závisť a nenávisť, úskoky i krutosti. Kéž zavládne v celém světě křesťanském jediný zákon od samého počátku zvěstovavší všem povolávaným k spasení v Kristu, že v Kristu Ježíši není Řek a Žid, cizozemec a Skytha, služebník a svobodný, ale všecko a ve všech Kristus, — a nechť bude vždy sláva na výsostech Bohu a na zemi pokoj, v lidech dobrá vůle. Amen.

IV.

СЛО́ВО
на 14-е февраля́ 1869 г.,

произнесённое въ це́ркви моско́вскаго Воспита́тельнаго До́ма свяще́нникомъ *Н. К. Протопо́повымъ.*

Помина́йте наста́вники ва́ши, и́же глаго́лаша вамъ Сло́во Бо́жіе: подража́йте вѣ́рѣ ихъ (Евр. XIII, 7).

Настоя́щимъ моли́твеннымъ собра́ніемъ на́шимъ въ хра́мѣ мы че́ствуемъ па́мять вели́кихъ первоучи́телей и просвѣти́телей славя́нскихъ, св. равноапо́стольныхъ Кири́лла и Меѳо́дія. И́бо, нынѣ́, въ э́тотъ са́мый день, ты́сячу лѣ́тъ тому́ наза́дъ, почи́лъ отъ трудо́въ свои́хъ пе́рвый изъ сихъ богому́дрыхъ муже́й — бра́тьевъ по пло́ти и по ду́ху, св. Кири́ллъ, подо́бно апо́столамъ, подвиза́вшійся въ жи́зни, и подо́бно имъ, посвяти́вшій жизнь свою́ христіа́нскому на родно́мъ языкѣ́ просвѣще́нію!

Дорога́ и сугу́бо-свяще́нна для насъ, Ру́сскихъ, па́мять сихъ отцёвъ и учи́телей! Не всѣ́ ли мы зна́емъ, ещё изъ са́мыхъ уро́ковъ дѣ́тства, что вы́шедшіе изъ Гре́ціи въ 858 году́ св. бра́тья, Кири́ллъ и Меѳо́дій, пе́рвые изобрѣли́ славя́нскія письмена́ для на́шихъ пре́дковъ — Славя́нъ, — пе́рвые переложи́ли для нихъ на родно́й, славя́нскій язы́къ свяще́нныя и богослуже́бныя кни́ги? Но э́то столь удалённое отъ насъ и вре́менемъ и собы́тіями дѣ́ло — какъ оно́ бли́зко намъ! И́бо какі́е неизчи́слимые плоды́ принесло́ оно́ намъ въ проше́дшемъ, — и что́ ещё мо́жетъ принести́ въ бу́дущемъ!

Всмотри́тесь въ жизнь дитя́ти въ ту по́ру, когда́ оно́ ма́ло-по-ма́лу навыка́етъ чита́ть и проразумѣва́ть родны́я для него́ письмена́: кака́я съ нимъ перемѣ́на! Его́ взоръ загора́ется

IV.

ŘEČ

na den 14/26. února 1869 r.

proslovená v chrámě moskevského vychovacího ústavu knězem

N. K. Protopopovým.

Zpomínejte na vůdce své, kteříž vám mluvili slovo boží: následujtež jejich víry (Žid. XIII, 7).

Dnešním modlitebným shromážděním naším v chrámě ctíme památku velikých prvoučitelův a osvětitelův slovanských, sv. rovnoapoštolských Cyrilla a Methoděje. Neboť nyní, v tento samý den, před tisíci lety odpočinul od prací svých první z těchto bohomoudrých mužův — bratří to tělem i duchem, sv. Cyrill podobně apoštolům, kteří pracovali v životě a jak oni posvětil život svůj křesťanské osvětě na rodném jazyku.

Drahá i dvojnásob posvátná jest pro nás Rusy památka těchto otcův a učitelův! Či nevíme my všichni, již ze samých poučení dětství, že vyšedší z Řecka r. 858 sv. bratří Cyrill a Methoděj první vynalezli písmena slovanská pro naše předky Slovany, — první přeložili pro ně na jejich rodný, slovanský jazyk posvátné i bohoslužné knihy? Avšak tento, tak vzdálený od nás i časem, i událostmi, čin — jak blízký jest nás! Neboť jaké nesčíslné plody přinesl on nám v minulosti — a což ještě může přinésti v budoucnosti!

Pozorujte život dítěte v té době, kdy poznenáhla přivyká čísti a rozuměti rodným jemu písmenům: jaká s ním pro-

жа́ждою зна́нія, — мысль получа́етъ нѣ́которую зрѣ́лость и сосредото́ченность, рѣ́чь дѣ́лается чи́ще и отчётливѣе, всё существо́ какъ бы духо́вно-просвѣтля́ется и соверше́нствуется. Не то́же ли са́мое должно́ происходи́ть и съ цѣ́лымъ наро́домъ, когда́ онъ въ пе́рвый разъ, и прито́мъ, въ ра́ннюю и лу́чшую по́ру жи́зни, прiе́млетъ пи́сьменность на родно́мъ, поня́тномъ ему́ языкѣ́? И вотъ пе́рвый вели́кій даръ на́шей ру́сской жи́зни отъ св. бра́тьевъ — изобрѣта́телей славя́нскихъ письмёнъ! Изобрѣ́тши сíи́ письмена́, они́ сдѣ́лали для насъ то́же, что дѣ́лаетъ для сы́на оте́цъ, когда́ начина́етъ терпѣли́во разбира́ть съ нимъ родну́ю гра́моту: они́ пе́рвые дарова́ли на́шимъ пре́дкамъ пи́сьменность на родно́мъ, поня́тномъ языкѣ́, — и тѣ́мъ положи́ли нача́ло разви́тію и ру́сской мы́сли и ру́сскаго сло́ва. Но не то́лько э́то . . . они́ сдѣ́лали для насъ бо́лѣе.

Вели́кое бла́го — гра́мотность для дитя́ти. Но та́же гра́мотность мо́жетъ стать для него́ и нема́лымъ зломъ, е́сли, возбуди́въ его́ любозна́тельность, не дастъ ему́ чи́стой, здоро́вой пи́щи. Сча́стливо то дитя́, кото́рое навыка́етъ чита́ть и проразумѣва́ть родны́я письмена́ по свяʹты́мъ учи́тельнымъ кни́гамъ. И́бо, въ э́томъ слу́чаѣ, съ ка́ждымъ сло́вомъ, кото́рое оно́ уразумѣва́етъ въ кни́гѣ, оно́ вбира́етъ въ себя́ сѣ́мена́ и́стины и добра́, и развива́ясь у́мственно, растётъ и соверше́нствуется нра́вственно. Стокра́тъ сча́стливъ и тотъ наро́дъ, на до́лю кото́раго вы́палъ жре́бій, вмѣ́стѣ съ пе́рвыми письмена́ми родно́го сло́ва, восприня́ть отъ свои́хъ учи́телей, на родно́мъ языкѣ́, и свято́е Богооткрове́нное Писа́ніе! И вотъ но́вое, неоцѣни́мое и неисчерпа́емое благодѣя́ніе намъ отъ вели́кихъ просвѣти́телей Славя́нства: предприня́въ трудъ составле́нія и установле́нія славя́нскихъ письмёнъ, для дарова́нія многочи́сленной семьѣ́ славя́нскихъ наро́довъ родно́й, поня́тной имъ пи́сьменности, — трудъ, облича́ющій въ соверши́теляхъ его́ тща́тельное изуче́ніе и му́дрое понима́ніе бы́та и языка́ тѣ́хъ наро́довъ, для бла́га кото́рыхъ они́ подвиза́лись, — они́ вмѣ́стѣ предпри́няли и соверши́ли друго́й, пои́стинѣ, свяще́нный трудъ, переложи́въ для тѣ́хъ же наро́довъ на и́хъ родно́й, славя́нскій язы́къ свяще́нныя и богослуже́бныя кни́ги. Такъ въ лицѣ́ на́шихъ пре́дковъ, они́ дарова́ли намъ не про́сто родну́ю пись-

měná! Jeho pohled rozněcuje se žízní poznání — myšlénka nabývá jakési zralosti a soustředěnosti, řeč stává se čistější a dokonalejší, celá podstata jakoby se duchovně osvěcovala a zdokonalovala. Nemusí-li totéž díti se i s celým národem, kdy on poprvé a při tom v časné a nejlepší době života přijímá písemnictví na rodném srozumitelném jemu jazyku? I toť jest prvý veliký dar našeho ruského života od sv. bratří — vynálezců písmen slovanských! Vynalezše tato písmena — oni učinili pro nás totéž, co dělá pro syna otec, kdy počíná trpělivě rozbírati s ním rodné písmo: oni první udělili našim předkům písemnictví na rodném srozumitelném jazyku — i tím položili základ rozvoji jak ruské myšlénky, tak i ruského slova. Ne jenom však toto — oni učinili pro nás více.

Veliké blaho pro dítě jest písemnost. Avšak tatáž písemnost může státi se pro ně i nemalým zlem, pakli, vzbudivši jeho zvědychtivost nedá mu čisté zdravé potravy. Šťastné jest to dítě, jež přivyká čísti a chápati rodná písmena ze svatých poučných knih. Neboť v tomto případě s každým slovem, jež chápe v knize, přijímá do sebe semeno pravdy i dobra, a vyvinujíc se rozumně, roste a zdokonaluje se mravně. Stokráte šťasten i ten národ, kterému za podíl bylo souzeno zároveň s prvými písmeny rodného slova přijmouti od svých učitelův v rodném jazyku i svaté písmo Bohem zjevené! I ejhle nové, neocenitelné a nevyčerpatelné dobrodiní prokázané nám od velkých osvětitelův Slovanstva: předsevzavše práci sestavení a ustanovení slovanských písmen, aby udělili četné rodině slovanských národův rodné, srozumitelné jim písemnictví — práci dokazující ve vykonavatelích její bedlivé poznávání a moudré pojímání života a jazyka těch národův, k jejichž blahu oni pracovali — oni zároveň podnikli a vykonali jinou, v pravdě posvátnou práci, přeloživše pro tyže národy na jich rodný slovanský jazyk posvátné a bohoslužebné knihy. Tak v osobě našich předkův oni darovali nám netoliko

менность, но письменность съ богооткровеннымъ содержаніемъ; а тѣмъ самымъ не только возбудили русскую мысль и дали начало русскому слову, — но ещё то и другое — и мысль и слово наше воспитали на святомъ, богооткровенномъ ученіи. Послѣ сего, кто они намъ? Они сугубо наши отцы и наставники, породившіе и воспитавшіе насъ, вмѣстѣ, для жизни духовной и вѣчной. Что видимъ мы на Руси въ ту свѣтлую зарю ея жизни — когда вмѣстѣ съ св. православною вѣрою, возсіявшею въ ней при Владимірѣ, водворилась въ ней и славянская письменность? Какъ вдругъ пробудилась русская мысль! Съ какимъ рвеніемъ устремились на изученіе этой родной имъ и, притомъ, святой письменности наши предки — всѣ отъ малаго до великаго! Книги свв. Кирилла и Меѳодія читались, списывались и переписывались — князьями и простыми людьми, духовными и міряпами. Устроились и умножились на Руси школы, нашлись и воспитались въ ней ревнители и вожди духовнаго просвѣщенія. Началась работа мысли, — а съ нею начало вырабатываться и слово — русское, мощное слово — въ памятникахъ церковнаго краснорѣчія, въ лѣтописныхъ сказаніяхъ о быломъ и современномъ.

А наряду съ этимъ движеніемъ мысли и какое искреннее благочестіе! Какъ, съ первымъ же, можемъ сказать, словомъ Евангельскаго благовѣствованія, огласившаго Русь на родномъ, понятномъ всему народу ея языкѣ, — святыя истины вѣры проникли въ духъ его, приросли къ его сердцу, воплотились въ жизни! Какъ, ещё въ самой колыбели своего духовнаго возрожденія, украсилась и возсіяла Русь св. храмами Божіими, — смиренными обителями иночества и пустыннаго житія! А юная церковь русская — сонмомъ св. угодниковъ Божіихъ, свѣтившимъ міру своею вѣрою и жизнію повсюдно и на всѣхъ поприщахъ: на высотѣ княжескаго престола и въ убогой хижинѣ селянина, на святительской каѳедрѣ и въ уединённой кельѣ инока, — среди шума городовъ и селеній и въ глуши непроходимыхъ дебрей и пустынь!

И что видимъ ещё? Тамъ именно, гдѣ сіяло благочестіе русской жизни, тамъ же свѣтилась и русская мысль, и творилось русское слово... И, что питало св. вѣру въ сердцѣ и жизни

rodné písemnictví, než písemnictví s obsahem od Boha zjeveným; a tím samým pak nejen vzbudili ruskou myšlénku a dali počátek ruskému slovu — než ještě to i ostatní — i myšlénku i slovo naše odchovali ve svatém, od Boha zjeveném učení. Kdo jsou oni nám potom? Oni jsou dvojnásob naši otcové a vychovatelé, zplodivší a vychovavší nás zároveň k životu duchovnímu i věčnému. Co vidíme na Rusi v oné světlé záři jejího života — kdy zároveň se sv. pravoslavnou vírou, která se byla zastkvěla v ní za času Vladimíra, ujalo se v ní i slovanské písemnictví? Kterak pojednou probudila se mysl ruská? S jakou horlivostí oddali se na učení se tomuto jim rodnému a při tom svatému písemnictví naši předkové — všichni od malého až do velikého! Knihy sv. Cyrilla i Methoděje čítaly, sepisovaly a přepisovaly se knížaty i prostými lidmi, duchovními i světskými. Zakládaly a rozmnožily se na Rusi školy, nalezli a vychovali se v ní horlitelé a vůdcové duchovní osvěty. Započala práce myšlení — a s ní počalo tříbiti se i slovo — ruské, mocné slovo — v památkách církevní výmluvnosti, v letopisných vypravováních o minulém i současném.

A zároveň s tímto ruchem myšlénky jaká též upřímná zbožnost! Jak, můžeme říci, již s prvým slovem evangelického blahozvěstování, poučivšího Rus na rodném, srozumitelném celému národu jejímu jazyku — svaté pravdy víry pronikly do ducha jeho, přirostly k jeho srdci, vtělily se v životě! Jak ještě v samé kolébce svého duchovního znovuzrození ozdobila a zastkvěla se Rus sv. chrámy božími — skromnými příbytky mnišstva a poustevnického života! A mladistvá církev ruská stala se shromážděním sv. miláčků božích svítivším světu svou vírou i životem všudy a na všech cestách: na výši knížecího trůnu i v chudé chatrči vesničana, na biskupské stolici i v osamotnělé celi mnicha — u prostřed hluku měst i dědin i v zátiší neprůchodných lesnatých úžlabin a pustin!

A co vidíme ještě? Právě tam, kde stkvěla se zbožnost ruského života, tam pak zářila i ruská myšlénka i vytvořovalo se ruské slovo . . . A co kojilo sv. víru v srdci a životě národa,

наро́да, — то са́мое буди́ло и его́ мысль и обновля́ло сло́во. Такъ, — пе́рвые христiа́нскiе хра́мы на Руси́ бы́ли и пе́рвыми наро́дными учи́лищами; пе́рвыя святы́я кни́ги, по ко́имъ вѣ́ровали и спаса́лись на́ши пре́дки, бы́ли и пе́рвыми исто́чниками для нихъ свѣ́та и зна́нiя; пе́рвыя оби́тели и́ночества — и пе́рвыми прiю́тами и разса́дниками духо́внаго просвѣще́нiя; пе́рвыя, наконе́цъ, свѣти́ла вѣ́ры и столпы́ це́ркви — и пе́рвыми вождя́ми мы́сли и творца́ми сло́ва.

Такъ, еще́ на са́мой зарѣ́ жи́зни ру́сскаго наро́да, пе́рвые лучи́ вѣ́ры, осѣни́вшей его́, и пе́рвые про́блески мы́сли, пробуди́вшейся въ нёмъ, — слили́сь какъ бы воеди́но въ его́ ду́хѣ и жи́зни и, тогда́ же, такъ сказа́ть, отпечатлѣ́ли на челѣ́ его́ э́ти двѣ́ свѣ́тлыя черты́ его́ наро́дности, врѣ́занныя и углублённыя пото́мъ тысячелѣ́тнымъ о́пытомъ жи́зни; э́то — его́ неизмѣ́нная вѣ́рность и́стиннымъ нача́ламъ Правосла́вiя, проше́дшая чрезъ всѣ́ испыта́нiя, и крѣ́пкая усто́йчивость его́ наро́днаго ду́ха, засвидѣтельствованная вѣка́ми.

Была́ для ру́сской жи́зни одна́, осо́бенно, тя́жкая пора́, — пора́ гру́баго монго́льскаго влады́чества, — когда́ всё дорого́е и свяще́нное для нея́ на́гло попира́лось и оскверня́лось на глаза́хъ ея́, когда́ мысль и сло́во ея́ на до́лгое вре́мя какъ бы онѣмѣ́ли и за́мерли, когда́ са́мое существова́нiе ру́сскаго наро́да въ ины́е, тяжёлые дни, станови́лось тогда́ вопро́сомъ. И что ви́димъ? Свѣ́тлая струя́ наро́днаго ду́ха, возрощённаго и воспи́таннаго гра́мотою и кни́гами св. Кири́лла и Меѳо́дiя на незы́блемыхъ нача́лахъ богооткрове́ннаго уче́нiя, проби́лась и сквозь э́ту, двухъ-вѣковы́мъ ра́бство́мъ воздви́гнутую, стѣ́ну мра́ка и запустѣ́нiя, и, по минова́нiи стра́шной годи́ны, сно́ва, ещё ши́ре и оби́льнѣе, разлила́сь пото́ками мы́сли и сло́ва по всему́ необозри́мому мо́рю славя́но-ру́сской жи́зни.

Бы́ли та́кже тя́жкiя и многокра́тныя испыта́нiя и для правосла́вiя ру́сскаго наро́да. Но онъ, впита́вшiй въ себя́ нача́ло правосла́вiя какъ бы съ пе́рвыми звука́ми и письмена́ми родна́го сло́ва, — онъ, мо́жно сказа́ть, роди́вшiйся правосла́внымъ, всегда́ гото́въ былъ лу́чше потеря́ть всё, отре́чься отъ са́маго существова́нiя своего́, то́лько бы не поступи́ться ни

totéž budilo i jeho myšlénku a obnovovalo slovo. Tak byly první křesťanské chrámy na Rusi i prvými školami národními; první svaté knihy, dle kterých věřili a spasení došli naši předci, byly též prvými zdroji pro ně světla a poznání; první kláštery mniššstva — byly též prvými útulky a štěpnicemi duchovní osvěty; konečně první hvězdy víry a sloupy církve byly též prvými vůdci myšlénky a tvůrci slova.

Tak tedy ještě na samém úsvitě života ruského národa, první paprsky víry, osvítivší jej, a první probleskу myšlénky probudivší se v něm — slily se jakoby v jedno v jeho duchu a životě, a právě tehdáž takřka vytiskly na čele jeho tyto dva jasné tahy jeho národnosti, vryté a vštípené potom tisíciletou zkušeností životní: to jest — jeho neproměnná věrnost pravdivým zásadám pravoslaví, prošedší všemi zkouškami — a silná vytrvalost jeho národního ducha dokázaná stoletími.

Byla pro život ruský jedna zvláště trudná doba: — doba hrubého panství mongolského — kdy všecko, co bylo drahé a posvátné pro něj drže se šlapalo a przňilo před očima jeho, kdy myšlénka i slovo jeho na dlouhý čas jakoby oněmělý a utuchly, kdy sama jsoucnost ruského národa v mnohé těžké dny stala se tehdáž pochybnou. A co vidíme? Jasný proud ducha národního, zkypřeného a odkojeného písmem a knihami sv. Cyrilla a Methoděje na nepohnutých základech Bohem zjeveného učení, prorazil i tuto, dvouvěkou porobou vystavěnou hradbu temnoty a zpousty, a po uplynutí strašné doby znova ještě šířeji a hojněji rozlil se v potocích myšlénky a slova po veškerém nepřehledném moři rusko-slovanského života.

Byly též trudné a časté zkoušky i pro pravoslaví ruského národa. Než on, vssavší do sebe základ pravoslaví jakoby s prvními zvuky i písmeny rodného slova — on, možno říci, zrodivší se pravoslavným, vždy byl hotov raději ztratiti vše, odříci se samé jsoucnosti své, jen aby nepozbyl ani jediné perly z onoho

однимъ перломъ изъ того сокровища вѣры, которое завѣщали ему въ своихъ книгахъ богомудрые первоучители его свв. Кириллъ и Меѳодій.

Вотъ что сдѣлали для насъ свв. Кириллъ и Меѳодій! Они положили первый и краеугольный камень славѣ и величію русскаго народа въ ряду другихъ народовъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ породили и воспитали для вѣчнаго спасенія на небѣ весь славяно-русскій родъ. Какъ же намъ не чтить и не благословлять память сихъ отцёвъ и учителей нашихъ?

Должно намъ, воистину, чтить и благословлять ихъ память, но какъ? — не устами только и языкомъ, а дѣломъ и жизнію. Добрые дѣти не расточаютъ, а берегутъ на доброе употребленіе и умножаютъ отцовское наслѣдіе. Будемъ и мы свято блюсти и развивать тѣ свѣтлыя начала нашей народности, которыя чрезъ цѣлое тысячелѣтіе, завѣщали намъ св. первоучители нашихъ предковъ — Кириллъ и Меѳодій.

Мы видимъ, что искони просвѣтило и вѣками воспитало и сдѣлало сильными нашъ народный духъ, нашу русскую мысль и слово — богооткровенное ученіе св. православной вѣры. Да будутъ же навсегда проникнуты нашъ духъ, наша мысль и слово всеозаряющимъ свѣтомъ сего божественнаго ученія! Тогда всѣ мы будемъ истинно-просвѣщёнными людьми и истинно Русскими.

Мы видимъ также, какъ глубоко проникла и въ самую жизнь нашихъ предковъ св. православная вѣра, едва только они восприяли её, видимъ, притомъ, какою дорогою цѣною искупилъ русскій народъ своё православіе, но за то видимъ и то, какіе дивные плоды вѣры и благочестія произрастило оно на св. Руси. Будемъ и мы не на словахъ только и не по имени только православными, но истинными, вѣрными чадами св. Православной Церкви.

Мы не можемъ, наконецъ, не видѣть и не чувствовать, какимъ могучимъ орудіемъ въ развитіи духовно-христіанской жизни русскаго народа послужилъ тотъ языкъ, который первые предали намъ въ письмени св. Кириллъ и Меѳодій, языкъ нашихъ предковъ, значитъ нашъ родной, славянскій языкъ. На нёмъ, какъ видимъ, воспиталось наше древнее православіе;

pokladů víry, jejž mu odkázali ve svých knihách bohomoudří prvoučitelé jeho sv. Cyrill a Methoděj.

Hle co učinili pro nás sv. Cyrill a Methoděj! Oni položili první a úhelný kámen slávě a velikosti ruského národa v řadě ostatních národův, a zároveň s tím porodili a vychovali ku věčnému spasení na nebi celý slovansko-ruský rod. Jak tedy neměli bychom ctíti a blahoslaviti památky těchto otcův i učitelův našich!?

Třeba nám vpravdě ctíti a blahoslaviti jejich památku, než jak? — ne ústy pouze a jazykem, nýbrž skutkem i životem. Dobré děti nemrhají, ale šetří pro dobrý užitek a rozmnožují otcovské dědictví. Chraňme i my svatě a pěstujme ty jasné zásady naší národnosti, které na celé tisíciletí odkázali nám sv. prvoučitelé našich předkův — Cyrill a Methoděj.

Vidíme, že ode dávna osvítilo a v stoletích vychovalo a učinilo mohutným náš národní duch, naši ruskou myšlénku a slovo — od Boha zjevené učení sv. pravoslavné víry. Nechť bude tudíž navždy proniknut náš duch, naše mysl i slovo vše ozařujícím světlem tohoto božského učení! Tehdáž my všickni budeme pravdivě osvícenými lidmi a pravými Rusy.

Vidíme taktéž, jak hluboce vnikla i v samý život našich předkův sv. pravoslavná víra, jakmile jen ji byli přijali, vidíme při tom, za jakou drahou cenou vykoupil ruský národ své pravoslaví, než za to vidíme i to, jaké zázračné plody víry i zbožnosti ono přineslo na svaté Rusi. Buďme i my ne toliko slovy a ne pouze jmenem pravoslavnými, ale skutečnými, věrnými dítky sv. pravoslavné církve.

Nemůžeme konečně neviděti i necítiti, za jaký mohutný nástroj v rozvoji duchovního křesťanského života ruského národa sloužil ten jazyk, jejž první nám dali v písmě sv. Cyrill a Methoděj, jazyk našich předkův, tudíž náš rodný, slovanský jazyk. V něm, jak vidíme, odchovalo se naše staré pravo-

на нёмъ, какъ на ко́рнѣ, вы́росла и укрѣпи́лась на́ша ру́сская мысль; изъ него́, какъ изъ своего́ исто́чника, вы́лилась и на́ша рѣчь. Воздади́мъ же до́лжное сему́ языку́. Безъ надлежа́щаго изуче́нія его́ безси́льна была́ бы и на́ша мысль, вя́ло и безжи́зненно са́мое сло́во. И́бо — какъ предполага́ть жизнь въ де́ревѣ, отрѣ́занномъ отъ своего́ ко́рня? — или какъ иска́ть оби́лія водъ въ ручьѣ́, отдѣ́лённомъ отъ исто́чника? Не забу́демъ, говори́мъ, что э́то нашъ родно́й язы́къ. На нёмъ, когда́ ещё мы бы́ли ма́лыми дѣтьми́, учи́ли насъ на́ши отцы́ и ма́тери говори́ть пе́рвыя слова́ моли́твъ . . . На нёмъ всѣ́хъ насъ, и ма́лыхъ и взро́слыхъ, и ны́нѣ у́читъ и воспи́тываетъ (и, доко́лѣ бу́детъ стоя́ть ру́сская земля́, всегда́ бу́детъ учи́ть и воспи́тывать) и на́ша Ма́терь — св. Це́рковь. Умѣ́стны ли бы́ли бы ме́жду на́ми холо́дность и пренебреже́ніе къ э́тому бога́тому, мо́щному и, прито́мъ, свяще́нному для насъ, языку́? Тяжело́ помы́слить, что есть ещё лю́ди, имену́ющіе себя́ ру́сскими и правосла́вными, кото́рые не ви́дятъ для себя́ никако́го лише́нія и стыда́ въ томъ, что для нихъ неудо́боразуми́тельны не то́лько звуки церко́вныхъ пѣснопѣ́ній, но и са́мое Ева́нгеліе на славя́нскомъ языкѣ́, — и что есть да́же и такі́е, не заслу́живающіе, впро́чемъ, уже́ и́мени ни ру́сскихъ, ни правосла́вныхъ, кото́рые гото́вы, подъ часъ, глуми́ться надъ са́мыми святы́ми слова́ми и изрече́ніями, то́лько потому́, что они́ слы́шатъ ихъ на славя́нскомъ языкѣ́. Бу́демъ имѣ́ть терпѣ́ніе: ещё то́лько начина́ютъ переводи́тся у насъ на Руси́ лю́ди, не счита́вшіе пре́жде за грѣхъ — стыди́ться всего́ и́стинно-ру́сскаго, оте́чественнаго.

Моли́твами отцёвъ просвѣти́телей на́шихъ, равноапо́столовъ Кири́лла и Меѳо́дія, да дару́етъ намъ Госпо́дь духъ и́стинной любви́ къ св. вѣ́рѣ и храни́тельницѣ ея́, правосла́вной Це́ркви, къ ихъ языку́, уста́вамъ и велѣ́ніямъ, да умудря́емые ду́хомъ сей любви́ и вспомоществу́емые Боже́ственною благода́тію, ти́хое и безмяте́жное жи́тіе поживе́мъ здѣ́сь на землѣ́, во вся́комъ благоче́стіи и чистотѣ́, въ ча́яніи вѣ́чнаго блаже́нства, угото́ваннаго намъ на небѣ́. Ами́нь.

slaví; na něm, jako na kořeni vyrostla a utužila se naše ruská myšlénka; z něho, jak ze svého pramene, vylila se i naše řeč. Vzdejme tedy povinné díky tomuto jazyku. Bez náležitého seznámení se s ním byla by bez síly i naše myšlénka, suchopárné i bezživotné samé slovo. Neboť — kterak předpokládati lze život ve stromě, odřezaném od svého kořene? — neb jak hledati možná hojnost vod v potoce, odděleném od pramene? Nezapomeňme, pravíme, že jest to rodný náš jazyk. V něm, když jsme ještě byli malými dětmi, učili nás naši otcové a matky říkati první slova modliteb .... V něm všecky nás, jak malé tak dospělé, i nyní učí a vychovává (a pokud bude státi ruská země, vždycky bude učiti a vychovávati) i naše máti, sv. církev. Může-li býti mezi námi chladnost a opovržení k tomuto bohatému, mohutnému, a při tom posvátnému pro nás jazyku? Trudno pomysliti, že jsou ještě lidé, nazývající sebe Rusy a pravoslavnými, jižto nevidí pro sebe nijaké újmy a hanby v tom, že jsou jim nesrozumitelny ne jen zvuky církevních chvalozpěvův, ale i samo evangelium v slovanském jazyku — ba že jsou i tací, kteří nezasluhují ostatně již jmena ani Rusův, ani pravoslavných, jižto jsou hotovi druhdy rouhati se nad nejsvětějšími slovy i výroky, jedině proto, že je slyší v jazyce slovanském. Mějme trpělivost: už začínají vymírati u nás v Rusku lidé, kteří nepokládali dříve za hřích — hanbiti se za vše opravdivě ruské, vlastenecké.

Modlitbami otcův osvětitelův našich, rovnoapoštolů Cyrilla a Methoděje, kéž udělí nám Pán ducha opravdové lásky k svaté víře a chranitelkyni její, pravoslavné církvi, k jejich jazyku, ustanovením i přikázaním, bychom jsouce poučováni duchem této lásky a podporováni božskou milostí, tiché a poklidné žití vedli zde na zemi, ve všeliké zbožnosti a čistotě, v očekávání věčného blahoslavenství připraveného nám v nebesích. Amen.

Поправки. — Opravy.

Стран: Str.:	Строк: Řád.:	Напечатано: Vytištěno:	Должно быть: Má býti:
8	12	Февраля	Февралѧ́.
8	27	Сочине́ніяприсыла́ ются	Сочине́нія присыла́ются.
12	18	находитъ	нахо́дитъ.
13	10	zařídějí	zařídí.
14	33	Евро́ны	Евро́пы.
36	11	быва́лн	быва́ли.
36	19	въ	къ.
38	1	происхождeніи	происхожде́ніи.
41	21	Arnovský	trnovský.
55	5	větší	věští.
64	19	слѣ́дователѣ бо́льное	слѣ́дователъно бо́лѣе.
80	19	устроя́тъ	устроя́ть.
120	35	небѣ́	не́бѣ.

Поправки. — Opravy.

Стран: Str.:	Строк: Řád.:	Напечатано: Vytištěno:	Должно быть: Má býti:
8	12	Феврала	Февраля.
8	27	Сочиненіяприсылаются	Сочиненія присылаются.
12	18	находитъ	находятъ.
13	10	zařídějí	zařídí.
14	33	Европы	Европы.
36	11	бывали	бывали.
36	19	въ	къ.
38	1	происхожденіи	происхожденія.
41	21	Arnovský	Trnovský.
55	5	větši	větší.
64	19	слѣдователь больное	слѣдовательно болѣе.
80	19	устроитъ	устроятъ.
120	35	небѣ	небѣ.

Гос. Центр. Научн. Б-ка НКП РСФСР
Инвент. №
193 г.